ТРАНZИТ

3-2012

41 Голод тигра
Рене Бержавель

12 Куда девается волшебство?
Shala

26 Не измышляй
Бескаравайный С. С.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

new
dtn
financial
death
found
home
facebook
report
says
wikileaks
open
president
google
million
missing
official
officials
shooting
south
woman
video
tax
world
u.s.
iphone
haiti
iran
holiday
kills
make
life
party
monday
health
military
iraq
nuclear
media
democrats
california
china
anderson
lisa
archive
attack
billion
court
bill
coast
cuts
deal
bomb
black
can
chief
business
care
city
dream
cruise
days
defense
ahead
australia
merica
britain
big
accused
congress
christmas
early
bush
europe
explosion
last
fall
five
chart
brazil
authorities
americans
charged
flooding
girl
higher
group
indonesia
injured
india
help
launch
faces
fight
family
gets
hits
elizabeth
key
governor
money
north
miners
job
protesters
free
go
law
madoff
flight
happy
privacy
jobless
move
resume
israel
plot
oil
ohio
tomas
star
threat
use
tech
zsa
votes
work
years
tv
tsa
starts
season
thousands
wednesday
tuesday
time
tell
washington
unemployment
stock
storm
security
repeal
say
online
people
phone
record
markets
pay
minister
national
murder
killing
make
iran
high
million
news
sales
lower
ivory
south
shooting
official
missing
monday
king
mine
one
next
political
southern
test
yemen
teen
still
school
son
victims
suicide
two
vote
trade
wants
workers
u.n.
visit
students
street
steve
talks
recalls
protests
signs
store
show
sex
second
snow
strong
right
san
search
winter
trial
troops
shot
year
texas
sudan
wir
takes
stock
trade
vote
two
workers
u.n.
visit
students
street
steve
talks
recalls
still
school
son
victims
suicide
two
thousands
wednesday
tuesday
time
tell
washington
unemployment

Вводное слово

Рэй Вен

Pre.Pre.S.

Вы когда-нибудь раньше встречали Пре.Пре.С? Наверное, нет. Только здесь.

Дело в том, что П.С. или П.П.С. ставят не так редко. Это когда уже всё сказано, а потом: "Ой, вспомнил!!". И дописывают.

А в нашем случае вышло так, что редактор уже всё написал, но тут появился ещё один человек, которому нужно было добавить своё слово, но обязательно ПЕРЕД словами редактора.

Это и называется Пре.С.!

Ну, а чтобы это стало понятным, пришлось написать объяснение, которое и не назовёшь иначе как "Пре.Пре.С." Итак,...

Pre.S.

Да, 29 февраля. Это особенный день. Мы едва отыскали этот номер в социальной сети. Это случилось 19 февраля, как и планировалось. Но открыв его, мы пришли в ужас! Под обложкой творился настоящий хаос: статьи, картинки, даже многие буквы были перепутаны!!! Ну, а как вы хотели: Социальная Сеть...

Да, немалых трудов стоило нам собрать номер заново. Но мы это сделали! Правда, пришлось выпросить Лишний день у создателей календаря, чтобы уложиться в этот месяц. Зато мы оставили живыми тех двух легендарных зайцев: и номер выпустили, и подарили вам лишний день приятной жизни.

Наслаждайтесь им и можете не благодарить нас. Мы дарим радость просто так.

Собственно вводное слово. Мы живём в Социальной Сети. Многие из нас. Даже те, кто так не считает.

Такой вывод делаешь, описывая то, как мы общаемся между собой, и живём, каждый день получая информацию и посылая её друг другу.

Нынешние исследователи феноменов общения и специалисты в области технологий, а также психологии и философии не могут ничего сделать с тем фактом, что принятое большинством людей понятие социальных сетей как о сайте для общения уже стало таким привычным и доступным, что, естественно, прочно вошло в повседневную жизнь.

Пришло самое время изучать Социальные Сети, осмыслять их и, конечно, пользоваться ими. Именно этим и заняты энтузиасты специалисты.

Кому-то Социальные Сети помогают развивать и продвигать бизнес, делать его более популярным. Кто-то приходит в Сети, чтобы просто пообщаться, высказаться, показать себя миру и получить внимание или ценный совет. Кого-то интересует именно мнение "очевидцев и участников" каких-то событий или же оценка профессионалов - заметный процент пользователей сетей регистрируется для поиска компетентных суждений.

Есть люди, которых привлекает скорость и удобство распространения любой информации: от видеороликов, снятых только что своим телефоном, до шедевров литературы или "планшета-и-фотошопа", над которыми сидел, возможно, не один месяц. То есть, для таких людей социальная сеть становится трибуной и сценой.

Для пользователей уже давно не новость, что в каждой социальной сети есть свои хорошо известные гуру, скандалисты, провокаторы, узнаваемые авторы и даже внутрисетевая культура, манера общения и "примочки" - признаки общения, принятые именно в этой социальной .сети.

Специалисты же получают возможность быстро и зачастую весьма достоверно исследовать мнение людей, просто анализируя состояние социальных сетей.

Большое разнообразие мнений «за и против» Социальных сетей, рассказы "о плюсах и минусах", страшилки и светлые легенды, романтические истории и шокирующие новости так и будут рождаться для кого-то и удаляться кем-то. И это, скорее всего, не сильно повлияет на интерес пользователей к социальным сетям в ближа йшембудущем: пока люди составляют социальное общество и пока они стремятся создавать сообщества, они так и будут интересоваться общением в какой угодно форме. Общение - это то, что развивает, объединяет, даёт чувство поддержки или возможность делиться чувствами и мыслями. Это то, что помогает понимать жизнь. И если подумать отвлечённо, но не слишком углубляться в философию, Социальные Сети существовали всегда, на протяжении всей истории коммуникации людей . Они не всегда были компьютерными и не всегда будут такими, это просто этап. Это просто способ общения.

И каждый общается так, как ему удобно. Каждый использует общение так, как считает нужным, исходя из своих ценностей, целей и убеждений. К такому выводу пришли специалисты нашей редакции :)

Именно эту мысль мы постарались выразить в данном номере, собранном, как и положено социальной сети, как из обрывочных, непрофессиональных, не стилизованных текстов, так и из серьёзных работ людей, которые в любом общении открывают сложные и мощные понимания.

Ну, всё уже, читайте скорее, я вас больше не отвлекаю.

Содержание

3 Вводное слово
Рэй Вен

6 Блокнот
Небольшой сборник статей, намекающий на то, что социальные сети это, пожалуй, вредное зло или, как минимум, бесполезная трата времени.

12 Куда девается волшебство?
Shala
Трогательный рассказ с названием, которое описывает содержание.

15 Виртуальное общение. Напечатанное вслух
Татьяна Адаменко
Статья со своеобразным характером. Аналитические размышления не профессиональной, но опытной публицистки об основных признаках Сетевого общения.

18 Город
Ольга Добрынина
Загадочное и откровенное признание таинственному городу, в котором чувства, и судьбы сплетаются в тонкие волшебные сети.

22 "Настоящая жизнь социальных сетей"
Пола Адамса
Несколько отрезвляющих фактов для тех, кто паникует по поводу безопасности в социальных сетях, или склонен преувеличивать вред от них для психики своей личности.

24 О заражении ожирением и счастьем через социальные сети,
глазами Николаса Кристакиса

а так же секретный документ из таинственного источника

Необычные, и даже немного волшебные данные :) О том, что по сети могут распространяться не только слухи, компьютерные вирусы и электронные деньги, но и..чувства людей, которые могут влиять на судьбу. Так что будьте внимательны!

26 Не измышляй

Бескаравайный С. С.

Фантастически необычный рассказ , хотя и касающийся сетей косвенно. Он весьма оригинально иллюстрирует технологии борьбы за внимание. Интересно даже просто представить, каким был бы виртуальный мир с такой удобной и опасной технологией.

35 Развенчание мифов

Статья от исследовательской компании Synovate на основе статистических данных развенчивает основные мифы, создающие социальным сетям образ могущественных и даже роковых явлений. Трезвая оценка пользовательской активности в сетях, и интереса к ним. Который, кстати, начинает падать.

41 Голод тигра

Рене Бержавель (перевел Игорь Найденков)

Потрясающее эссе Рене Бержавеля в отличном переводе Игоря Найденкова, который уже полюбился нашей редакции. Бесподобное произведение, раскрывающее абстрактные и философские основы систем и, безусловно, побуждающее осмыслять и Видеть по-новому не только социальные сети, но, возможно, и смысл того, что мы делаем здесь.

Блокнот

Анкета, где учился, фотки, рейтинги фоток, личные сообщения, мини-гостевая - всё. У тебя только две цели - показать себя и посмотреть на других. Что называется, "засветиться". Наверное, поэтому дизайн проекта не то что аскетичен, а прямо грешит откровенной убогостью.

Зачем при этом "одноклассникам" потребовались крутые ява-программисты с зарплатами в 90.000/мес и офис на Павелецкой, и главное, откуда у них на всё это деньги, при отсутствии на сайте хотя бы серьезной рекламы - для меня загадка, которая объясняется только причастностью проекта к более серьезным теневым проектам - например, тотальный сбор информации о всех и вся. Кстати, вот как раз к этому не надо относиться со смехом. Когда на меня через поиск вылезли практически ВСЕ люди, которые когда-либо со мной общались, даже совсем недолго, я испугался. Парочка сообщений друг другу - и администрации "одноклассников" уже известно о тебе очень, очень многое.

Нет, спасибо. Я маленький человек, но и я боюсь слишком раскрывать свою личную жизнь. Ауфидерзеен, и я удалил свою анкету, напоследок бессильно улыбнувшись сообщению, что "учтите - Вы никогда больше не сможете зарегистрироваться под этим е-мейлом". Нет, не проблема, захочу опять зарегистрироваться - заведу другой е-мейл. Проблема в другом. Это сообщение означает, что мой е-мейл - а значит, возможно, и все остальные данные - будут храниться в базе данных "Одноклассников" ВЕЧНО.

Маленький, еще один маленький вопрос - а зачем это вам, "Одноклассники"?

Затем. Что кончается на "м". Или начинается на "м". Матрица.

Нет, похоже, Апокалипсис обязательно состоится. Проездные билеты, банковские карточки, электронные удостоверения личности, электронные денежно-расчетные системы сольются с "одноклассниками" и их потомками в одно целое, и это целое сольется с нами в едином порыве, от которого мы не сможем никуда деться. Как не деться от теней прошлого, всплывающих в окне "У Вас новое сообщение!". И пусть с этой тенью тебя не связывает ничего, кроме смутных воспоминаний о школьной юности - в которой, впрочем, вас тоже мало что связывало. Ты должен улыбаться, и ты будешь улыбаться. А потом вы перестанете обмениваться сообщениями, потому что говорить больше не о чем, и даже мерцающая панелька "на сайте", свидетельствующая о том, что одноклассник тоже сейчас сидит за компьютером и с ним можно пообщаться - будет только напрягать.

Управляемый информационный мир. Мир предопределенной свободы, обманчиво сверкающий дизайнерскими красками, как компьютерная игра, и столь же ограниченный рамками воображения разработчиков и техническими возможностями компьютеров.

Ты не сможешь сделать то, что не будет предусмотрено Матрицей - например, дать милостыню бездомному или уйти в монастырь, или еще что-нибудь. Просто такого пункта не будет в меню управления. Ты захочешь поваляться на диване и помечтать, глядя в потолок, но тебя запрягут и погонят - вперед - за комфортом, за выживанием, за "одноклассниками". А неведомые администраторы одним нажатием кнопки на экране будут отправлять тысячам и сотням тысяч юзеров сообщение: "Новая возможность на нашем портале! Приглашаем Вас принять участие в модерации анкет! За удаление некрасивой фотографии - 5 очков, фотографии с ребенком - 10 очков". И юзера помчатся уничтожать друг друга с большевистской удалью. Или ставить друг другу "пятерки" и "двойки" за то, с какой внешностью тебя мама родила.

По мне, так лучше быть индейцем в резервации или крестьянином в Сибири, чем неподвижной клеточкой-компьютером нового информационного мира.

Надрываясь, пахать черную сырую землю, вглядываясь в ее ростки, сорняки, камешки-букашки, пытаясь понять, что сулит будущий урожай - лучше, чем вглядываться в пикселы монитора до тех пор, пока в глазах не начинает двоиться.

Устав, лучше присесть на межу, или даже развалиться на теплой овчинке да посмотреть в синее небо - чем пялиться в тот же треклятый монитор, в поисках отдыха переходя на сайт анекдотов.

А дома пусть будет полумрак, тепло печки и потрескивающая тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов, детским смехом и разговорами женщин на кухне - чем, опять же, звуки из этого распоганого компьютера и такого же распоганого телевизора.

Потому что Человек появился на Земле не сидящим у компьютера - а бегущим за добычей, копающим землю, метающим копье, рубящим дерево и мясо. Зорко вглядывающимся вдаль в поисках жертвы и врага.

И чтобы войти в новый мир, надо сначала убить этого Старого Человека и сделать вместо него Нового Человека - который, судя по развитию событий, должен представлять собой нечто вроде электронной амебы.

Нет. Это - пожалуйста, без меня.

21.12.2007

Источник: Newsland, 21.12.2007

БИЗНЕС НА "ОДНОКЛАССНИКАХ". Когда Никиту Михалкова в Венеции спросили, какое поздравление с триумфом его фильма «12» для него стало неожиданным, он пошутил: «Путин занес меня в «друзья» на «Одноклассниках». После этого стало понятно, что от феномена отмахнуться невозможно.

Невыразительный дизайн в бледно-апельсиновом и салатном цветах, интерфейс, функциональный до скучности. Простенькая идея: сайт, где спустя годы можно найти того, с кем вместе учился в школе или институте. Но первое впечатление от http://www.odnoklassniki.ru/, новичка, запущенного в Рунет в середине 2006 года, обманчиво. По данным счетчика Yandex, даже обитатели мегапопулярного некогда LiveJournal «переезжают» на ПМЖ в http://www.odnoklassniki.ru/, резервируя за ЖЖ статус «дачи».

Казалось бы, зачем отказываться от комфортной жизни в LiveJournal под псевдонимом-ником? «Одноклассники», словно советская анкета, для регистрации требуют сообщить ваши подлинные Ф. И. О., место жительства, год рождения, годы и место учебы (обмануть не удастся по определению — одноклассники не дадут). Все эти сведения, собранные воедино, называются клиентской базой. Это настоящая бомба, супероружие в войне за клиента (читай: покупателя), которая давно идет в Интернете. Базы воруют, перекупают. А тут люди сами, добровольно сообщают свои персональные данные, контакты, социально-демографические характеристики, к тому же заведомо достоверные. Как в старом советском анекдоте — добровольно и с песней. Без дураков, идея, близкая к гениальности.

Предлагая эту сделку — ваши персональные данные в обмен на сведения об однокашниках и сослуживцах, — «Одноклассники» бьют рекорды популярности. На портале еще в августе 2007 года были зарегистрированы 5 млн человек, сегодня — более 6,1 млн. За сутки туда заходит от 700 тыс. до 2,5 млн гостей. Новичок вырвался на третье место по посещаемости в России, уступая лишь поисковым системам Yandex и Rambler, а в Москве прочно поселился между четвертым и шестым местами.

По данным TNS Gallup Media, сейчас около 30% всех пользователей российского Интернета заходят на «Одноклассников». Счетчики Rambler прогнозируют, что к 2010—2012 годам социальные сети типа «Одноклассников» охватят до половины аудитории Интернета, а к 2014-2018-му — до 60—70%.

Одна наша знакомая, дизайнер глянцевого журнала, имеющая репутацию продвинутого интернет-пользователя, отзывалась о социальных сетях как о нише для «чайников». Но лишь до тех пор, пока ее муж-француз, живущий в России, не зарегистрировался на французском сайте — аналоге «Одноклассников». Когда у него горели глаза при чтении писем и рассматривании фотографий его друзей детства и бывших коллег, девушка терпела. Однако когда

его «бывшие» начали слать ему фото своих деток, мужей, собак и кошек, она зарегистрировалась на http://www.odnoklassniki.ru/ и скоро обнаружила, что у нее, как и у мужа, загораются глаза, когда она читает письма или рассматривает фото потерянных спутников своей биографии. И она почти сменила гнев на милость — снисходительно называет «Одноклассников» «сайтом интеллектуальной случки». «Там, во-первых, можно увидеть реальную фотографию, — объясняет она, — во-вторых, узнать, где человек учился, а в-третьих, по его друзьям и гостям понять окружение нового или старого знакомого. И то, что они перемещаются в сеть максимально публичную, мне лично симпатичнее анонимной смелости ЖЖ».

— Это попытка нащупать свой социальный круг, — полагает Зураб Кекелидзе, заместитель директора Научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского. — Почему через виртуальное пространство — тоже понятно. В последнее десятилетие XX века прежняя социальная структура была разрушена, и мало кто представляет, как далеко разбросала жизнь вчерашних однокашников. Многие по нескольку раз сменили и род занятий, и место жительства, и социальный статус, и даже страны. Для переходных периодов вообще характерна высокая социальная мобильность и атомизация общества. Но кризисные времена люди переживают поодиночке, а выкарабкиваясь из них, хотят создать вокруг себя благоприятную среду, в которой хорошо было бы не только им.

Социальные сети, как полагают ученые, сродни родственным связям, но перешедшим на более технологичный уровень. Люди, поселяясь в Сети и показывая через нее фото — свои, своих близких, своего дома, отдыха и т. д., — сознательно или несознательно демонстрируют свой статус. Фиксируя его, они ищут людей своего круга, стараясь завязать полезные контакты, разыскать потенциальных клиентов или компаньонов. По части реальности имен и личной информации сайты вроде http://www.odnoklassniki.ru/ — идеальный ресурс. Психологи уверяют: когда человек возвращается в детство, он расслаблен, открыт и может рассказать о себе все. Маркетологи знают: на этом можно неплохо зарабатывать.

Наживка

Эту историю знакомый аудитор, просивший не упоминать его имя, рассказал нечаянно. В кофейне мы засиделись за полночь. Она была почти пуста, и девушка-официантка коротала последние полчаса до закрытия за ноутбуком. Как заметил аудитор, «шарила» как раз по сайту «Одноклассники».

— Надо же, как люди подставляются, — показал он на девушку, увлеченно выкладывавшую на сайт свои фото в бикини на фоне явно не ее яхты. — Вот такие и попадаются. Или служат «наживкой».

Он вспомнил, как консультировал агентов из бюро кредитной безопасности, взыскивавших задолженности с клиентов двух известных на рынке кредитования банков. Заемщики указали в паспорте место прописки, но не проживания. И получалось — ищи ветра в поле. Тогда аудитор навел агентов на коммуникационные сервисы — http://www.moikrug.ru/, http://www.odnoklassniki.ru/, http://www.mamba.ru/, http://www.vkontakte.ru/. Те (от имени, понятно, длинноногой блондинки) разместили по всем сайтам знакомств ее анкету и фото и начали искать — друзей по интересам, знакомства, одноклассников.

И нашли. Как раз на http://www.odnoklassniki.ru/, набрав Ф. И. О. должника, получили список из 11 человек, которых начали «разрабатывать» с помощью виртуальной блондинки. Клюнули все 11, но агентов заинтересовали только трое. «Блондинка» придумала легенду, что она подруга подруги его однокурсницы — благо, учет гостей на сайте позволяет эту сказку сделать максимально правдоподобной и легко проверяемой. Девушка выставила свое фото в качестве гостя на личной страничке должника. И включилась в кокетливую переписку с ним, автоматически получив от него адрес служебной (!) электронной почты. Выдержав для приличия паузу, она попросила у несчастного номер мобильного телефона, и он его дал тут же! Дальше лишь делом разведывательной техники было узнать адрес проживания должника, который так и не встретился с «блондинкой». А встретился, как пошутил аудитор, «с быкастыми блондинами».

Способ поиска заемщиков так вдохновил агентов, что они поставили его на поток. Из 23 скрывшихся должников 14 клюнули на наживку, а семерых уже удалось поставить на счетчик выплаты просроченных долгов. При этом агенты коллекторских бюро не скрывают, что для достижения главной цели — номера мобильного телефона и адреса проживания должника — «наживка» использует все способы, от виртуального флирта до личных встреч.

Правда, пока аудитория социальных интернет-сервисов несравнимо мала по сравнению с числом недобросовестных должников. По данным счетчика Rambler, на сайтах vkontakte.ru, moikrug.ru, mamba.ru и odnoklassniki.ru зарегистрировано

в общей сложности 13 с лишним миллионов человек. Тогда как, по оценкам Центробанка, общее число должников, включая недобросовестных, составляет около 70 млн россиян. И доля просроченных кредитов все растет. Но даже в условиях стагнации рынка розничного кредитования банки не скрывают, что предпочитают продавать «плохие» долги коллекторам. А значит, социальные сети еще послужат — и не только делу интернетизации общества.

Информация как товар

Пожалуй, самыми громкими историями по выкачиванию денег из посетителей сайтов социальных сетей стали разоблачения екатеринбургских и мордовских хакеров 2004—2006 годов. Они, используя фото российских звезд шоу-бизнеса, регистрировались на сайтах знакомств и выуживали деньги из иностранных женихов и невест. С тех пор, по данным исследовательского центра Emedia, около 62% пользователей социальных сетей обеспокоены безопасностью личной информации о себе на профилях этих сайтов. А более 31% опрошенных признали, что из-за страхов, связанных с интернет-мошенничеством и внедрением в сети спецслужб, помещают на профилях сетей или не всю запрашиваемую о себе информацию, или неправдивую. Но и способы относительно законного выкачивания информации и денег из виртуального интернет-населения не стоят на месте.

— Надо признать, Интернет достаточно умело и успешно используют как спецслужбы, так и криминал, — говорит Александр Сотов, руководитель агентства «Практика финансовых расследований», партнер Московской коллегии адвокатов. — Спецслужбы, например, для борьбы с террористами, распространителями наркотиков, детской порнографии и т. д. Недавно в Голландии была раскрыта сеть педофилов благодаря тому, что спецслужбы обнаружили чат, где общались эти люди. Разведчики вошли в контакт с ними, выяснили их местонахождение и арестовали. Так что социальные сети действительно можно рассматривать как кладезь информации. Тех же «Одноклассников». Зачем тратить тысячи долларов, опрашивая родных или однокурсников разыскиваемого, если можно потратить, условно говоря, полтора доллара, зайдя на сайт, и найти человека?

Сотов убежден: практика интернет-расследований только набирает обороты, она еще не структурирована и совсем не обязательно, что о ней могут быть осведомлены владельцы социальных сайтов. Создатель http://www.odnoklassniki.ru/ Альберт Попков, впрочем, считает: «Если пользователя нет на „Одноклассниках", значит, ему есть что скрывать. А спецслужбы вполне справляются со своей работой и без нас. У них есть СОРМ — система оперативно-розыскных мероприятий. Зачем им сетевые развлекательные проекты? Мы ведь никого не принуждаем сообщать секретную или правдивую информацию о себе. Всегда есть возможность не регистрироваться вообще».

Однако статистика неумолима. По данным TNS Gallup Media, более 93% посетителей социальных сетей, сталкиваясь с требованием регистрации на сайте, соглашаются с ним по умолчанию, а до 87% из них с уважением относятся к тому, что социальные сети можно использовать в бизнес-целях. Попков говорит, что основной заработок его сайта — баннерная реклама: «Но мы принципиально не продаем рекламу на странице регистрации пользователей. Нам дорог каждый посетитель, а его отталкивают „всплывающие" окна, например. Также не считаю возможным использование персональных данных пользователей для рекламы».

Гендиректор компании «Медиа Мир» (loveplanet.ru, vspomni.ru) Михаил Гуревич также убежден: торговать базой данных клиентов себе дороже.

— У меня подход простой, — говорит Гуревич, — утечка информации — это глобальная проблема безопасности. До 90% баз данных сегодня можно не взять в социальных сетях, а купить в киоске у метро или на любом электронном рынке. Вот где дыра, создающая проблему информационной безопасности в Инете. На этом фоне база данных с тех же «Одноклассников» — безобидная шутка. Другое дело, что для мошенников, крадущих информацию у социальных сетей, Интернет — новый и хороший инструмент для их нелегального бизнеса.

Тем не менее, несмотря на обещания интернет-сообщества не торговать персональными данными в Сети, по данным Emedia, до 50% существующих баз данных предлагается на продажу именно благодаря раскодированию или заимствованию электронной почты клиентов социальных сетей. Есть база данных Центробанка по банковским долгам за 6 тыс. рублей, база данных физических лиц Москвы с телефонами, пропиской, собственностью за 3 тыс. рублей; регистрационная база данных ГАИ Москвы (ДТП, ПДД, розыск авто, водительские удостоверения) за 5 тыс. рублей. То же самое по Пенсионному фонду, банковским переводам, предприятиям.

— Тут сошлись две пока не решаемые проблемы, — убежден Александр Сотов, — первая: база пользователей — пусть не лукавят создатели и владельцы сетей — это цель любого сайта, мечтающего ее заполучить и извлекать из нее доход. Вторая: из-за отсутствия налаженных систем безопасности базы данных перекачивают мошенники, создавая теневой бизнес, чем-то напоминающий «теневиков» эпохи советской экономики. Пока они не разрослись до угрожающих масштабов, способных погубить бизнес. Более того, пока аудитория Интернета растет, места на «поляне» хватает всем. Но как только аудитория станет разборчивее и за нее начнется реальная конкурентная борьба, миролюбие интернет-сообщества, похожее на пофигизм, как ветром сдует. Оно начнет тратить немалые суммы на развитие защитных систем.

Пока же, по мнению Сотова, интернет-сети можно сравнить с экономикой переходного периода. По данным исследований аудиторско-консалтинговой компании «ФБК», интернет-аудитория становится коммерчески выгодной, когда на главную страницу сайта в день заходит от 10 тыс. человек (каждый входящий приносит владельцу сайта около 150 рублей). На тех же «Одноклассниках» в день бывает от 700 тыс. человек.

— Они поступили мудро, отказавшись от всплывающих окон и прочего обилия рекламы, — говорит Владимир Светашев, разработчик сайта http://www.skolko.ru/. — Практика показала, что как только социальные сети переходят на рекламный формат, минимум четверть посетителей уходят сразу, потом — еще до трети. Насколько я знаю, «Одноклассники» зарабатывают на технологии «поднять строчку в рейтинге», используя так называемые linkfarms (в переводе с англ. «фермы по выращиванию ссылок». — «Профиль»). И не исключаю, что их уже купили компании, знающие толк в этой технологии, по которой и продвигают свои интересы, прикрываясь их брендом.

Как эта схема работает, легко проверить. Когда мы вбили слово «одноклассники» в поисковую строку Yandex, на первом месте оказался сайт «Свободные студенты», предлагающий репетиторские услуги, вплоть до ручек-шпаргалок, на втором — агентство по трудоустройству молодых специалистов «Лидер», на третьем — http://www.odnoklassniki.ru/, а рядом, в верхнем углу справа, — агентство по организации торжеств «Все для свадеб». То есть специальная программа отправила на сеть из десятков тысяч сайтов «оплаченные» слова в виде гиперссылок. Yandex эти ссылки считал и продвинул «оплаченные» сайты на верхние строчки — в зависимости от размера вознаграждения.

А социальные сети тем временем уже начинают зарабатывать на персональных данных, которые их участники доверчиво сообщают о себе: на прошлой неделе коммерческий директор Yandex Алексей Третьяков заявил, что компания близка к подписанию соглашений с социальными сетями о доступе к информации их пользователей — чтобы показывать каждому из них интернет-рекламу с учетом пола, возраста и личных предпочтений. Руководитель проекта http://www.odnoklassniki.ru/ Попков факт переговоров подтвердил и ожидает «интересного предложения».

ДМИТРИЙ БЫКОВ

АДСКИЙ КРУГ

Источник: Деловой еженедельник "Компания", №497 от 04 февраля 2008. ko.ru

Вот чего я действительно никогда не пойму – так это страсти к одноклассникам. Почему народ бежит записываться в сообщества типа «В контакте» и отыскивать армейских, школьных, детсадовских товарищей – абсолютная загадка даже для тех, кто так чудесно угадал тренд и собрал семь миллионов участников. Альберт Попков, отец «Одноклассников», озолотился, но, кажется, сам не понимает, на чем.

Я долго думал над этой тайной – как и над своим стойким нежеланием вписываться в подобные сообщества. У Моэма в «Пирогах и пиве» есть история о том, как рассказчик приехал на родину, в английскую деревеньку: ему полтинник, у него триумфальная премьера в Лондоне, любовница-актриса, новый роман начат, через неделю он отбывает на Цейлон... Только началась слава, все впереди. Навстречу ему идет глубокий старик, седобородый, согбенный. Это его одноклассник, о Господи! У него трое детей, пятеро внуков. Он весь поглощен домашними заботами, страшно гордится своим овечьим и человечьим приплодом, глава семьи, патриарх, все в прошлом, но итог приятен. Рассказчик смотрит на него – Господи! Ведь это человек из другого мира! Скорее прочь от него, чтобы он не утащил меня в свою краснокирпичную приплюснутую вселенную!

Удивительна эта любовь к имманентным признакам. Только то и священно, что тебе выдали в нагрузку, а то, что

выбирал ты сам, не имеет ровно никакой цены. Это, вообще говоря, примета закрытых сообществ, где от человека очень мало что зависит: как себя идентифицировать в этих обстоятельствах, когда у тебя почти все отнимают? Правильно, через земляков. Родина – главное в жизни, ты ее не выбирал. «Край родной, навек любимый...» Надо знать, любить, беречь свой край, а к чужому относиться с настороженностью. На втором месте предки – тоже не выбранные. Нация, род, о желании принадлежать к ним никто тебя не спрашивал, но ты обязан их обожать и выстраивать свою жизнь так, чтобы их не посрамить. Индивидуальность – дело третье. Родители тоже сакральны, хотя и не так, как Родина. На третьем месте – школа. Любимая первая учительница – кто не любил первую учительницу, суровую, но справедливую, тот и для Родины подозрителен. И конечно, веселая, дружная семья одноклассников – которых впихнули раз и навсегда в один с тобою список, и вот изволь тащить его с собой до гроба.

Да какое мне дело до моих одноклассников.ру? Почему я должен всю жизнь помнить этих, по сути, случайных попутчиков в поезде, который десять лет со скрипом вез меня весьма прихотливым, часто совершенно идиотским маршрутом? Я никогда не интересовался, что стало потом с одноклассниками, и абсолютно уверен, что им тоже не особенно приятно следить за мной. Все мы жили тогда в очень несвободном, тесном, душном пространстве, врали себе и другим. Упражнялись в садизме, власть проделывала то же самое, – в общем, как у Ахматовой, «как вышедшие из тюрьмы, мы что-то знаем друг о друге ужасное. Мы в адском круге».

Но в этот адский круг одноклассники продолжают упорно стремиться. Видимо, за всю свою жизнь они так и не нажили ничего другого, что позволило бы гордиться собой и попросту определять себя в пространстве. Все по-прежнему самоопределяются в старых, давно протухших координатах: где родился, кто по национальности, где стоял дом, сколько получали родители, с кем сидел за партой. Ностальгия – отличное чувство, но нельзя жить ею, смотреть наше старое кино и петь старые песни о главном, вечно тоскуя по временам, когда нас никто ни о чем не спрашивал! Дайте своему прошлому отпасть, как отпадает ступень ракеты, и примиритесь уже с тем, что вам не десять лет.

Впрочем, если люди находят одноклассников исключительно для того, чтобы продемонстрировать им свой автопарк, – тогда все еще хуже. Тогда это не наследие старых времен, а примета новых. Когда уважать себя можно только на фоне более бедных одноклассников.ру.

Куда девается волшебство?

Shala

Я захожу в переполненный вагон метро. В ушах наушники с музыкой и взгляд вникуда. Серые холодные дни почти в конце декабря. Погода никак не может решиться и засыпать город снегом. Межсезонье: осень уже ушла, а зимы настоящей всё нет и нет. Задержалась где-то. Унылые пейзажи и унылые лица. В паузу между песнями я оглядываюсь по сторонам. Угрюмые люди, спешащие по своим очень важным делам и ни тени улыбки.

Улыбка на детском лице промелькнула, как яркое солнышко. Мой взгляд по привычке скользнувший дальше, вдруг сам вернулся и я всмотрелась. Парень лет десяти стоял в самом углу, зажатый между двумя женщинами. Его странный немигающий взгляд был направлен прямо перед собой, но губы были растянуты в такой откровенно счастливой улыбке, что я сама не заметила, как улыбнулась.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция…

"Якорное поле" – вдруг подумала я и сама удивилась своим мыслям. Почему я вдруг вспомнила о книжке, прочитанной когда-то давно в детстве. Порыв прохладного ветра, словно кто-то невесомо нежный, коснулся моих волос, бросив на лицо несколько прядей. В груди вдруг разлилось непонятное щемящее давно забытое предчувствие чего-то волшебного. Смутное ощущение чего-то невообразимо прекрасного, что перевернёт мою жизнь.

Двери передо мной открылись, и я вышла из вагона, заметив краем глаза, что тот мальчик тоже вышел на этой остановке. Он крепко держался за руку женщины и по его стеклянному взгляду я вдруг поняла, что он слепой. Я остановилась как вкопанная и проследила, как мальчик с женщиной прошли к эскалатору. Женщина уверенно шла, пробивая себе дорогу и таща за собой ребёнка. Вдруг мальчик оглянулся, и я замерла. Мне показалось, что его глаза так уверенно посмотрели в мои, словно он видит меня. Женщина дёрнула мальчика за руку и он отвернулся. Я выдохнула и помотала головой, сбрасывая наваждение. Я неспешно направилась к выходу, доставая из внутреннего кармана куртки плеер, чтобы выключить музыку всё звучавшую у меня в наушниках.

"Бред" – подумала я. "Разве может слепой мальчик увидеть меня? Это просто совпадение. Чудес не бывает." "Разве?" – спросил меня внутренний голос. "Скоро Новый год и рождественские каникулы. Разве не найдётся места чудесам?" Я помотала головой, поднимаясь на эскалаторе к выходу и застёгивая пуховик. "В детстве чудеса случались каждый день. А сейчас куда они девались?"

Я толкнула дверь, выходя на улицу, и в тот же миг зажмурилась от яркого солнца, ослепившего меня. Я удивлённо остановилась и через полуприкрытые веки посмотрела на небо. Сквозь крошечный просвет между тяжелыми серыми тучами внезапно пробился одинокий солнечный лучик. Несколько секунд он боролся за своё место, но безжалостные тучи задавили его своей серой массой.

-Ну, кажется, есть надежда…, - услышала я внезапный громкий голос за спиной. И не успев оглянуться, как тут же получила удар в спину. Я почувствовала, как моё тело по инерции полетело вперёд, но чьи-то сильные руки вдруг подхватили меня за талию и не дали упасть.

-Девушка, простите меня, пожалуйста! – заговорил тот же голос за спиной и, твёрдо встав на ноги, я оглянулась. Высокий темноволосый мужчина в кашемировом пальто с тревогой осматривал меня.

-С Вами всё в порядке? Я заговорился по телефону и не заметил Вас!

Я улыбнулась.

-Всё нормально! Я же не упала!

Наконец, мужчина прекратил осмотр возможных повреждений у меня на одежде и посмотрел на моё лицо.

"Бред" – подумала я. "Разве может слепой мальчик увидеть меня? Это просто совпадение. Чудес не бывает." "Разве?" – спросил меня внутренний голос.

Наши глаза встретились и его взгляд из тревожного стал удивлённым. Несколько секунд он не отрываясь смотрел на меня и я уже начала чувствовать себя неуютно, когда он, наконец, раскрыл рот.

-А… Можно… можно я приглашу вас в кафе на чашечку чая? – в его голосе чувствовалось такое смущение, а щеки стали покрываться краской, что я рассмеялась такой реакции.

-Можно, - успокоила я его и увидела, как в его глазах зажглись радостные огоньки. Его эмоции настолько открыто отражались на его лице, что я невольно подумала о том, насколько он мил и очарователен. Я вгляделась в него повнимательней. Короткая стильная стрижка, узкое лицо, карие глаза, прямой и открытый взгляд. Выше меня на голову, узкие плечи и худое телосложение. На вид ему было не больше тридцати лет. "Скорее всего, он не намного старше меня." – подумала я, заканчивая его анализировать.

-Здесь недалеко от метро есть кафе "Шоколадница" рядом с книжным. Давайте встретимся там сегодня в восемь вечера? – спросил он с надеждой. – Вам удобно в это время?

Затаив дыхание он ждал моего ответа.

-Да, вполне, - подтвердила я и снова улыбнулась.

Он выдохнул и тоже улыбнулся, смущённо опустив взгляд.

-Ну, тогда… до встречи, - сказал он и я кивнула. Он отступил на несколько шагов и я помахала ему рукой. Он покраснел, улыбнулся и тоже помахал в ответ, отступая назад. Натолкнувшись на колонну, он ойкнул и уже собирался перед ней извиняться, расплылся в улыбке и снова посмотрел мне вслед. Я рассмеялась и пошла на работу в приподнятом настроении.

Мой рабочий день начинался в 12 часов и я могла позволить себе не спешить, так как выезжала всегда заранее. Дорога шли мимо сквера, и летом я часто останавливалась там посидеть на скамейке. Обычно я покупала мороженое и наблюдала за жизнью вокруг. Сейчас сквер был пуст и погода не располагала к долгому сидению, поэтому я поспешила на работу в тёплый офис.

День прошёл оживлённо, но к семи вечера в офисе наступила тишина и начальство, решив, что в пятницу стоит разойтись пораньше, отпустило всех сотрудников по домам. И не смотря на неспешные сборы, я оказалась у кафе за полчаса до назначенного времени. Вспомнив о том, что рядом книжный, а я уже давно всё прочитала, я зашла в магазин и медленно двинулась вдоль стеллажей с книгами.

Я резко остановилась, когда на глаза попалась знакомые имя и фамилия. Владислав Крапивин. Среди нескольких книжек я отыскала ту, о которой внезапно вспомнила утром в поезде – "Застава на Якорном Поле". Я улыбнулась и пролистала несколько страниц, пробегая глазами знакомый текст. И вновь меня посетило это ощущение-предчувствие чего-то замечательного.

Я прижала к себе книжку и направилась к кассе, понимая, что в ближайшее время я буду с удовольствием читать сказки.

Оплатив покупку, я вышла из книжного и посмотрела на часы. Как и полагается приличной девушке, я опаздывала на 10 минут. Я вошла в кафе и огляделась. Я заметила его за одним из дальних столиков. Он очень оживлённо разговаривал с кем-то по телефону. Я направилась в его сторону, расстёгивая на ходу куртку и снимая шарф. Когда я была совсем рядом, наши глаза встретились и его губы расплылись в счастливой улыбке.

-Я перезвоню, - сказал он в трубку и нажал кнопку сброса вызова.

-Привет, - поздоровалась я.

-Привет! – радостно воскликнул он, вскочил и помог мне снять куртку, повесив её на вешалку рядом со столиками. – Я тут вдруг понял, что назначил девушке свидание, даже не сказав своего имени. Меня зовут Илья.

-Алина, - кивнула я. – Очень приятно познакомиться.

Не смотря на его первоначальное смущение, разговор быстро стал лёгким и непринуждённым. Оказалось, что мы работаем в одном и том же офисном здании, хотя никогда не встречались. Слушаем одну и ту же музыку и даже были на одних и тех же концертах. И мы как раз обменивались номерами телефонов, когда его мобильный вдруг зазвонил. Из его разговора, я поняла, что он общался с кем-то из родных.

-У меня здесь мама с братом в центре обследования проходили и просят их встретить, - объяснил он, когда повесил трубку. – Я сказал им подойти сюда. Надеюсь, ты не против? Хотя это немножко неожиданно…

Он занервничал, сминая в руках салфетку.

-Ничего, всё нормально, - я улыбнулась и дотронулась до его руки, успокаивая. Он замер, удивлённо разглядывая мои пальцы, а затем поднял глаза и я едва не задохнулась от того, сколько нежности было в его взгляде.

Его прохладные пальцы легко касались моей кожи, изучая каждый сантиметр. Я закрыла глаза и попыталась представить, что он может увидеть таким образом. За столом воцарилась тишина и я улыбнулась.

Несколько секунд, показавшихся мне вечностью наши глаза не отрывались друг от друга, словно стараясь заглянуть глубоко в душу. Этот молчаливый диалог был прерван официанткой, принёсшей новую порцию чая. Мы смущённо отпрянули друг от друга и я услышала гул в ушах и бешеный стук своего сердца.

Дождавшись, когда Илья разольёт чай по чашкам, я уже собиралась спросить его о планах на выходные, как к нашему столику вновь подошли. Это была женщина, за руку которой крепко цеплялся десятилетний пацан. Его немигающий взгляд был направлен прямо на меня и в тот момент я готова была поклясться, что видит он совсем не то, что видят все остальные люди.

-О! А, вот, и мама с братом, - сказал Илья и поднялся, чтобы помочь им раздеться.

Когда все расселись, Илья познакомил нас.

-Ольга Александровна – моя мама. А это, - Илья показал на пацана. – Мой младший брат Максим… Он слеп, к сожалению.

Илья вздохнул, но в разговор вступила его мать.

-Сегодня Максим был у врача и вроде как… есть вероятность, что после операции он сможет видеть.

Илья начал выяснять все подробности, а я повернулась и посмотрела на мальчика. Его голова была повернута в мою сторону, но я поняла, что он просто чувствовал меня рядом с собой. Он протянул ко мне обе руки.

-Можно я на тебя посмотрю? – тихо спросил он.

Я наклонилась к нему, кладя его руки на своё лицо. Его прохладные пальцы легко касались моей кожи, изучая каждый сантиметр. Я закрыла глаза и попыталась представить, что он может увидеть таким образом. За столом воцарилась тишина и я улыбнулась.

-Ты красивая, - вынес Максим свой вердикт.

Я почувствовала, как он убрал руки и открыла глаза в тот самый момент, когда его локоть нечаянно столкнул книжку со стола и она упала на пол. За столом раздался дружный вздох и я поспешила поднять её.

-Что это? – взволнованно спросил Максим.

-Ничего страшного, просто книжка, - поспешила я успокоить его.

-Книжка? – переспросил он. – О чём?

-Это сказка Владислава Крапивина, - ответила я. – Называется "Застава на Якорном Поле".

-Расскажи, о чём там написано? – заинтересованно спросил он.

Я открыла книжку и прочитала аннотацию.

"По Большому кольцу Полуострова на поездах часто катается мальчишка Матиуш по прозвищу Ёжики… Он сирота, несчастный и грустный... Катаясь, он вспоминает маму – ее записанный на пленку голос объявляет в подземке названия станций…

И вот однажды… Голос объявляет что-то новое – «Якорное Поле». И голос – мамин! Но ведь раньше такой станции не было…

Ёжики выходит и попадает в странное место…"

-Аааа! – восхищённо протянул он. – Почитаешь мне эту книжку! Обещай, что почитаешь мне, когда я буду лежать в больнице?

Его маленькие руки крепко вцепились в мою руку, а на лице было столько надежды, что я не смогла ему отказать и согласилась. Согласилась подарить немного радости и волшебства этому маленькому мальчику, ждущему, когда в его жизни произойдёт чудо и его глаза смогут посмотреть на этот прекрасный и волшебный мир.

Виртуальное общение: напечатанное вслух

Татьяна Адаменко

Бесплотные голоса. Я боялся их до смерти. Стал взрослым, но так и не привык. Мне всегда казалось, что он обезличивает человека. Если ему заблагорассудится, он позволит вашему "я" перелиться по проводам. А если не пожелает, просто высосет его, и на другом конце провода окажетесь уже не вы, а какая-то дохлая рыба, не живой теплый голос, а только сталь, медь и пластмасса. По телефону очень легко сказать не то, что надо; вовсе и не хотел это говорить, а телефон все перепутал. Оглянуться не успел, а уже нажил себе врага. И потом, телефон - необыкновенно удобная штука.

Рэй Брэдбери «Убийца»

Термин «Virtual Community» (виртуальное, или сетевое сообщество) придумал Г. Рейнгольд и дал ему следующее определение: «Виртуальные сообщества являются социальными объединениями, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно, для того чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве».

Конечно, главное в этом определении - это люди, но глупо отрицать, что киберпространство, как и любой посредник, иногда предлагает, а иногда настойчиво диктует свои условия.

Иначе социологи, психологи и даже психиатры не присматривались бы так хищно к земляничным полянкам соцсетей, сайтов и форумов – всех частных случаев virtual community.

В чем же заключается специфика такого общения? Я не рассчитываю дать исчерпывающий ответ – это тема на тысячи тысяч монографий с диссертациями, – скорее подсуммировать некоторые свои наблюдения обычного пользователя.

"В Интернете никто не знает, что ты собака."

Первая особенность, о которой я подумала, когда начала сравнивать общение реальное и виртуальное – это демократичность.

Люди, которые никогда бы не смогли познакомиться и общаться хотя бы по чисто географическим причинам, а также экономическим, политическим и прочим, в сетях свободно обсуждают любые интересующие их темы. Увидеть привычную ситуацию под чужим углом зрения, узнать что-то новое, увидеть другой мир глазами виртуального друга – это замечательная возможность.

Я сама до сих пор не могу привыкнуть к тому, что свободно беседую с людьми, живущими в Филадельфии, Харькове, Техасе, Ульяновске, Казани, Праге! А моя бабушка до сих пор не верит, что можно отправить такое сообщение, которое дойдет в тот же день в любой у голок мира – и абсолютно бесплатно.

Это настолько удобно, интересно, забавно, что не просто перевешивает все недостатки, но иногда заставляет горячо отрицать само их наличие.

Вторая особенность, как ее сформулировал один мой виртуальный собеседник: «В Интернете никто не набьет тебе лицо своими конечностями». Большая свобода высказываний – и несколько вариантов последствий. Или большая искренность собеседника, или намеренная провокативность тролля.

Иногда эта свобода и анонимность приводят к тому, что при реальном знакомстве невольно вспоминаешь бессмертную историю доктора Джекилла и мистера Хайда – так непохож этот человек на тщательно сконструированную виртуальную личность.

Хотя, я думаю, дело не в создании некого абсолютно иного сетевого «Я» – это было бы по настоящему страшно. Просто человек многогранен, как бриллиант; и в виртуальности он спокойно может поворачиваться к своим собеседникам именно теми гранями, которые в реальности прячет из разнообразных опасений. Боксер может посещать форум по вязанию и скрапбукингу, балерина обсуждать тонкости курения кубинской «Монтекристо», а собака признаться в своей любви к чтению научно-фантастических романов – и найти себе единомышленников. Конечно, точно так же можно взять псевдоним «Гаулейтер» и рассуждать о реванше Третьего Рейха и о необходимости разумного геноцида.

Третья – это возможность сказать именно то, что ты хотел сказать. Все же работа с клавиатурой и мышью требует несколько большего времени на обдумывание, чем работа языком :) Есть время успокоиться, обдумать и сформулировать свой ответ, заодно призвав на помощь любые информационные источники. (Но почему-то этот пункт очень часто не срабатывает, увы).

Четвертая – наглядность. В беседе в соцсетях, как и в обычной беседе, может присутствовать подтекст, но здесь его намного легче выявить и проанализировать. Благодаря специфике киберпространства, подтекст надо выводить напрямую в сам текст.

Например, собеседники ведут разговор на нейтральные темы (книги, кино, увлечения) и в процессе разговора один из них периодически затрагивает действительно интересующую его тему (встречи, секса и т. д.) в надежде, что партнер расслабится и «поведется».

Не нужно полагаться на свою память и правдивость собеседника, достаточно просто внимательно перечитать переписку.

Как оказалось, даже сама структура связей в соцсетях при обсуждении невинных тем и при обсуждении преступных умыслов существенно отличается друг от друга. Ученые, исследовав переписку в компании Enron, заметили, что, когда речь шла о легитимных делах, сеть связей между сотрудниками представляла из себя очень плотное облако: когда же обсуждаемые дела были секретны, она напоминала колесо со спицами.

Структура колеса со спицами увеличивает безопасность и контроль. Небольшая группа людей, обладающая почти всей секретной информацией, составляет центральную часть - ядро сети. Центр получает необходимую

информацию от "спиц", которые при такой конфигурации скорее всего не проболтаются. Когда же работники Enron обменивались информацией о законных проектах, их переписка была более симметричной (шла в обе стороны) и распространялась более широко.

Пятая – обедненный эмоциональный фон. Если телефон в рассказе Бредбери извращает, то компьютер просто не в состоянии передать интонацию, отличить насмешку от добродушной иронии. (Про скайп сейчас не будем) Смайлики, как сахарозаменители эмоций, скорее дают некоторое представление о чувствах собеседника, чем помогают доподлинно их ощутить.

Про сетевого собеседника очень трудно сказать «обаятельный», не правда ли? Ведь обаяние во многом состоит из вещей невербальных – внешности, тембра голоса, взгляда и улыбки. Теоретически, виртуальное общение дает больше возможностей быть абсолютно объективным.

Хотя благодаря такому «лишению части индивидуальности» есть немалый риск, что возникнет эффект проекции.

Так как человек на фотографии неподвижен и нем, мы сами проговариваем его сообщения, сами расставляем акценты, сами наделяем его мимикой – и спорим/беседуем уже не с реальным человеком за множество километров отсюда, а с тем, на кого он показался вам похож – занудным преподавателем с первого курса, нахальной дамочкой в супердорогом авто, агрессивным и невоспитанным подростком, упоенно сплетничающей старухой... и так далее. Одна из причин несходства виртуального портрета и реального, кроющаяся не в собеседнике, а в нас самих.

Шестая – очень высокий риск возникновения ложного ощущения дружеской близости. Утрируя, можно регулярно читать блог, комментировать, или даже не комментировать - но потом все равно обидеться, что этот человек тебе с переездом не помог.

Или еще хуже - риск дружбы без вложений, которые непременно бы потребовала реальность. Жевательная резинка для голодного, обезболивающее от одиночества, которое снимает симптомы, не исцеляя причину.

Седьмая – парадоксальное пересечение публичности и интимности. Жажда самовыражения в пирамиде Маслоу балансирует на самой верхушке, прямо на плечах у жажды общения. Именно благодаря ей так трудно жестко разграничивать публичное/личное, и появляется в сети информация о болезнях, проблемах на работе, даже признания в кражах и супружеских изменах.

Сидя в кресле за компьютером, попивая кофе, трудно представить, что я, отправив пост или комментарий, в каком-то смысле переступаю порог своего дома. Ведь физически я – здесь, и любимая чашка тоже здесь, и виртуальное пространство ограничено экраном монитора, параллельные прямые виртуальности и реальности пересекутся, только если я этого захочу…

Это восьмая особенность виртуального общения – оно может иметь вполне реальные последствия, не всегда вами контролируемые.

Я вот в первую очередь вспомнила эпизод из моего любимого «Декстера», где мистер Морган, заглянув на страничку подозреваемого, узнает, что тот женат, узнает адрес его дома и радостно произносит: «Что же мы делали раньше, без соцсетей!». И, конечно, едет к нему домой, привычно зарядив шприц кетамином.

Недавно осудили грабителей, которые собирали информацию о жертве именно в социальных сетях, задавая внешне невинные вопросы и притворяясь друзьями.

А еще – каждая восьмая пара в США тоже познакомилась именно в социальных сетях :)

Так что их улов может быть самым разнообразным.

Город

Ольга Добрынина

Всем, кто любит Петербург,
вряд ли дорог разум.
Люди, кошки, фонари
здесь собрались разом,
и меж небом и водой
высится надменно
город, каменный цветок,
ядом напоенный.
А я опять иду туда, где ты.

Тикки Шельен « Безумие»

Сколько себя помнил Аничков мост, он всегда служил для людей местом романтических встреч. И, даже сегодня, в туманной влажности, что висит над городом, его не оставили в покое. Двое приближались с разных сторон. Их неспешные шаги не могли никого обмануть, особенно такого специалиста по сердечным делам. Перекрытия начали шептаться, пытаясь догадаться, кто посетил их на этот раз…

- Ты знаешь, что этот город называют Городом одиноких людей? – тихий голос разносится эхом по воде, вызывая у притихших на перекрытиях моста чаек переполох.

- Это город влюбленных сердец, - ответный шепот еле различим в недовольном клекоте птиц.

- Я об этом же и говорю. Влюбленные сердца одиночек тут находят свои места. Город- призрак.

- Ты слишком любишь громкие слова. А он этого не терпит. Ни шума. Ни слов, - легкое пожатие плеч и больше ни одного движения. Птицы затихают. Эти двое не хотят навредить их стае.

- Кто он? – слишком высокая нота для шепота, слишком тихая для крика.

Оппонент морщится в раздражении – собеседник слишком эмоционален, видно, еще новичок.

- Город, - как можно равнодушнее бросить слово, чтобы не показать ни капли чувств. Пальцы, прикасаясь, легко пробегают по перилам моста. Взгляд неотрывно следит за чернотой воды канала.

- Ты издеваешься? Город не может чувствовать. Это же просто набор архитектуры, - шепот сменяется на крик.

Чайки срываются с насиженных мест, начинают, галдя метаться над каналом, словно ищут в темноте виновника шума. Ветер, вдруг налетевший непонятно откуда, развевает туманную дымку, обнажая хищные морды

О, мост бы многое мог ему напомнить о том времени, как он появился впервые тут. Как сидел на перилах и рассуждал вслух о Городе и своей жизни.

коней. Или это только воображение разыгралось. Мост ехидно скрипит, читая мысли новичка.

- И не начинал еще, - спокойная уверенность ответившего тяжелым шелком ложится на мост, - Тебе стоит прогуляться по Городу. Может, поймешь сам. А, может, Он тебя научит.

- С чего рекомендуешь начать? – дерзкая улыбка появляется на губах молодого.

- Хм…ты просто иди прямо, Он сам тебя выведет, - не реагирует на провокацию более старший.

- Мы еще встретимся? – новичок делает шаг от собеседника.

- Я каждую ночь тут.

***

- Ты считаешь, я правильно поступил, что отправил его одного? – человек устало опирается о перила и прикрывает глаза. Ветер треплет длинные волосы, в попытках завязать их в косы, - Как бы не наломал он дров.

Мост пожимает перилами в ответ и молчит. Он привык молчать, когда его спрашивают. Когда не спрашивают, он тоже молчит. Ведь, он же мост. Им положено молчать и лишь поскрипывать от ветра.

- Я вроде бы не был таким в его годы. Не помнишь? – человек продолжает задавать вопросы, словно и не ждет ответы.

О, мост бы многое мог ему напомнить о том времени, как он появился впервые тут. Как сидел на перилах и рассуждал вслух о Городе и своей жизни. Как задавал вопросы уже тогда. И сам же на них отвечал. Он мог рассказать очень многое об этом человеке.

Но, он молчал. И слушал, запоминая.

- Мне пора, - человек тяжело вздохнул и оттолкнулся от перил, делая шаг назад, - Не скучай, завтра увидимся.

Человек прошел по мосту и, обернувшись, чуть растянул губы в улыбке, прощаясь. Это была одна из традиций. Обязательно улыбнуться на прощание.

Его путь лежал на площадь, где обитал еще один слушатель.

***

Он шел, размышляя о новичке и его неверии в Город. Как бы тот не переусердствовал в открытии Истины. Многие не выдержали знания. Кому-то повезло, и он сумел сбежать. Кому-то не очень – их тени до сих пор бродят в тумане, пытаясь найти дорогу.

Город не любил зашоренных людей. Он их терпел, но не долго. Равнодушных он уничтожал без раздумий. Влюбленных доводил до безумия. Не всех. Выборочно.

Его он пожалел. А, может, просто терпит? Ему это не важно, пока он может бродить по Городу, общаться с мостами и встречать новичков.

Площадь, куда он шел, оказалась пуста. Что случалось редко. Даже саксофониста сегодня не было. Хотя,

Человек перелез ограждение и облокотился постамент. Ангел посмотрел на него привычным равнодушным взглядом и чуть пошевелил крыльями. Они так затекли в последнее время. Хотелось расправить их и почесать о струи ветра.

туман очень искажает звук, и чистота звучания смазывается, а старик этого не любит. Странный он. Как и многие «любимчики» Города.

- Все стоишь? – он устало прислоняется к ограждению столпа. Часто ему хочется разозлить этого ангела с ликом Великого царя и посмотреть, что получится. Однажды, он дошел до того, что часа три рассказывал ему, как бы хорошо жилось при дьяволе. Охрип, высказывая банальности и шепча ошибочные тезисы. Эффекта было ноль. Зато высказался. Ему казалось, что он приходит сюда только ради этого – высказаться, охрипнуть и не услышать в ответ ни слова.

- Сегодня я опять встречал новичка. Знаешь, последние все как на подбор. Город одиночек. Город не живой, люди главное. Мельчают наши ряды, Саш, мельчают. Ты помнишь, как пришел тот мальчик, что мечтал рассказывать сказки Городу? И, ведь, рассказывал. Стоял на Литейном, одним пальцем поглаживая крылья твоего собрата, что обосновался на Петропавловке, и декламировал. Я тогда, наверное, впервые видел Его таким умиротворенным.

А ту бешеную девчонку, что преследовала сфинксов? Ей, кто-то сказал, что они по ночам бродят по набережной и играют в загадки. Вот, мы с Ним повеселились тогда, приятно вспомнить. Да, что я тебе перечисляю. Ты их и сам всех видел. А, сейчас, что? Не верю, не видел, не может быть. Бабочки – однодневки.

Человек перелез ограждение и облокотился постамент. Ангел посмотрел на него привычным равнодушным взглядом и чуть пошевелил крыльями. Они так затекли в последнее время. Хотелось расправить их и почесать о струи ветра. Но, постоянно кто-то мешал, то толпы простых смертных, то этот невыносимый человек придет со своими разговорами. И, ведь, не скажешь ему – ты завтра не приходи, я буду чесать крылья. Каменные статуи не говорят. Это закон людей.

Человек продолжал рассказывать о новичках, о переменах и ветрах, пока не вспомнил, что уже пора.

- Мне же Фонарщика еще надо навестить. Что-то у него там случилось, - человек перепрыгнул ограду и, махнув на прощание Ангелу, ушел в туман. Ангел вздохнул с облегчением, когда услышал: - Сегодня такой туман, что до рассвета тебя навряд ли кто-нибудь потревожит.

***

Маленькая темная улочка в центре города куталась в дымку. Ее обитатели дремали в вязкой тишине, когда туман выпустил человека посреди нее. Как раз в том месте, где стоял памятник первому фонарю. Фонарь был каменный и поэтому его никто не разжигал, даже бронзовый Фонарщик, которого приставили к нему.

- Привет, Фонарщик, хорошая сегодня ночь, - говоривший подошел, - Город просил заглянуть к тебе, проведать.

Человек обходит Фонарщика, деловито осматривая, выявляя изменения в знакомом. Руки сильнее блестят, видно днем были новые туристы, борода всклокочена больше обычного – эффект тумана. А у ног темнеет непонятный клубок. Он наклоняется, чтобы рассмотреть лучше, а, может, даже взять в руки

Стоило только дотронуться до непонятного объекта любопытства, как он шевелится – живое существо, котенок. Маленький беззащитный комочек живой плоти…

Человек берет подкидыша на руки.

- Замерз, хищник? – он улыбнулся и подул на мокрую сонную мордочку, - Что же нам с тобой делать?

Человека и раньше удивляло, почему Город так любит кошачьих. Но, это было давно. Теперь это была простая констатация факта – Город любит кошачьих. Город их бережет.

Комочек шерсти надо было устроить, человек это знал, а Фонарщик тихо надеялся.

Он был знаком со старушкой, что жила на Большом проспекте. Маленькая старушка, любящая кошек жила на Большом проспекте в мансарде.

Иногда в белые ночи, когда он гулял по крышам, она подкармливала его печеньем с молоком. Человек приносил ей ромашки и ландыши, потому что она любила васильки. Но васильков в Городе не росло.

Наскоро попрощавшись с Фонарщиком, он пообещал еще заглянуть к нему на днях. При попутном тумане.

Старушка никогда не закрывала плотно форточку. Человек просунул руку с котенком в форточку и осторожно опустил урчащее животное на подоконник. Туман начал отползать, увлекая его за собой. Пора возвращаться домой. Ночь на исходе. Он улыбнулся окну, где уже зажегся свет – старушка приветствовала новенького, развернулся и шагнул в ветер.

Дома было тихо и спокойно. Ветер не любил сюда заглядывать – его капризному существу здесь было тоскливо. Туман был частым гостем, но не задерживался подолгу.

Человек проходил мимо соседей и здоровался с каждым улыбкой или прикосновением. Кто-то ему отвечал, кто-то молчал, не обращая внимания на неугомонного человека. Здесь собран цвет Города. Тут находятся Его любимчики и самые близкие враги.

Его путь лежал сначала прямо, потом резко направо и до самого конца. Привычно похлопать ангела по плечу, улыбнуться соседке – вороне и постоять перед надписью на двери: «Покойся с миром, возлюбленный сын».

“Настоящая жизнь социальных сетей”

Пола Адамса

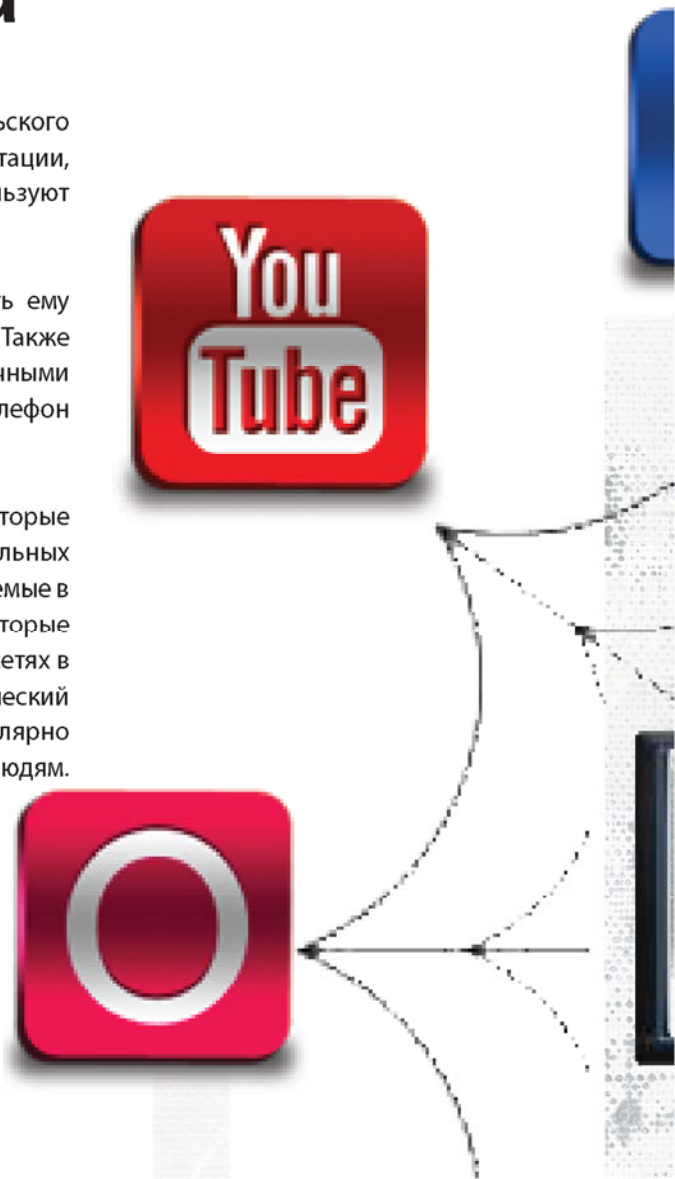
Пол Адамс, занимающийся исследованиями пользовательского взаимодействия в Google, разместил слайдшоу из недавней презентации, на которой освещалось его исследование того, как люди используют технологии социальных сетей.

Пол работал с реальными людьми и просил их нарисовать ему их социальные связи из реальной жизни, объединив их в сеть. Также он интересовался тем, каким образом люди пользуются привычными инструментами, такими как электронная почта, Фейсбук, Твиттер, телефон и т. п. Вот некоторые выводы из его исследования.

В реальной жизни у человека есть несколько групп друзей, которые не пересекаются между собой. В существующих реализациях социальных сетей в интернете все друзья попадают в одну «кучу», и сети, создаваемые в онлайне, не совпадают с реальными сетями. Также выяснились некоторые особенности, например, что только 15 % от «друзей» в социальных сетях в реальной жизни люди могут назвать друзьями. Что среднестатистический пользователь Фейсбука имеет 130 друзей, из которых он регулярно общается лишь с 4-6, при этом 80 % звонков совершается тем же 4-м людям.

В своей работе Адамс рассказывает о том, как социальный веб в корне меняется, и концентрирует внимание на нескольких основных вещах.

Социальные сети в реальной жизни.



То, как люди связаны друг с другом в оффлайне, и как это соотносится с их поведением в онлайне.

Отношения. У каждого очень разные отношения с людьми в реальной жизни, и это надо учитывать при проектировании онлайн-сетей.

Влияние. То, как люди влияют друг на друга, и как это выглядит в структуре наших социальных сетей.

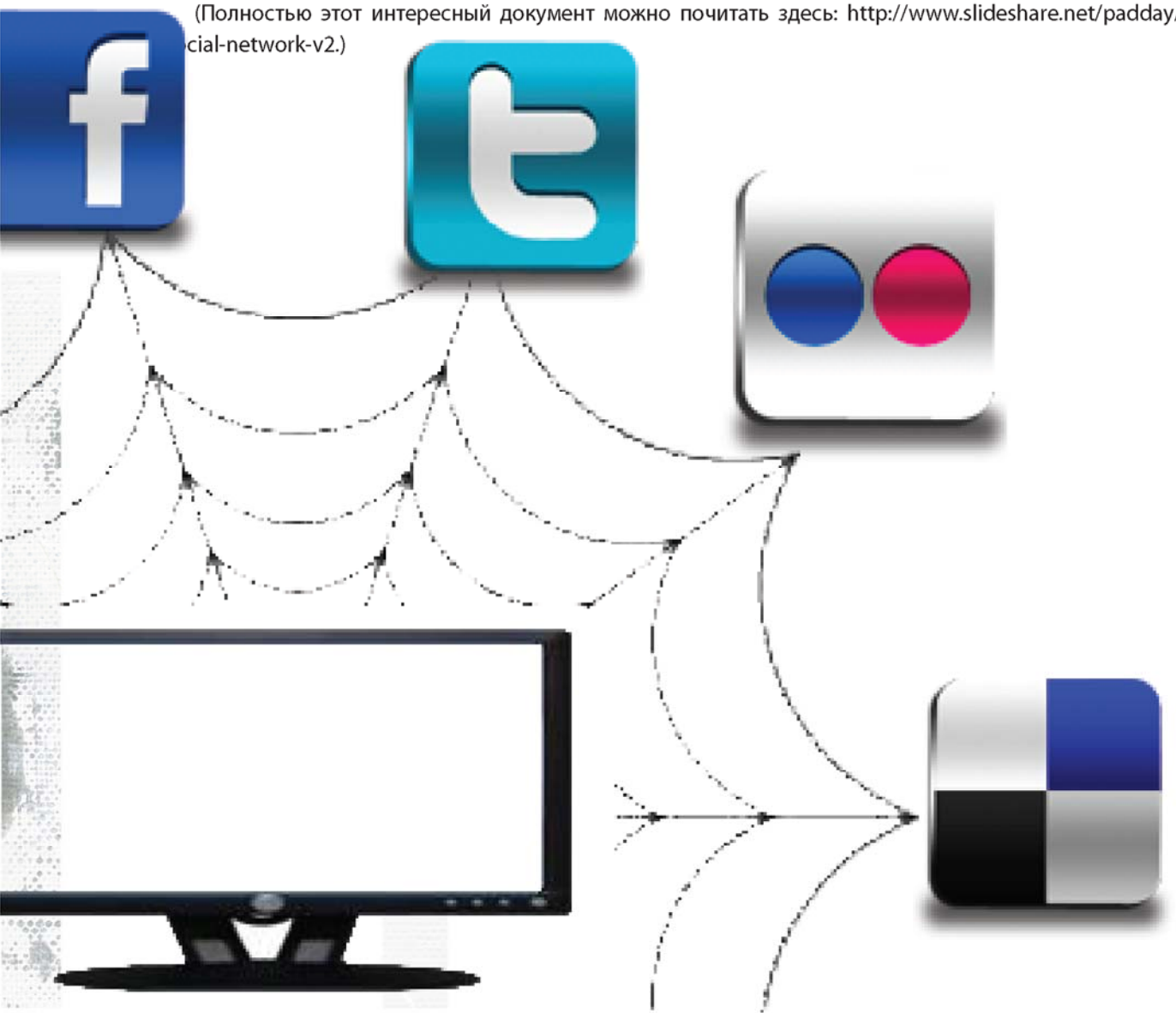
Идентификация. Почему идентификация – это краеугольный камень социальной сети.

Защита личности. Почему критично давать людям контроль над собственными данными.

Пол рассматривает многие аспекты существующих социальных сетей, такие как друзья, фанаты и фолловеры, обновление статуса, группы и пр. Рассказывает о необходимости проектирования различных типов отношений в онлайне, обычных, тесных и временных связях между людьми. Постоянно приводя примеры того, как эти вещи реализованы в настоящее время, он приводит рекомендации о том, как это должно выглядеть при проектировании будущих социальных сетей, дабы приблизить онлайн-сети к реальным взаимодействиям между людьми.

Резюмируя, Адамс констатирует, что существующие социальные сети в интернете лишь «грубое приближение» к реальным человеческим социальным сетям и что при разработке будущих социальных сетей надо чаще «оглядываться» на реальность. Социальный веб – это не прихоть и он никуда не собирается уходить. Но это не дополнение к Сети, таким, каким мы знаем его сейчас. Он фундаментально меняется, перестраивается, и эти эволюционные изменения все заметнее.

(Полностью этот интересный документ можно почитать здесь: http://www.slideshare.net/padday/the-real-cial-network-v2.)



О заражении ожирением и счастьем через социальные сети, глазами Николаса Кристакиса (а так же Секретный документ)

Connected: The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives. Идея эта заключается в том, что многие аспекты жизни, включая счастье и ожирение (а может, то и другое одновременно), «заразительны» и это «заражение» распространяется по социальным сетям. Т. е. если среди ваших контактов преобладают несчастные и/или страдающие ожирением люди, будьте готовы к покупке одежды бОльших размеров и походам к психотерапевту.

Подобные выводы относительно ожирения базируются на уникальных лонгитюдных данных, основанных на медицинских наблюдениях за тремя поколениями людей, суммарная выборка которых составила 12, 067 человек. Ключевой находкой стал вывод о том, что попадание человека в окружение (в прямом и переносном смыслах) людей с излишним весом на 57 % повышает его шансы самому обзавестись дополнительными килограммами и складками. Причём относится это по большей части к дружеским, нежели к семейным связям. Так что пухлого дядюшку терпеть можно смело, а вот о дружбе с толстяком стоит крепко призадуматься.

За популярным изложением этой истории можно обратиться к статье в New York Times. (http://www.nytimes.com/2007/07/25/health/25cnd-fat.html?scp=4&sq=nicholas%20christakis&st=cse) или же ознакомиться с публикацией на сайте The New England Journal of Medicine со всеми подробностями и динамической визуализацией распространения ожирения (http://www.nejm.org/doi/full/10.1056/NEJMsa066082#t=articleMethods).

Фразу о том, что социальные сети распространяются по миру со скоростью вирусов, можно воспринимать уже почти буквально. Судя по одному независимому исследованию, с помощью Твиттера можно отследить распространение вирусов и болезней, причем намного быстрее, чем более традиционными методами, пишет PBS NewsHour.

Ученые из университета Айовы обнаружили, что существует прямая связь между количеством различных жалоб, тревог и вообще разглагольствований о своих бедах в Твиттере и распространением некоторых заболеваний, от гриппа до лихорадки Денге или сезонной аллергии.

Исследования начались еще в 2009 году. В Твиттере проводился поиск по ключевым словам, связанным с вирусом "H1N1", таким как "свиной грипп". Оказалось, что твиты от людей, испытывающих симптомы свиного гриппа, совпадали с информацией, собранной Центром по контролю заболеваний. Более того, эти данные оказались очень точными в отношении места и времени распространения этой инфекции. Результаты Центра по контролю заболеваний поступали гораздо медленнее - через две-три недели после того, как пациенты заболевали.

Так что, изучая Твиттер, можно было действовать гораздо оперативнее - проводить вакцинацию, профилактику, транспортировать заболевших и т. д.

Пользователи Твиттера, как правило, не слишком сдерживаются, когда жалуются на здоровье, описывают симптомы и обстоятельства развития болезни. В профилях чаще всего можно найти их место проживания. Эта информация может помочь врачам определить эпицентры эпидемий, понять, как заболевание передается и оценить, с какой скоростью оно может распространиться.

Не измышляй

Бескаравайный С. С.

Лектон возникло как следующего рода проблема. И грек, и варвар понимают, что такое данный предмет. Но варвар не понимает того слова, которым обозначается данный предмет по-гречески…хотя в общем виде, до всяких разговоров с греком, он прекрасно знает, что это за предмет. Значит, кроме слова и самого предмета есть нечто третье.

А.Ф. Лосев. История античной эстетики. Ранний эллинизм

В любом уважающем себя торговом центре – с большим атриумом, с причудливыми фонтанами, модными кинозалами и множеством бутиков – непременно есть скучные и однообразные офисные этажи. Это два уровня системы - как ярмарка и биржа. Невозможно целый день сидеть в офисе, надо выходить к людям, теряться в толпе, слышать голоса посторонних, а не только указания шефа или вранье подчиненных.

Но как на торговых уровнях есть большие магазины и крошечные киоски, так и офисные этажи вмещают уйму фирмочек. В таких конторках даже офисный планктон может почувствовать себя настоящей рыбой, потому как начальства над головой нет никакого – только долги и арендные платежи. Вольный дух торгового места, который гонят из солидных офисов, разделенных низкими перегородками на «рабочие пространства», переселяется в фирмы, состоящие из одной единственной комнаты.

Там все полки забиты сувенирами с распродаж и акций, еще на стенах несколько больших мониторов, которые совершенно не гармонируют с мебелью. Повсюду валяется множество книг и дисков, на дальнем углу г-образного стола пылить старый компьютер, выкинуть или продать который никак не доходят руки, а дорогущий ноут предпоследней модели стоит на какой-то подозрительной коробке и сорокалетний владелец фирмы в приступе вдохновения рисует очередную схему. То и дело поправляет очки, внутренняя сторона которых вспыхивает тонкими зелеными линиями. Эргономический коврик для мыши куда-то завалился, у него болят пальцы, и потому он изредка дергает ладонью, будто стряхивает воду.

- Леонид Владимирович?

- Да, - он вспоминает где оставил арт-пэн и, не отрывая взгляда от монитора, лезет в ящик стола, - Я занят, с заказами позже.

- Но я…

- Фотографии обработал, выслал, в ящике смотрите, - он вытаскивает серую панель с прилепленной к ней «электронной ручкой».

- Я прибыл на производственную практику.

Леонид Владимирович всё-таки оторвал взгляд от ноута. Посмотрел на молодого человека в джинсах, футболке и с «книжной» планшеткой в руках.

- Не принимаю...

- Но вы же юридическое лицо? Вот копия договора с университетом, - студент расстегнул на планшетке молнию, достал сложенный вдвое листок.

Петли на очках Леонида Владимировича оказались с сюрпризом – стекла распахнулись, как ставни на окнах, и удивленные глаза посмотрели на ксерокс документа сквозь пустую оправу. Он решил, что это какой-то розыгрыш, всё было слишком нелепо. Но тут же в сознании вспыхнула мысль – да, да, оптимизация налогов, давно пора было написать отказ, но он все откладывал,

тянул, забыл. И по первому знаку память услужливо подсказала все подробности.

- Студент второго курса гуманитарного факультета Виктор Самойленко, - отрапортовал практикант.

- Из армии вернулся, что ли?

- Не-ет. Из частной гимназии.

- Значит тебе проще будет забить на указание начальства. Потому ты сейчас поворачиваешься вокруг своей оси…

- Но я специально к вам хотел попасть, в эксклюзивное обеспечение, - торопливо начал объяснять практикант, - Я искал фирму, где переговоры устраивают.

- А ты переводчик?

- Я обеспечил продажу в Данию двенадцати тонн сливочного масла, - гордо заявил Виктор. – Английский сколько надо, немецкий похуже.

- Мг… - прищурился Леонид Владимирович и стекла очков захлопнулись как раковины моллюска, - Тогда сгодишься.

Второго стула на фирме не нашлось. Сиденьем послужила большая картонная коробка из-под серверного блока. Студент был посажен доводить до ума переведенный машиной текст.

Виктор решил вести себя умно, потому первые три часа лишних вопросов не задавал, молча правил рекламную страницу сайта, превращая «святые цены» и «структурное кидалово» в привычные литературные словосочетания.

И только сбегав за чаем и коржиками, дождавшись пока временное начальство отвлечется, он начал осторожно выспрашивать, чем будет заниматься дальше.

- Какая форма одежды для переговоров?

- Каких переговоров? – немедленно уточнил Леонид Владимирович, оглаживая короткую рыжую бороду.

- Ну будут же какие-то переговоры…

- Ты специфику «Лектона» знаешь?

- Тотальная визуальность общения, подкрепленная иллюстративностью… - студент начал цитировать объявление из сети.

- Ролик там смотрел? – перебил его фирмач, – Тогда какие вопросы?

- Совсем без слов невозможно.

- Почему? – удивился Леонид Владимирович

- Эээ… Но кто-то должен назвать цену товара… надо выразить согласие или отрицание… Есть же и абстрактные понятия… Пункты закона… Таможенные пошлины…

Исчерпав запас аргументов, студент затих.

- Я не знаю тех иностранных языков, переговоры на которых обеспечиваю. Если уж на то пошло, то я и английским владею только так, чтобы с покупателями объясняться.

Виктор изогнул брови домиком и стал похож на вундеркинда-математика, которого вдруг поставили давать сдачу на рынке, правда, золотыми монетами.

- Сейчас свалишь? – поинтересовался Леонид Владимирович.

- Нет, мне интересно. Реально интересно, - ответил студент, маскируя свою речь под жаргонизмы фирмача.

- Хорошо. С текстом порядок? Тогда приходи завтра с утра, начнется нормальная работа.

Проводив взглядом студента, и нажатием кнопки закрыв жалюзи на прозрачных дверях, Леонид Владимирович посмотрел на записи внутренних камер наблюдения. Студент как студент – паренёк из гимназии. Вроде старательный, родительские деньги его не избаловали, хотя… Сидел рядом, переводил, но за оригинал текста не сразу схватился, а ведь с оригинала – оно для знающих людей проще и правильней переводится. Но ведь это извечная ошибка всех студентов – не смотреть в первоисточники, а работать с тем, что дают. Фирмач полез на сайт университета, в городскую базу данных и ещё на полдесятка сайтов. С одной стороны, молодой человек везде фигурировал. С другой стороны – это ровным счетом ничего не значило. Разве что – его не заслали сюда из районного отделения милиции, да и то…

Леонид Владимирович вздохнул, покачал головой, и вернулся в своей схеме, которую сочинял всё утро. Подумал ещё, что надо не заработаться – жена к пяти часам спуститься из офиса наверху.

На следующий день студент явился со стулом под мышкой.

- Где взял?

- Та в конференц-зале.

- Напишешь на нём своё имя и фамилию. Распечатаешь и прилепишь чек о покупке.

- Зачем?

- Как за ним придут, пусть с тобой возятся, а меня не трогают. Или ты думаешь, ты тут первый такой умный? – усмехнулся фирмач.

- Тогда вечером верну.

- Годится, но фамилию сейчас пиши.

Виктор написал фамилию на листке из блокнота – приклеил под сиденье. Можно было и поработать.

- Заказ, над которым я сейчас вкалываю: обеспечения беседы некоего колумбийского бизнесмена с одним товарищем со Шри-Ланки, что характерно, коренным тамилом, - скучным голосом начал излагать задачу фирмач, - Смекаешь?

- Испано-английский, а потом англо-тамильский перевод, - пожал плечами студент. – Стандартный программный продукт, можно скачать на...

- И половина содержания их беседы – в мусорном баке. Потому как оба – ребята из низов. В колледжах не обучались.

- Значит слэнг, - кивнул Виктор.

- И все что угодно вдобавок. Они ведь не просто по поводу партии кофе – они вроде как хотят делить рынок поставок.

Студент задумался.

- Набор пиктограмм, как в компьютере? А потом контекстное меню? Но этого… - Виктор попытался жестами изобразить общение, но сам понял, что несёт ахинею.

- Попросту мало, - фирмач вздохнул, снял очки и протянул их студенту, - Примерь и посмотри на дисплей ноута.

Виктор опасливо надел окуляры и посмотрел на несколько картинок. Те вдруг начали меняться: одни увеличивались, другие уменьшались, большие начали расщепляться на похожие изображения. Не прошло и минуты, как с экрана на студента смотрела шаловливая, подмигивающая шатенка, в до пупа расстегнутой рубашке. Почему-то мужской.

- Это фотошоп, подстава, - замахал руками студент, - Я её, Анну, то есть Ирину, тогда не снимал.

- А это и не она, не Ирина и не Мальвина. Присмотрись внимательней, - Леонид Владимирович забрал очки.

Студент еще повертел головой – не выскочит ли кто сейчас с криком «шоу скрытая камера!» - и вернулся к разглядыванию картинки.

- Точно. Не она, но… В толпе я бы её узнал, позвал, и только потом.

- Вот потому я опасную бритву над рабочим столом и повесил, чтобы все лишнее отсекать.

- Скальпель Оккама, понимаю, - кивнул Виктор.

- Переговоры должны обеспечиваться картинкой от начала до конца. Технология ещё полтора года назад появилась, год как я этим делом занимаюсь, только из академии слился, сразу сюда.

Студент задумался.

- Это ведь должно быть на каждом углу? Такие возможности…

- В рекламе свободную подборку ассоциации запретили, как только она появилась. Думаю, спецы её много раньше смастерили. По своей надобности применяли. А как в широкий прокат пошла, так у них закон уже наготове имелся. И еще куча ситуаций под запретом.

- Но всё равно…

- Тебе просто очень повезло парень, что ты не натыкался на визуальную наркоту, - с мрачно-серьезным выражением лица произнес Леонид Владимирович, - Хорошая, видать, у тебя была частная гимназия.

-Так это оно?

- Не в чистом виде, здесь не установлена функция удовольствия. И обычной веб-камерой ты за зрачком клиента нормально не последишь. Кровяное давление не замеришь… Ладно, мы отвлеклись, - фирмач мизинцем сдвинул дужку очков к переносице, - Что главное в переговорах?

- Всё, - без колебания ответил студент.

- Гнилая отмазка. Ставлю вопрос по-другому – без чего нельзя обойтись?

- Без диалога, обмена информацией.

- Значит нам нужная для переговоров большая блок-схема. Один показывает, что надо ему. Второй – чего хочет он, и дальше начинается торг.

- Это скорее режиссура, - Виктор развел руками. – Спектакль.

- Не-а, концовку они сами выбирают. Наша задача – перебрать основные варианты.

- Очень сложно для экзамена получается – тут работы месяца на четыре. Даже если задать жесткую схему, то варианты…

- Тут главное на метафорах не споткнуться, - фирмач сделал вид, что не услышал возражений студента, - Фразочки типа «разобрать по косточкам» или «развести как лоха» так просто не нарисуешь, надо их вымарывать.

Виктор задумался.

- Это задание не тебе, схему я сам буду делать. Ты только на подхвате. А вот насчет экзамена ты мне хорошую идейку подсказал, - Леонид Владимирович поднялся со стула, подошёл к окну, что-то забормотал, посмотрел вдаль, но почти сразу встряхнулся, - Записывай.

Студент раскрыл планшетку, и под его пальцами вспыхнула виртуальная клавиатура.

Не спасают ни игры, ни чаты, ни авральная работа во время заказа. Потому он взялся за обучение подвернувшегося студиозуса с подлинным чувством ностальгии.

Горнист по имени Онан,
Рассветное небо тревожа,
Блестящей и звучной латунью,
О жизни своей подумал.
Хоть денег срубил он изрядно,
Сдвигая часы побудки,
И клонов создал десяток,
Во всем на него похожих,
Но нет ему счастья в казарме,
Среди моделей гламурных.
Так может пора… по коням?

У Виктора буквально отвалилась челюсть – он захлопнул рот с хорошо слышным костяным стуком.

- Хе-хе. Ты сочинишь сценарий. Видео на двадцать секунд или на десять. Главное, чтобы все слова из текста были отражены в полном объёме, все намёки присутствовали, но при этом ни капли пошлости. Понял, ни капли!

Несколько секунд Виктор вглядывался в текст.

- Тут в строчках – разное количество гласных.

- Ну и что? Это ж импровизация…

- Можно ли изображать гламурных моделей в сбруе? – Виктор не полез за очередным вопросом в карман. – И может лучше «Блестящей и звучною медью»?

- Сразу видно, что ты студент, – усмехнулся Леонид Владимирович, - Задаешь наводящие вопросы, чтобы получить от преподавателя больше информации. А ты не задавай. Сказано – переведено. И никаких гвоздей. Но текст под ролик потом сделаешь, сейчас возьмемся за имитационные модели.

Было заметно, что фирмачу всё-таки скучно одному сидеть в офисе целыми днями. Не спасают ни игры, ни чаты, ни авральная работа во время заказа. Потому он взялся за обучение подвернувшегося студиозуса с подлинным чувством ностальгии.

- Посмотрим, как ты «слепок оставляешь», - Леонид Владимирович добыл из стола вторые очки и предложил их студенту, - Расслабься. Пойдет поток образов, твоя задача вообразить, скажем, белый куб. Или красный квадрат. Короче, я должен увидеть сначала одну фигуру, а потом ты превратишь её во вторую.

Виктор нырнул в «картинку», как в холодную воду – мало ли что сейчас попрет наружу из его подсознания? – однако все прошло нормально. От гвоздики, алой, но притом заледеневшей, он смог перебраться к синему шару, а посторонние физиономии, пачки денег, лестничные перила и газовые конфорки почти не показывались на дисплее.

Фирмач хмыкнул, и вывел на дисплей физиономию Виктора в момент воображения синего шара.

- Ты сейчас похож на того античного отморозка, который засунул руку в печку, и ждал пока она не сгорит, чтобы напугать врагов. Типа, у нас много таких отморозков.

- Муций Сцевола, - автоматически ответил студент. Вид собственного напряженно-испуганного лица ему не очень-то понравился.

- Смотри-ка, учат этому бреду… - Леонид Владимирович выглядел чрезвычайно довольным, - Так о чём это я? О напряжении. Если товарищи на переговорах, высокие договаривающиеся стороны, они же наши клиенты, будут так страдальчески морщить носы, то больше фирме не отстегнут ни гроша. Потому наша основная задача, слышишь, зашить в программу такие линии сопротивления, чтобы во время переговоров, на экранах не появлялось что-нибудь интимное, и при этом человеку казалось, что машина угадывает его мысли.

Виктор протёр глаза.

- Это же годы работы, такую программу составить… Я даже не представляю.

- Ха! Ты телевизоры старые помнишь? Ну, тяжелые такие, кубические.

- Да. Видел в кафе пару раз, и в фильмах.

- Как, по-твоему, сколько бит информации они передавали?

Студент только пожал плечами.

- Ни одного. Это назвалось аналоговая передача сигнала.

Виктор посмотрел на фирмача с плохо скрываемым раздражением – вот, сейчас попрет из человека системотехника, диоды полезут, проводники всякие.

Но работа с картинками была чем-то новым, Виктор раньше подобными фокусами не увлекался, и ушёл он с явной неохотой.

- Так и здесь – надо обеспечить перевод без расшифровки.

- Как чтение без понимания, - сообразил студент.

- Мг. Сейчас погоняем ряды, на превращение, а потом ты свалишь. Мне работать в одиночку надо, без разговоров. Да, стул вернуть не забудь.

Виктор еще пару часов пытался превращать коз в автомобили, макароны в зеркала, глаза птиц в жвалы насекомых. «Легче, легче, представь, что машина сканирует твои мозги», - то и дело «давал советы» Леонид Владимирович.

Когда пришлось выходить за коржиками, Виктор вспомнил, что в первый же день отыскал в сети все открытые данные на Л.В. Чурбашкова. Того выгнали из академии с какой-то донельзя мутной историей. Будь это взятка, или вообще что-то уголовное, академия не стала бы ничего скрывать. И уж точно с фирмой проштрафившегося работника не заключали бы договоров о студенческой практике. Возможно, он не поделил с факультетом будущих прибылей, и решил хлопнуть дверью?

Но работа с картинками была чем-то новым, Виктор раньше подобными фокусами не увлекался, и ушёл он с явной неохотой.

Когда за студентом закрылась дверь, фирмач снова задумался.

Можно было бы прямо сказать, что на этот товар очень специфический спрос – потому как запись таких переговоров не может быть доказательством в суде. Юридическая прореха, которая приносит столько пользы скромным компьютерщикам. И если бы студент только засмеялся, и немедленно согласился бы участвовать – всё стало бы на свои места. Но тот мог просто испугаться и уйти – такой вариант Леонида Владимирович тоже не очень устраивал.

Фирмач посмотрел на «анти-жучок», замаскированный под обычный телефон. Никаких подозрительных сигналов студент за время присутствия не испускал, и, похоже, планшетка и телефон, были всей его техникой.

Леонид Владимирович решил, что вечером он созвонится с одним своим знакомым, завтра ему придёт ответ и многое прояснится. Достал из стола более «крутой» вариант очков – разлапистых, утяжеленных, скорее походивших на маску. Нацепил это сооружение на физиономию и углубился в работу.

Утром студент явился с раскладным маленьким трехногим сиденьем, которым часто пользуются рыбаки и художники.

- Из дома взял, - пояснил Виктор.

Фирмач молча протянул ему очки. После сюрпризов первых двух дней студент ожидал многого. Потому был настороже, и смотрелся хорошо вооруженным ежом.

- Я тут в сети почитал про когнитивную компьютерную графику, пишут, потенциально вредна…

- Смотри, смотри – сплошное здоровье, - подбодрил его Леонид Владимирович с улыбкой старого алкоголика. А сам подумал, что студенту в сети подробно можно было бы пошариться в первый же вечер. Медленно чего-то у молодого мозги поворачиваются.

Виктор уставился на дисплей. Там прокрутился от силы десятисекундный ролик – почти без звуков.

- Что ты увидел?

- Мне предложили купить восемнадцать литров сметаны.

- Вежливо предложили?

- Н-н-н. Да, - кинул Виктор после секундного замешательства.

- А на каком языке, переводчик? – еще одна саркастическая усмешка.

- На когнитивном… я за вчера похожего продукта насмотрелся.

- Сметаны или сливок? Разницу определяешь на глаз? Хе-хе, - фирмач сложил руки на груди, - Отвечай ему скорей. Ты же вроде как общаешься.

Ещё пара секунд.

- Он понял и предложил сбавить цену. Да не нужна мне эта сметана, вообще. Целиком, - студент попытался состроить гримасу и его виртуальный собеседник отстал.

- Принцип ясен? Будешь сегодня весь день мимику отрабатывать, отвечать на китайские вопросы.

- Я диалектами на владею, ни кантонским, ни… - на всякий случай ответил Виктор.

- Это значит – беспредельно тупые уточнения, такие обычно задают посетители в отелях и пассажиры на вокзалах. Везде развешены объявления, а он подходит и спрашивает – «где касса»? Сиди, отвечай. Только молча, - Леонид Владимирович прижал указательный палец к губами и состороил заговорщицкую гримасу.

Виктор вздохнул и окунулся в поток образов.

Это было похоже на чудо – какие-то смутные очертания, неясные цвета, вдруг на их фоне мелькали предметы, цифры, и в

голове самом собой возникало знание вопроса. С ответом была та же незадача – Виктор обращался к хаосу, к пестрому водовороту из обрывков фотографий, и тут же, безо всяких пояснений, оттуда выныривали части картинки, которая только могла быть его ответом.

Иногда это было похоже на комикс – с нарисованными персонажами и цифрами, которые они якобы произносили. Реже – все застывало в почти абстрактной картине, котрая была отпечатком только одной эмоции или порыва души. А совсем редко перед ним вдруг складывались картины, которых не устыдился бы и Сальвадор Дали. Настоящие смысловые ребусы, которые, однако, разгадывались буквально за секунду.

Виктору временами очень не нравилось, когда его интуиция обгоняла сознание. Казалось, что некто хитрый и подлый научился читать его мысли, и теперь студент превратился в марионетку. А иногда наоборот, казалось, что он сообразительней самого себя.

- Не понимаю, - он протер глаза, и не удивился, что прошло больше двух часов, - Должен же быть какой-то смысловой ряд. Обязан! А я ни одной морфемы выделить не могу.

- Ты о чём? – фирмач сегодня активировал «старый гроб» и безвылазно сидел в Интернете.

- С иероглифами похожая история, - студент говорил будто сам себе, - Диалекты у китайцев такие, что друг друга не понимают, а пишут одинаково. Но у них есть знак-слово, иероглиф, а тут хоть шаром покати, хоть подпали. И чего-то оно меня понимает.

- Я тебе про телевизор рассказывал?

- Это всё не то, Леонид Владимирович, - студент уставился на фирмача раздраженными и непонимающими глазами, - Совсем не то.

- Кончено не то, - кивнул фирмач, и довольно про себя улыбнулся, студент все-таки допёр до главного, - Абсолютно не то.

Виктор замолчал.

- Ты мыслишь старыми категориями. Старыми схемами. Ну кто будет платить за мой товар, если придется зубрить иероглифы? Любая система знаков, которую я начну выдумывать, будет очередными иероглифами. Или эсперанто. Неважно. Надо обходиться вообще без слов.

- Так как же работает этот телевизор?

- Все тупо до невозможности: телевизор – плохая копия моего сознания.

- ?

- Берешь вот эти вот очёчки, - Леонид Владимирович достал те самые разлапистые очки, - Входишь в состояния диалога с машиной, и часа три отвечаешь на китайские вопросы. А лучше сутки отвечать. То, что получилось в машине – плохой ксерокс от твоих…

- Смысло-речевых полей, - завершил предложение осоловевший студент.

- Что такое, думаешь, зря на переводчика пошёл? – сочувственно посмотрел на него фирмач.

- Но ведь… Они в каждой культуре разные. Там ассоциации отличаются. Тамил и колумбиец – у них же по-разному головы устроены.

- Ты нацист? – со строгим лицом осведомился фирмач.

- Нет.

- Ну так какие проблемы? Форма черепа у них одинаковая, уровень интеллекта схожий. Надо, чтобы в твоей собственной голове, когда она отвечает на вопросы, были самые разные ассоциации. И схему приходится писать, - Леонид Владимирович вздохнул, - И, конечно, мне надо проглотить чёртову кучу материала по культуре двух стран. Кино, радио, газеты, все что угодно – с плохим переводом или вообще без перевода. Вот где каторжная работёнка, между прочим. И, добавок, этот слепок через несколько лет совершенно устареет. Новый придётся делать.

- Так быстро?

- А ты что думал. Образами из блокбастров и хитовых игрушек они, понятно, не мыслят, не тинейджеры уже. Но трансформация идет постоянно.

- И это… ноу-хау «Лектона»? Чего же вы мне его рассказываете?

- В наше время вообще мало осталось технологических секретов. Это вон, в Средневековье за секрет булатной стали головы рубили. Сейчас годика два пройдет и эта схема станет всплывать на переговорах в каждой занюханной фирмочке по импорту баклажанов.

Студент впал в ступор.

Фирмач пожал плечами и вернулся в Интернет.

- Так что, перевод окончательно станет нерентабельным? – спросил Виктор минуту спустя.

- Нет, - фирмач настукивал по клавишам и, не отвлекаясь, попытался объяснить студенту перспективы бизнеса, - Это как с прогами-переводчками. Тексты хорошо, и то не все, на голос хуже, а реальное общение совсем туго. Здесь что-то похожее – базар реальных пацанов переведет без проблемы, а если начнется про искусство разговор, про философию, то всё сдуется в момент.

Леонид Владимирович закрыл окно на мониторе и посмотрел в глаза Виктору сквозь вспыхивавшие зелеными искрами очки.

- Вот для таких разговоров ты мне и понадобишься. Недельки через три. Бизнес буду расширять, - он широко и нагловато усмехнулся, - А сейчас за работу. Изгибай мозги, выпрямляй извилины. Раз-два, раз-два, раз...

Студент взялся за очки и уставился на монитор. Там зеленое поле срасталось с красным кубическим арбузом под номером двадцать два и непонятным пока образом это означало повышение ставки налогообложения. Или просто мелкие пакости со стороны государства.

Через два дня подобного ныряния в омут ассоциаций Виктор уже начал чувствовать его границы. Мозги приспособились, приноровились, и он начал ощущать, как машина пытается следовать за его мыслью, выраженной в движении глаз и еле уловимой мимике лица. От этого неизменно захватывало дух. Всё походило на спуск по бобслейной трассе, который он испробовал прошлой зимой – бегущая все быстрей и быстрей ледяна дорожка, подступающий к горлу весёлый ужас и понимание, что мозги работают как-то сами по себе. Управлять бобом почти невозможно, и сразу понимаешь, что это удел настоящих мастеров. Если нет навыка, приходится биться о борта, тормозить. Но если умения появляется…

Появиться им грозило не скоро. Но перспективы привлекали, это умение открывало для Виктора какой-то совершенно иной мир.

Между очередными погружениями в «зазеркалье», студент вдруг сообразил, откуда у фирмача этот жаргон, показная хамоватость и карикатурные гримасы. Человек в образе. Для переводчика ему приходится быть и режиссером, и актером, и декоратором и всеми статистами вместе взятыми. Причем угадывать будущих зрителей по неясным намёкам.

Уже дома заглянул в Интернет, просмотрел запись лекции Чурбашкова – в первый раз на такие подробности просто не хватило времени – тогдашний преподаватель и нынешний фирмач смотрелись как совершенно разные люди. Была ли эта перемена окончательной?

Виктор тяжело вздохнул.

День покупки, когда за дисками с товаром должны были прилететь представители колумбийца и тамила, выдался солнечным и очень ветреным. Надо было ехать в аэропорт – туристам в городе делать было нечего, и они разлетались первыми же рейсами.

Виктор явился в офис, приодевшись в черный, скромный пиджак и рубашку серых оттенков.

- Курсы имиджелогии. Я должен выглядеть незаметно, политкорректно и не смотреть в глаза…

- Ну чисто секретный агент шматрицы, только зеркальных очков не хватает.

- Шма…? – не расслышал Виктор.

- Не обращай внимания, старый фильм, - Леонид Владимирович паковал две партии дисков и одновременно прятал в сумку свой ноут, - Лучше вот, возьми, резервные копии понесешь.

Шорохи целлофана и щелчки застежек.

- Это взяли, это взяли, это взяли, то не забыли….Сидим на дорожку.

Сам Леонид Владимирович нарядился в замшевую куртку со множеством карманов. Своей короткой рыжей бородой и тяжелыми ботинками он напоминал Виктору виденные в детстве фотографии геологов. Сумка с дисками была легкой, маленькой, ухватистой, и смахивала на барсетку. Впереди маячили премиальные.

В остальном студенту было до крайности неуютно.

- Ну что – в путь?

- Я готов, - кивнул студент.

Но только они вышли из офиса и фирмач запер дверь, Виктор достал из кармана листок и показал Леониду Владимировичу. Сообщение на нем было кратким, но информативным: «Налоговая. Прослушка. Микрофон». Для завершения картины студент указал на карман пиджака.

Фирмач удивленно поднял брови.

Студент жестом показал, что его взяли за горло.

- Не будем задерживаться, и тогда офис точно не успеют обчистить до нашего возвращения, - ответил Леонид Владимирович оптимистическим тоном, - Такси останавливаются на первом уровне.

В машине Виктор сохранял невозмутимость лица, как его долго учили на экзаменах в гимназии. Правда, иногда слишком сильно сжимал ручку на дверце.

В аэропорту было пустовато - не столица, известное дело – и в кафе, серди четырех десятков стоиков, можно было свободно выбирать из двух дюжин.

- Рейс в четверть двенадцатого, плюс паспортный контроль, плюс всяческие недоразумения. Можем спокойно посидеть, чифирчику тяпнуть.

- «Тяпнуть» обычно употребляется в применении к алкогольным напиткам, - механически поправил его студент, думая о

Хотелось молча встать из-за стола и побыстрей вернуться домой.
Фирмач делал в маленьком блокноте все новые записи, шепотом считал – видно, снова взялся за поэзию.

чем-то своём.

Фирмач посмотрел на практиканта немного удивленно.

- Я до конца дела не пью, и тебе не советую.

- Что? А, извините, не разобрался, мне чаю.

- Так то лучше. Черный, зеленый?

Четверть часа спустя студент уже раскаивался в том, что показал фирмачу записку, и в том, что согласился на предложение налоговой, и даже в том, что вообще углядел название «Лектон». Хотелось молча встать из-за стола и побыстрей вернуться домой.

Фирмач делал в маленьком блокноте все новые записи, шепотом считал – видно, снова взялся за поэзию.

Двоих представителей заказчиков Виктор углядел первым. Они были черноусые, но это единственное, что их объединяло. Смуглый, сухой маленький ланкиец, видно, из подручных тамильца, и тучный, болезненно бледный, истекающий потом, будто собственной жадностью, колумбиец. Наличие переводчика они приняли совершенно спокойно, и Виктору оставалось только корректно и правильно переводить стандартные фразы, которые обе стороны и без него понимали на три четверти. Ноутбук и две пары очков послужили идеальным тестовым полигоном для программы-товара - пару минут никакого переводчика гостям вообще не требовалось.

Наконец, возник вопрос оплаты.

- Все будет перечислено по обычной схеме, - колумбиец одной рукой взялся за сумку с дисками, а второй стал набирать номер на телефоне.

- Какой-такой схеме? – напоказ удивился Леонид Владимирович.

- Вы что, требуете оплаты наличными? – набычился колумбиец, а его временный напарник стал вдруг похож на голодного богомола.

- И при чем тут наличные? Я вообще не требую у вас денег. Это была благотворительная акция в помощь голодающему народу Гондураса.

- …república de Honduras, - с нажимом, специально для колумбийца, повторил обрадовавшийся Виктор. Правда, он понимал, что львиная доля смысла пропадёт при переводе.

А потом сразу, одновременно, произошло несколько событий.

Какой-то блестящий большой паук, величиной с блюдце, вдруг выскочил на один из соседних столиков и оттуда прыгнул в сторону покупателей.

С потолка хлопнуло, потом грохнуло, и застрекотало – паук распался на запчасти и, заодно, столик над которым он как раз пролетал, тоже рассыпался.

На другом конце кафе возникла сутолока и несколько человек повалили кого-то на пол.

Наконец, все участники переговоров тоже поняли, что это не к добру и постарались спрятаться за стульями.

- Всё в порядке, все свободны, – голос над головой был спокойным, но принадлежал товарищу в боевой экипировке.

- Я гражданин…!

- Я гражданин…! – покупатели синхронно начали кричать о своём заграничном статусе.

- Все свободны!! – рявкнул боец, а Виктор рискнул перевести, разумеется, вполголоса, - Тут одного из Пакистана задержали. А к вам нет претензий! Валите отсюда!

Боец отошёл. Покупатели исчезли, не забыв прихватить товар.

Леонид Владимирович и Виктор снова сели за стол – не валяться же на полу без всякой стрельбы и конкретных приказов?

Почти сразу рядом со столиком возникло еще несколько человек – среди прочих тот капитан из налоговой, который говорил с Виктором несколько дней назад. И тут студент увидел, что без слов можно общаться не только «Лектоном», но и просто взглядами. Бойцов при капитане было мало, а те, кто только что расстрелял робота-тарантула, явно были из более серьёзного ведомства. Потому он после секундного молчания только протянул руку к Виктору.

- Микрофон.

Студент, сохраняя нейтральное выражение лица, вынул из нагрудного кармана прибор, походивший на флэш-карту для фотоаппарата.

Чурбашков встал, и на несколько минут отошёл поговорить с человеком в очень похожей замшевой куртке. Виктор подумал, что можно было бы сейчас просто встать и уйти – почти наверняка его бы не задержали. Но отчасти не решился, отчасти ему было интересно. Не спеша допил свой зелёный чай.

- Всё-таки хорошо, что мы так далеко от этого Пакистана, - вернувшийся в столику Леонид Владимирович был чрезвычайно

доволен, - Понимаешь, Виктор, проще всего послать к нам какого-нибудь нищего пуштуна с автоматом. Такой подкараулил бы нас у входа, и расстрелял бы не сказав худого слова. Но как пронести оружие на борт? Как обучить этого смертника хорошим манерам, чтобы его не задержал первый же полицейский? А если в обход, то нужна система явок.

Фирмач отхлебнул чаю, а студент механически отметил, что наиболее вероятные в контексте слова «отморозок» и «мент» теперь не прозвучали.

- Соответственно они подряжают на акцию человека хоть немного культурного. А поскольку вокруг коррупция и после войны с белуджами в тех краях культурных маловато – люди на вербовке начинают требовать боевого робота, чтобы обязательно на телеуправлении. В тюрьму не хотят. На складе новых моделей нет. Им выдают старье пятилетней давности. И, естественно, этот самозваный палач начинает увлекаться, воображает себя матёрым агентом и жаждет театральных эффектов.

- Потому паук прыгал по столам, а не тихо подкрался между стульями? – ответил вопросом Виктор.

- В точку.

- А при чем тут Пакистан?

- Какие-то трения со Шри-Ланкой, но, согласись, если бы я досконально знал, в чём дело, я бы работал не в «Лектоне», а зеленом доме с колоннами, - Леонид Владимирович сощурился и резко сменил тон, - На чем тебя подловили налоговики?

- На романтике и слове «слабо», - мрачно ответил студент, - Будь какая-то проблема, я к отцу бы побежал.

- А так?

- В тот день, как на фирму в первый раз должен был идти, встретили в городе, поговорили. Целую лекцию прочитали, какой вы злостный уклонист. Попросили оказать содействие государству. Это же интересно, - вздохнул студент, - Походил я, походил, да и передумал.

- Н-да, совесть у тебя есть, а навыков нет – тот листок у тебя ещё в кармане?

- Чёрт, точно! - Виктор спохватился.

- Ты ж в машине считай полчаса сидел, мог бы и подумать…

- Я там по стихам сценарий сочинил. На экзамен.

- Ого! Давай рассказывай...

- Рассветные сумерки. Прямоугольник пыльного плаца, вокруг кирпичная казарма – окна без решеток. Кадр перемещается на лицо горниста – такое унылое, постное и незначительное, что последнему идиоту ясно, замуж за него не пошла ни одна девушка. Он смотрит на часы, дорогие, можно золотые, стрелки явно показывают неправильное время – камера заглядывает в циферблат - но он подносит к губам мундштук горна. Камера сдвигается ниже, и мы видим несколько детей, так похожих на горниста лицом, что в первую секунду должно показаться, что они карлики. А один или даже двое – как бы отпочковываются от его бёдер, уже одетые в форму и с маленькими горнами в руках. Тут резкий поворот – и мы видим арку, большую арку, через которую может проехать всадник. Вдалеке степь и там встает солнце. Звук горна. Конец.

Леонид Владимирович посмотрел на студента задумчивым взглядом.

- А где модели?

Виктор только пожал плечами.

- В казармах, на плацу, - начал объяснять фирмач, - обычно висят плакаты: как отдавать честь. Как поворачиваться нале-во. Напра-во. Если изобразить там не солдатиков в стандартной форме, а моделей в купальниках, и буквально на полсекунды дать эту картинку в кадр, все станет ясно.

Студент согласно кивнул.

- И ещё одно. Уродство с отпочкованием – это лишнее. Не измышляй.

- В машине у меня было отвратительное настроение, - только и сказал в оправдание Виктор.

Фирмач засмеялся.

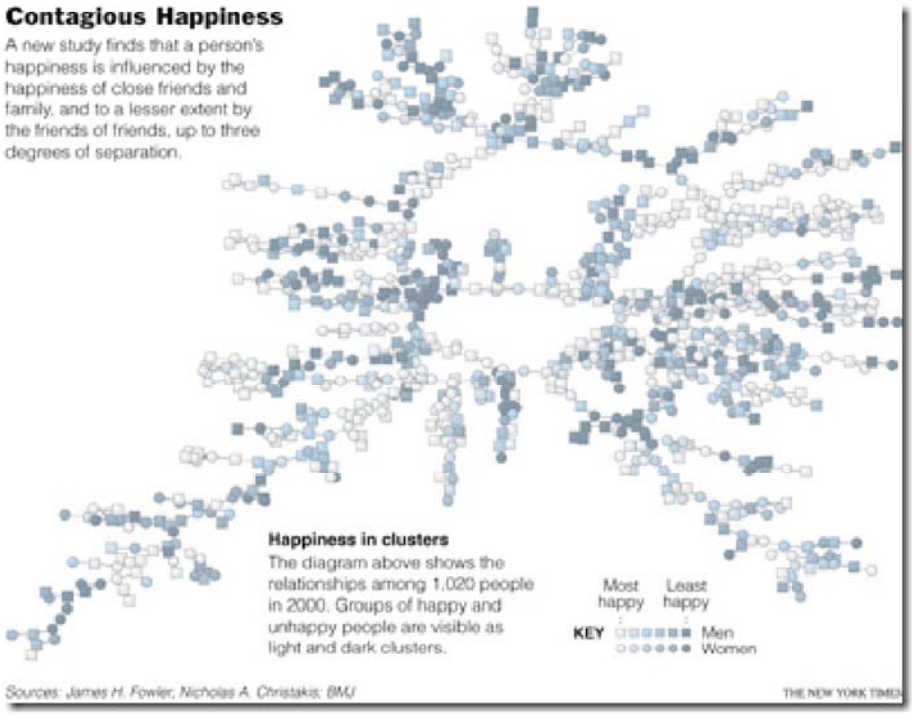
- Если захочешь подрабатывать у меня, считай, что на четверть ставки я тебя устроил.

- Я приду, - усмехнулся Виктор.

Развенчание мифов

http://www.synovate.com/news/article/2008/09/global-survey-shows-58-of-people-don-t-know-what-social-networking-is-plus-over-one-third-of-social-networkers-are-losing-interest.html

Исследовательская компания Synovate провела глобальное исследование социальных сетей, призванное, по словам исследователей, «развенчать некоторые мифы» о вирутальной жизни, а также ответить на главные вопросы: кто? что? и почему? Оказалось, что 58% взрослых людей по всему миру до сих пор не знают, что такое социальные сети, а из тех, кто знает о их существовании и пользуется ими, 36% заявили, что начинают терять интерес к данным сервисам. Информация об этом исследовании опубликована на сайте Synovate.



Социальные сети — настоящий интернет-феномен XXI века, — пишут авторы исследования. — Например, в течение июня 2008 года 132 млн. пользователей посетили сайт Facebook.com, а 117 млн. воспользовались услугами портала Myspace.com. И это всего лишь два, хотя и самых популярных, из сотен англоязычных социальных сайтов, которые продолжают плодиться невероятными темпами. А стоит лишь на секунду задуматься о числе пользователей Глобальной Сети в Азиатско-Тихоокеанском регионе и развивающихся странах, как получается цифра, от которой голова невольно начинает идти кругом. Сотни миллионов пользователей, говорящие на десятках разных языков и тысячи компаний у которых просто не остается другого выбора кроме как размещать свои рекламные сообщения на сайтах социальных сетей — и все это в неосязаемом виртуальном мире, который до сих пор окутан самыми разнообразными мифами.

С целью развенчать некоторые из этих мифов компания Synovate в июне 2008 года опросила 13 тыс. респондентов из 17 стран мира: Болгарии, Бразилии, Германии, Голландии, Индии, Индонезии, Канады, ОАЭ, Польши, России, Сербии, Словакии, США, Франции, ЮАР и Японии. В ходе исследования компании удалось получить массу информации о том, кто является пользователями сайтов социальных сетей, что интересует людей на подобных ресурсах, и почему люди постепенно начинают терять к ним интерес.

От простого — к сложному

Авторы исследования решили начать с самого простого вопроса, который они задавали респондентам: Знаете ли вы что такое социальные сети? Как оказалось, только 42% респондентов знают о том, что такое социальные сети. Таким образом, считают исследователи, самый первый и самый фундаментальный миф был ими развеян. 58% жителей земного шара не имеют представления ни о Myspace, ни о Facebook, ни уж тем более об Одноклассники.ру. Самый высокий процент людей знающих о существовании ресурсов оказался в Голландии (89%), Японии (71%) и США (70%). Тем не менее, даже с учетом подобных результатов получается, что 3 из 10 американцев существуют за границей мира виртуальных друзей и цифровых отношений.

«Несмотря на то, что большинство американцев уже обзавелись компьютером с постоянным доступом в Интернет, в США по-прежнему существует достаточно большое число — в частности среди иммигрантов и пожилого населения — людей, которые не имеют возможности доступа к ресурсам Глобальной Сети. Вполне очевидно, что они не могут знать и о том, что представляют собой социальные сети», — считает Боб Майклс (Bob Michaels) Senior Vice President of the US-based Consumer Insights, Synovate.

Кто есть кто в виртуальной вселенной

Продолжая движение от простого к сложному, авторы исследования пришли к следующему предположению: «Если человек не знает о существовании социальных сетей, то, скорее всего он не является зарегистрированным пользователем одного из подобных ресурсов». Далее исследователи Synovate проанализировали, кто является постоянными участниками социальных сайтов и какие ресурсы они избрали для себя. В результате данного анализа, указывают они, пал второй миф, гласящий, что «социальные сети крайне американизированы».

В целом по миру 26% всех опрошенных являются зарегистрированными пользователями той или иной социальной платформы. При этом самое большое число любителей поддерживать дружеские отношения не отходя от компьютера оказалось в Голландии — 49% респондентов в этой стране являются постоянным пользователем того или иного социального сайта. Следом за Нидерландами идут ОАЭ (46%), Канада (44%) и только на четвертом месте США (40%).

«Популярность социальных сетей в ОАЭ вполне объяснима. Наша страна в последние годы стала местом, где сплетаются в единое целое не только бизнес, торговля и предпринимательство, но и целые культуры. А подобные интернет-ресурсы дают возможность людям общаться и даже строить свои отношения, невзирая на существующие традиции, расстояния и культурные стереотипы. Что для ОАЭ, где, например, отношения между мужчиной и женщиной не принято афишировать, крайне важно», — комментирует управляющий директор Synovate UAE, Джордж Кристодоулидес (George Christodoulides).

В свою очередь Роб Майерс (Rob Myers), управляющий директор Synovate Canada, так прокомментировал полученные результаты: «По числу людей имеющих широкополосное подключение к сети Интернет Канада превосходит даже США, поэтому полученные результаты вполне закономерны. Канадцы вообще быстро реагируют на все тренды, связанные с компьютерами и глобальной сетью, например в конце 2007 года среди жителей Торонто было больше зарегистрированных пользователей Facebook.com, чем где-либо еще в мире».

С социальной сетью по жизни...

Респондентам также был задан вопрос о том, постоянными пользователями каких ресурсов они являются. Выяснилось, что люди разделились на две основные категории — одни посещают сразу несколько различных

сайтов социальных сетей, в то время как другие предпочитают сосредоточиться на каком-то одном ресурсе. Большинство непостоянных пользователей, как выяснилось, проживает в Индии, Индонезии, ОАЭ и Болгарии.

«Это эффект снежного кома. В определенных кругах считается «круто» иметь несколько зарегистрированных аккаунтов на различных сайтах, так как это демонстрирует всем, что ты следишь за модой и следуешь последним трендам», — поясняет Робби Сусатио (Robbie Susatyo), управляющий директор Synovate Indonesia.

В целом по миру респондентами было названо почти 150 различных социальных платформ, хотя, разумеется, выделились определенные фавориты: Facebook, Myspace и MSN Network. В России тройка лидеров по количеству активных зарегистрированных пользователей выглядит следующим образом: Вконтакте.ру (38%), Одноклассники.ру (36%) и Мой Мир (12%).

В некоторых странах существует один определенный ресурс, который стягивает к себе большинство пользователей. Например, 91% всех японских участников социальных сетей зарегистрированы на сайте Mixi.jp. Рики Фудзики (Riki Fujiki), управляющий директор Synovate Japan, считает, что в каждой стране можно выделить некий ресурс, который спровоцировал «бум» на социальные сети, и в свою очередь диктует моду и правила поведения в виртуальном мире: «В Японии подобным сайтом стал Mixi, который единолично и практически в мгновение ока сделал социальные сети популярными в молодежной среде. Уникальной чертой Mixi является то, что попасть на него можно исключительно по приглашениям от уже зарегистрированных пользователей. Соответственно в данной сети виртуальные отношения базируется на дружбе в реальном мире. Так что можно сказать, что эта платформа не расширяет круг друзей пользователя, а скорее укрепляет существующие связи».

Три наиболее популярных социальных сайта в каждой из стран, охваченных исследованием Synovate

	Rank one	Rank two	Rank three
Brazil	Orkut	MSN Spaces	Gazzag / Octopop
Bulgaria	MySpace	Yahoo Blog	MSN Spaces
Canada	Facebook	MySpace	hi5
France	Facebook	Copains d'avant	MySpace
Germany	MSN Spaces	Orkut	MySpace
India	Yahoo Blog	Orkut	Yahoo! 360^0
Indonesia	Friendster	Yahoo Blog	MSN Spaces
Japan	Mixi	GREE	Mobage-town
Netherlands	Hyves	LinkedIn	MSN Spaces
Poland	Nasza-klasa.pl	Grono.net	MSN Spaces
Russia	V Kontakte	Odnoklassniki.ru	Moy mir
Serbia	Facebook	MSN Spaces	MySpace
Slovakia	Friendster	MSN Spaces	-
South Africa	Facebook	Mxit	MSN Spaces
Taiwan	MSN Spaces	Wretch	Yahoo Blog
UAE	MSN Spaces	Facebook	Yahoo Blog
US	MySpace	Facebook	LinkedIn

© Synovate

Друзья, враги и личная неприкосновенность

Компания Synovate в данном исследовании не ограничилась лишь развенчанием мифов. По словам авторов исследования, они смогли подтвердить и ряд фактов. Ни для кого не стало откровением, что с появлением социальных сетей, как нового способа проведения досуга, появились и новые тревоги, и страхи свойственные виртуальной вселенной: насколько защищена моя информация в подобных ресурсах? Существуют ли гарантии того, что никто не будет читать мои личные послания и частную переписку? Как узнать общаюсь ли я с тем, с кем я думаю, что я общаюсь?

Проанализировав результаты исследования, удалось выяснить, что 51% респондентов считает пользование сайтами социальных сетей опасным и испытывает беспокойство по этому поводу. При этом больше всего нервных пользователей оказалось в Бразилии (79%), США (69%) и Польше (62%). Основными тревогами респондентов оказались: незащищенность конфиденциальных данных на подобных ресурсах (54% в Голландии) и персональные данные и отсутствие должных мер безопасности для пользователей-детей (62% в США).

Респондентов также попросили высказать свое согласие или несогласие со следующим утверждением: «Я не ощущаю беспокойства из-за того, что мои персональные данные доступны для всеобщего обозрения на сайтах социальных сетей». Оказалось, что лишь 26% всех опрошенных не испытывают тревоги по этому поводу, всех остальных хоть раз посещали параноидальные мысли о взломе их профиля и краже конфиденциальной информации.

Возглавляют список стран, где жители наиболее обеспокоенны безопасностью личных данных жители Германия (85%). Следом за ней идут: Тайвань (83%), Канада (79%) и США (70%).

«В последнее время в средствах массовой информации было много разговоров о проблеме защиты данных в условиях цифровой революции. Разумеется, это оставляет свой след на жителях Германии и в особенности на тех из них, которые являются активными пользователями социальных сетей, где вся информация часто доступна для публичного просмотра. Немцы крайне щепетильно относятся к собственной безопасности и неохотно предоставляют свои персональные данные кому-либо», — комментирует Гаральд Хассельман (Harald Hasselman), управляющий директор Synovate Germany.

С ним соглашается и Боб Майклс: «Хищение персональных данных — серьезное и достаточно распространенное преступление в США. В последние годы американцы стали осторожнее относится к личной информации и уже не готовы предоставить ее первому встречному. С развитием сети Интернет возникла и другая проблема: так называемая «интернет-диффамация» — публикация сведений, за частую ложных, позорящих другое лицо в сети. В итоге люди все больше и больше беспокоятся о своей персональной информации и тех, кому они ее предоставляют».

Общение – виртуальное и реальное

В рамках исследования респондентов также просили выразить свое согласие или несогласие с рядом утверждений призванных лучше понять разницу в поведении людей являющихся активными пользователями социальных сетей и тех, кто предпочитает проводить свое свободное время «оффлайн».

Когда речь зашла о том можно ли считать общение и дружбу в виртуальной вселенной достойной заменой реальным отношениям, то проявились первые серьезные различия между двумя группами людей. В частности 40% активных участников сайтов социальных сетей считает обмен цифровыми сообщениями полноценной заменой реальной человеческой речи, в то время как среди лиц не знакомых с Facebook и Myspace этот процент заметно ниже: 26%.

Любопытно, что 51% респондентов, не интересующихся социальными сетями, согласились, что общение онлайн лучше, чем его полное отсутствие. Среди пользователей же социальных ресурсов согласие почти единодушное: 75% в целом по миру, 86% во Франции и 83% в России. Любопытно, что вместе с тем большинство

российских пользователей (74%) социальных сетей несогласно с утверждением, что «Заводить друзей в Интернете гораздо проще, чем в реальном мире» (в среднем по миру так считает только 46% респондентов).

Тем не менее, несмотря на заявления респондентов о полноценности онлайн-отношений, лишь 14% опрошенных согласились с утверждением, что: «Я получаю больше удовольствия от общения с друзьями в сети, чем от общения в реальном мире». Больше всего сторонников сетевой дружбы оказалось в ОАЭ (37%), Индонезии (36%) и на Тайване (21%).

Управляющий директор Synovate Taiwan, Дженни Ченг (Jenny Chang) считает: «Для молодых жителей социальные сети — это в некотором роде форма эскапизма, бегства от реальности. Начало самостоятельной жизни на Тайване чаще всего связано со свадьбой, а до той поры молодежь в основном живет вместе со своими родителями, и тратит большую часть своего времени на работу, учебу и дела по дому, а не на общение с приятелями. Социальные сети дают им определенную альтернативу этого общения».

Вместе с тем пользователи социальных сетей в ряде стран выразили и свое резкое несогласие с данным утверждением: 97% в Германии, 96% в Сербии и 92% в Японии. «Немцы очень дорожат своими друзьями. Завести друга в Германии — не так-то просто, а назвать кого-то «другом» считается весьма серьезным поступком, показывающем настоящее доверие к этому человеку. Соответственно приятельские отношения, поддерживаемые с помощью сайтов социальных сетей, кажутся жителям нашей страны весьма легкомысленными и непрочными», — комментирует результаты Гаральд Хассельман.

Социальные сети – это надолго, но не навсегда

И, наконец, в финале этой части опроса респондентов попросили согласиться или не согласиться со следующим утверждением: «Я постепенно теряю интерес к сайтам социальных сетей». Оказалось, что с ним согласно 36% респондентов, зарегистрированных на том или ином социальном ресурсе. Больше всего людей стремящихся переключиться на другой вид онлайн развлечений оказалось в Японии (55%), Словакии (48%), Канаде (47%) и США (45%).

«Социальные сети, как и большинство вещей в современном мире — веяние моды. Они стали невероятно популярными за очень короткий срок, но сколько продлится эта популярность — большой вопрос. Например, тот же ресурс Mixi.jp еще совсем недавно ставил рекорды по посещаемости — там были зарегистрированы даже люди далекие не только от социальных сетей, но и вообще от любых онлайн развлечений. Но уже сейчас мы видим, что пользователи постепенно переключаются на что-то другое, например, на общение через мобильные социальные сети», — считает Рика Фудзики.

Реклама и бренды. Виртуальные сообщества – мечта маркетолога?

Итак, допустим, вам все же удалось определить, что большинство представителей интересующей вас аудитории являются активными пользователями социальных сетей, — пишут авторы исследования. — Более того вам даже удалось найти их «места обитания». Теперь перед вами встает закономерный вопрос: «Стоит ли пускать наш бренд в мир виртуальных друзей и онлайн-вечеринок?». По мнению Стива Гэртона (Steve Garton), Global Head of Media Research, Synovate, определенно стоит, только делать это необходимо с предельной осторожностью и не поднимая лишнего шума. «Подобные стратегии проникновения лучше всего работают, когда бренд как бы прислушивается к пользователям социальных сетей, постепенно создавая у них доверие к продукту или услуге, как например это было в случае с рекламой BMW на сайте Facebook, где каждый пользователь мог пригласить своих друзей на виртуальный тест-драйв».

В рамках исследования респондентам был задан вопрос о том замечают ли они вообще рекламные и спонсорские сообщения, размещенные на сайтах социальных сетей? Выяснилось, что в целом по миру 53% всех пользователей социальных сетей обращают свое внимание на спонсоров того или иного сайта. Особенного внимания спонсоры удостаиваются в США (66%), Сербии (65%) и России (64%).

«Для многих жителей США уже стало нормой искать всю информацию о продуктах и услугах в Интернете. И

в процессе поиска они всегда обращают внимание на те компании или организации, которые финансируют тот или иной сайт. И очень часто наличие или отсутствие подобных спонсоров для американцев является показателем того достоверна ли размещенная на ресурсе информация», — считает Боб Майклс.

Исследование показывает, что 2/3 всех опрошенных пользователей замечают рекламу, размещаемую на сайтах социальных сетей. Особенно подобная реклама привлекает внимание в Индонезии (86%), Польше (83%), Германии и ЮАР (80% в обеих странах). Вместе с тем существуют и ряд стран, где респонденты предпочитают игнорировать рекламные баннеры: Голландия (48%), Тайвань (51%), и Франция (60%).

Особняком стоят интерактивные пользовательские профили, посвященные тому или иному бренду. С одной стороны, 31% респондентов обращает внимание на них, но с другой, 26% не уверены приходится ли им по вкусу подобный вид рекламы. Так что пока трудно говорить об эффективности этого рекламного метода. Больше всего обращают внимание на профили брендов в Сербии (69%) и Индонезии (61%).

Любопытные факты

1. Более половины всех опрошенных согласились с утверждением, что активное общение с помощью сайтов социальных сетей приводит к неизбежному ухудшению лексических и грамматических навыков.

2. 30% всех жителей ЮАР и 28% жителей Тайвань признали, что у них гораздо больше друзей в сети Интернет, чем в реальном мире.

3. 78% всех опрошенных нами пользователей сайтов социальных сетей считают, что людям стоит проводить больше времени на свежем воздухе и меньше портить глаза за экранами компьютеров. Особенно велик процент борцов с компьютерной зависимостью в странах восточной Европы: Польше (99%), Сербии (96%) и России (94%). Тем не менее, такой позиции придерживаются не все в мире. Например, жители Индонезии (82%) и Франции (79%) в ближайшее время не намерены ни терять интерес к социальным сетям и переключаться на развлечения не связанные с компьютерами.

Голод тигра

Рене Бержавель

ПЕРЕВОД

Игорь Найденков

1

Я никогда не привыкну к весне. Год за годом она поражает меня, она приводит меня в восторг. И никакого значения не имеют ни возраст, ни накопившиеся сомнения и огорчения. Как только зажигаются свечи каштанов и птицы заводят песни в их ветвях, мое сердце начинает набухать подобно почкам. И вот я снова уверен, что все вокруг меня прекрасно и справедливо, что только наше невежество вызывает зиму, и что на этот раз мы не позволим, чтобы погибли апрель и май.

Небо чисто вымыто, по нему неторопливо ползут новенькие облака. В воздухе нет выхлопных газов, никто и нигде не убивает ягнят и ласточек. Вот-вот зацветет липа и позовет к себе пчел. За одну ночь распустятся розы, и соловей споет в их честь песню о мире, который весь – одна сплошная радость. Все начинается с самого начала, все живут новыми надеждами. И на этот раз все надеются на успех. Правда, мне осталось прожить на год меньше, чем в прошлом году. Нет, мне осталось жить меньше не на год, а на целую жизнь. Но сейчас я источник, начинающий свою журчащую жизнь. Великая ежегодная иллюзия. Растительное царство первым попадается на этот обман. В едином порыве к жизни возрождаются миллиарды деревьев и кустов; стебельки-энтузиасты пускаются в бурный рост, разворачивают удивительно совершенные листочки, у которых нет ни малейшего основания не быть вечными. А в это время на другой половине мира уже наступила осень и швырнула оземь все чудеса жизни, которые окончательно уничтожит зима.

Но для нас, только что встретившихся с весной, осень кажется чем-то невероятным; зима для нас не более реальна, чем смерть. Каштаны светятся, словно одетые в белые одежды девушки, пришедшие на первое причастие. Дерево персика – сплошное розовое пламя, лилии – как факелы. Во всех лесах и садах, на всех полях, на бесконечно диких или старательно ухоженных пространствах, на каждом сантиметре земли, занятой растениями, величественно разворачивается молчаливая и медленная растительная любовь.

Каждый цветок – это половой орган. Думали ли вы об этом, когда наслаждались ароматом розы? Даже каждый цветок – это не один, а чаще всего, сразу два половых органа, мужской и женский одновременно, и его краткая жизнь, проходящая в сиянии красоты – это апофеоз любви. Розовый персик совершает акт любви всеми своими цветками, и это же повторяет каждый стебелек злаков. Поэтому поля пшеницы в окрестностях Парижа или на Украине, простирающиеся во все стороны за линию горизонта, это бескрайние поля любви. На половине нашего мира за несколько недель травы и деревья высвобождают миллионы тонн пыльцы, большинство ее микроскопических

зернышек будет унесено ветром и затеряется. Только немногие из них, которым будет благоприятствовать случай, дуновение ветерка или прихоть насекомого, достигнут застывшего в своей эрекции пестика и оплодотворят его яйцеклетку. Чтобы продолжалась жизнь.

Животное царство тоже приходит в волнение, чтобы продолжалась жизнь. На лугах и в лесах, под камнями и под корой деревьев, в толще земли и в потоках ветра, все виды животных, от клеща до слона, бросают своих самцов в атаку на самок. В каждой луже, в каждом болоте, во всех реках и морях самки рыб откладывают миллиарды икринок, которые тут же оплодотворяют самцы.

На протяжении нескольких дней живые воды Земли превращаются в сплошной раствор семенной жидкости.

Как только мальки серебристыми брызгами устремятся во все стороны из жизнегенерирующей магмы, их наивные игры привлекут к ним голодные пасти. Большинство покинувших икринки малышей поглощается, проглатывается, пожирается в первые же мгновения их жизни. Только очень немногие смогут прежде, чем их проглотят, вырасти и превратиться во взрослых рыб, способных в свою очередь отложить икру.

Немногие. Но их будет достаточно, чтобы жизнь продолжилась.

2

Любое нормально развившееся живое существо есть ничто иное, как орган воспроизводства. Все остальные части его тела подчиняются этому главному органу и существуют только для того, чтобы обеспечить его выживание, гарантировать выполнение им его главной задачи.

У живой материи, похоже, нет другого смысла существования, как распространяться в пространстве и продолжаться во времени.

Виды и особи, предназначенные для того, чтобы обеспечить решение этой двойной задачи, не имеют ни малейшего шанса уклониться от исполнения своей обязанности. Эта обязанность определяет их существование настолько же холодно и непреклонно, насколько неизбежно свинцовый груз натягивает нить, к которой он подвешен. Даже если ветру удастся немного отклонить нить, она все равно тут же вернется к вертикальному положению; именно относительно этого положения колеблется груз.

3

Человеку приятно думать о себе, как о существе цельном, независимом, который знает, что он делает и делает то, что он хочет, разумеется, в соответствии с существующими нормами и законами. В действительности же его индивидуальное существование есть ничто иное, как иллюзия, предназначенная для того, чтобы обеспечить ему – на протяжении времени, полезного для вида – вкус к жизни, чтобы он сохранял ее и передавал дальше.

Человек – это всего лишь носитель зародышей жизни. Он должен передать дальше жизнь, которую он получил от своих родителей, он нужен только для этого, он рождается, думает, работает, борется, страдает исключительно для этого, и если он умирает, не выполнив свою задачу, то ее выполнит большинство окружающих его людей, и его бесполезное существование будет значить не больше, чем польза, которую он мог бы принести. Все это не имеет значения; важно только существование вида.

Каждый раз, когда мужская особь человеческого рода занимается любовью, она бросает на штурм женской яйцеклетки примерно 800 миллионов сперматозоидов. Это в 20 раз больше, чем все население Франции. Человеческий род сейчас насчитывает примерно 1500 миллионов мужских особей, из которых около 400 миллионов находятся на стадии половой зрелости. Разумеется, эти расчеты не опираются на точные цифры. Правильным, или даже точным, следует считать только порядок этих головокружительных величин. Допустим, что только половина этих самцов занимается любовью один раз в сутки. В итоге мы получим 160 миллионов миллиардов половых клеток, высвобождаемых каждые двадцать четыре часа. Не более одной из каждых 150 миллиардов этих клеток достигает яйцеклетки и приводит к оплодотворению. Остальным придется погибнуть.

Это невообразимое расточительство – всего лишь одна из мер, предусмотрительно разработанных видом, чтобы обеспечить его выживаемость. Несмотря на все предосторожности, спирали, гидротерапию, применение методики Огино, регулярно созревающая яйцеклетка, неумолимо осаждаемая бесчисленным воинством, рано или поздно будет пронзена вибрирующей стрелой сперматозоида. В результате яйцеклетка превратится в индивидуума, который, в свою очередь, также будет порождать бесчисленные количества мужских или женских половых клеток.

Мужчины и женщины, прожившие всю жизнь и умершие, так и не заведя потомства, так же, как и пары, у которых были дети, всю свою жизнь контролировались парой небольших желез, определявших все их поведение. Именно эти железы заставляли их испытывать желание и любовь, которым люди предавались в

счастье и самозабвении; именно они заставляли их страдать из-за разочарования, если они не отказывались усилием воли от радостей любви. Плыли ли они по течению потока жизни, пытались пересечь его или боролись с течением, отдавались ли они с радостью стремнине, цеплялись ли они за подводные камни или тонули, все их существование – индивидуальное, семейное или общественное – в каждый данный момент зависело от деятельности этих желез. Что такое Ромео, как не легион мужских половых клеток, карабкающихся по лестнице, чтобы соединиться с женской половой клеткой, притягивающей их с непреодолимой силой. Известно, какие радости и какие несчастья могут причинить они двум человеческим существам, носителям этих клеток. В этом весь Дон Жуан и его жертвы, в этом также Химена, Мессалина, Онан и все эти безымянные пары, слагающие живую ткань человечества. В этом и одиночки, и покинутые, и разочаровавшиеся, и даже гомосексуалисты. Они отнюдь не более свободны, чем остальные. Они тоже подчиняются необходимости испытывать плотские радости любви.

Эти радости – это еще одна предосторожность, придуманная жизнью, чтобы обеспечить свое продолжение. Желание, которое толкает человека к этим радостям даже до того, как он достигает зрелости, необходимой для выполнения своих функций, это великая воля вида, неумолимая, неизбежная, универсальная. Сознает ли это человек, или остается в неведении, подчиняется ли он этой силе, или восстает против нее – покорность каждого человеческого существа этой воле неизбежно, поскольку у него есть тело.

4

Каждый из этих сперматозоидов, как тот, что достигает яйцеклетки, так и те 150 миллиардов, которые погибают, несут в себе приказы на все последующие времена. Каждый из них есть жизнь, которая продолжается, и каждый также – почему этой жизни.

Каждый день армия, в пятьдесят миллионов раз превосходящая все население Земли, бросается на штурм будущего и гибнет, не достигнув его. И каждый новый день очередная армия поднимается в атаку и возобновляет штурм. Достаточно, если один-единственный боец из 150 миллиардов уцелеет после чудовищной гекатомбы, чтобы будущее было обеспечено и послание будущим поколениям было передано.

Едва только ничтожно малый сперматозоид проникает в неосязаемо малую яйцеклетку, как жестко определяется вся физиология человека, который родится от этого союза. Каждый из партнеров – и яйцеклетка и сперматозоид – привносят в общий котел содержащиеся в них приказы, которые перемешиваются, сливаются, вычитаются друг из друга, чтобы образовать генеральный план нового существа. Это будет человеческое существо мужского или женского пола, оно будет таким или иным, но оно всегда будет человеческим существом.

Просто поразительно, если хоть немного задуматься об этом, что с тех пор, как род человеческий осознал себя, еще никогда ни одна женщина, с яйцеклеткой которой соединился сперматозоид, полученный ею от мужчины, не произвела на свет лошадь, улитку или кочан капусты.

5

Яйцеклетка не превышает в диаметре двух десятых миллиметра. Сперматозоид в тысячи раз меньше. Их общий вес вряд ли достигает половины миллиграмма. Во французском языке нет слова, чтобы охарактеризовать столь незначительное количество вещества, это меньше, чем пустяк, это видимость. Тем не менее, эта ничтожно малая крупинка содержит в себе всю программу изготовления взрослого существа, как в его совокупности, так и в малейших деталях: цвет его волос, а также их количество, и эту родинку, унаследованную от предка, жившего в шестом тысячелетии до нашего времени, и которая до конца веков будет время от времени украшать левую ягодицу женских представителей рода; а также выпуклую или плоскую грудь, прямые или покатые плечи, мягкие или хрупкие ногти, волосы на пальцах ног или их отсутствие. И то, какая складочка образуется в уголке глаза при улыбке, каким образом перемещается рука при попытке схватить какой-нибудь предмет, тембр голоса, легкий или глубокий сон, может быть, даже сны…И все это заключено в этой крупице, все то своеобразие, которое позволяет отличить одного человека от другого, то, что связывает человека, который еще только должен родиться, со всеми его предками.

Но, наряду со всеми этими мелкими деталями, имеется и общий план. Тот общий план изготовления человека, который одинаков для всех представителей одного вида.

Как только яйцеклетка и сперматозоид сливаются в одно целое, образовавшаяся клетка начинает делиться. Яйцо, единственная клетка-первооснова, содержащая все, что должно проявиться во взрослом существе, делится пополам, потом на четыре части, на восемь, шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре части и так далее в невероятной геометрической прогрессии, которая, в конце концов, обеспечит появление миллиардов клеток,

необходимых для формирования человека. И каждая из двух, четырех, шестнадцати и так далее клеток, каждая из миллиардов, содержит в себе полную программу.

Программу рода, которая обеспечивает изготовление человека, а не лошади, улитки или кочана капусты.

Программу поколения, которая обеспечивает появление шведа с льняными волосами и голубыми глазами, или китайца, или овернца, или мулатки, человека высокого или коротышку, сгорбленного или хромого, жирного или мускулистого.

Программу появления органа, который будет развиваться, дифференцироваться и специализироваться, чтобы превратиться в печень или мозг, клетчатку или желудок, и который будет точно знать, какая работа возлагается на него.

Программу деятельности клетки, которая будет получать кровь или лимфу, поглощать различную пищу, перерабатывать ее в зависимости от потребностей особи, потребностей органа и своих собственных потребностей, будет функционировать подобно химическому, электрическому или атомному заводу, поразительно совершенному и сложному, выдавать определенные порции энергии или необходимых веществ, направлять их в оборот или оставлять в резерве, выводить отбросы и умирать, когда настанет час, предварительно изготовив себе замену, которой она передаст свою программу.

Каждая из миллиардов клеток делает в точности то, что она должна делать и точно на том месте, куда она была помещена в процессе изготовления особи. В полном соответствии с программой.

До рождения особи, после ее рождения, после достижения взрослого состояния, вплоть до самой смерти.

6

Нельзя сказать, что каждый человек сам создал себя и сам решил прожить свою жизнь. Его жизнь продолжается сама собой без какого-либо вмешательства его воли.

Не существует момента, когда бы его существование продолжалось только потому, что он хочет этого. Его жизнь поддерживает сила, совершенно независимая от его сознания и его решений. Интеллект человека слишком слаб, его внимание слишком неустойчиво, его невежество слишком велико, чтобы он мог хотя бы в течение нескольких мгновений выполнять эту задачу. Если бы человек внезапно стал отвечать за функционирование своего тела, оно немедленно погибло бы в хаосе и разложении. Управление столь сложным миром, каким является человеческий организм, требует идеального знания возможностей материи и законов нашей вселенной. Оно требует постоянного бодрствования и непрерывного внимания, таких способностей воспринимать, координировать и решать, которые ни одной частички организма не оставили бы за пределами жизненного цикла. Все это находится далеко за пределами возможностей познания, понимания и человеческой воли. Человек словно поселен внутри самого себя наподобие некомпетентного пассажира. Он ничего не знает о жизни своего организма, который не зависит от него и который он может только разладить, если пытается воздействовать на него.

Не от человека зависит его рождение, не он в каждый данный момент жизни предпринимает все необходимое, чтобы его организм продолжал функционировать, не он принимает решение о мгновении, когда прекратится его существование. Большинство религий рассматривает самоубийство как самый тяжелый грех; самоубийство всегда вызывает у родственников добровольно ушедшего из жизни потрясение, смешанное с чем-то вроде ужаса.

Потому что самоубийство – это вмешательство человека в то, что ему не принадлежит. Может быть, даже убийство является менее преступным; может быть, для человека биологически настолько же естественно быть причиной рождения одних людей, насколько естественно лишать жизни других. Но только не самого себя.

7

На протяжении многих столетий человек раскрывал с помощью ножа свое тело, таившее множество секретов. В конце концов, он многое понял о том, как оно функционирует. Но самое удивительное заключается не в том, что он, наконец, достаточно хорошо узнал, для чего служит каждый из его органов; поразительно то, что каждый орган сам прекрасно знает, для чего он предназначен. Сердце – что оно должно биться, железы – выделять, желудок – переваривать, печень – перерабатывать, кровь – переносить, питать, очищать, защищать; каждый орган, каждая клетка великолепно знают, что они должны делать и делают именно то, что нужно, без того, чтобы в эти процессы вмешивался человек, организм которого они слагают.

Еще одно чудо – это то, что каждый из этих органов, находящихся в нужном месте, образовался всего лишь из половины миллиграмма живой материи. Чудо то, что анус никогда не оказывается на месте пупка, желудок никогда не помещается в черепной коробке, глаза – на подошвах, кожа – внутри организма, сердце – в плече…

Человек – результат деятельности клеток, но не их хозяин. Он безобразно обращается с ними, отравляет их, доводит до удушья, калечит их.

8

Человек, продукт трансформации исходной клетки, результат деятельности миллиардов клеток-заводов, ни в один из моментов своего существования никоим образом не в состоянии вмешаться, чтобы управлять их деятельностью. Человек – результат деятельности клеток, но не их хозяин. Он безобразно обращается с ними, отравляет их, доводит до удушья, калечит их. Клетки сопротивляются, насколько это в их силах. Когда наступает смерть индивида и смерть всех составляющих его клеток, когда живая материя разлагается и возвращается в элементарное состояние, одна, иногда две или несколько клеток из миллиардов клеток организма отделяются от него и передают дальше жизнь и программу. Форма жизни, которую они обязаны поддерживать, продолжается. Именно для этого послужил индивид. Он послужил для того, чтобы поддержать, в доступной для него микроскопической доле, огромный поток, который, наравне с множеством других, увлекает его вид через время и пространство.

Родившийся на свет от капельки жизни, содержащей программу, он должен передать дальше и жизнь, и программу; должен обеспечить, когда настанет момент, отделение от него неисчислимого множества клеток-посланников, из которых одна, две или несколько передадут дальше программу, в соответствии с которой протекала жизнь индивида, и поэтому после него будут жить его потомки.

Определенный составляющими его компонентами, подчиняющийся тому, из чего он состоит, неспособный управлять самим собой, ничего не знающий о своем предназначении, человек только выглядит существом, обладающим автономностью существования. Его индивидуальное существование в действительности всего лишь обман.

9

Живые существа, миллиарды людей, мух или одуванчиков, это ничто иное, как транспортные средства. Ими жизнь переносится через время и пространство.

Их искусная неподвижность или двигательная активность не имеют иной цели и не приводят к другому эффекту, кроме этого переноса, который они не сознают. Внутри каждого вида, от одного поколения к другому, начиная с момента зарождения жизни, передается одна и та же жизненная форма.

Когда женская и мужская половые клетки сливаются, чтобы образовать одну оплодотворенную клетку, она немедленно начинает делиться, чтобы в итоге создать нового представителя своего вида. В самом начале этого процесса деления клетка как бы откладывает в сторону небольшую часть самой себя. Остальное пойдет на создание цельного нового организма. Незначительная часть клетки, отложенная в сторону, с самого начала создает небольшое количество воспроизводящих клеток, которые новое существо передаст дальше, чтобы сформировать новые воспроизводящие клетки у новых существ. Если уничтожить эту незначительную частичку, отделившуюся от оплодотворенной клетки, последняя все равно продолжит деление, и в итоге мы получим нормальное взрослое существо, обладающее полным набором органов и даже половыми железами, мужскими или женскими. Но эти железы окажутся не в состоянии сформировать яйцеклетку или сперматозоида: они не обладают способностью к воспроизводству. Взрослый организм получил все наследственные признаки своего вида и своих родителей, он получил свою порцию индивидуальной жизни, но ему не досталась крупица жизни рода, и он не в состоянии передать ее дальше. Почтальон торопится, но его сумка пуста…

Похоже, что в этой воспроизводящей клетке есть частица, которая не смешивается с миллиардами клеток организма, который она создает.

Одна оплодотворенная клетка создает, с одной стороны, новые воспроизводящие клетки, а с другой стороны, новый организм, предназначенный сохранять этот залог воспроизводства и передавать его дальше в бесконечной последовательности живых существ вида.

Таким образом, очевидно, что воспроизводящие клетки передают от поколения к поколению некую субстанцию, носительницу совершенно независимой жизни, непрерывно продолжающейся во времени и распространяющейся в живых существах. Чтобы обеспечить выполнение этой задачи, они ведут паразитирующий образ жизни, распоряжаясь живыми существами-носителями, которых они создают на протяжении времен.

Видимая жизнь, жизнь каждого отдельного индивида, это жизнь ограниченная, существующая на небольшом отрезке времени, который предоставлен ей, чтобы она могла выполнить свою миссию носителя жизни вообще.

Подлинная жизнь, жизнь постоянная, непрерывно продолжающаяся, начиная с первого живого существа, есть жизнь этой субстанции, размножающейся в пространстве и продолжающейся во времени; она одинакова у всех представителей одного вида, может быть, одинакова у всех видов, у всех живых существ. Этот вывод можно сделать на основании того, что если мы разрушим эту субстанцию в оплодотворенной яйцеклетке, то появившееся на свет живое существо словно не заметит этого, но не сможить дать жизнь следующему поколению. Следовательно, данная субстанция независима от всех специфических особенностей живых существ.

Не является ли эта жизнь, уникальная и разнообразная, распределенная по телам всех живых существ, подлинным обладателем разума, сознания и знаний?

Не вызывает сомнения, что:

- именно она создает человека, ягненка и капусту, а не мы;
- именно она создает и размещает в нужном месте все органы нашего тела, а не мы;
- это она заставляет биться наше сердце, а не мы;
- это она продолжится в веках, а не мы; нам же придется умереть.

10

Почему нужно думать обо всем этом? Да потому, что жизнь существует, а мы находимся в ней, мы живем!

Разумеется… Остается только жить… Это то, что мы все делаем, то, что ты обычно делаешь.

Но достаточно одного мгновения… Вот ты сидишь там, на теплом камне или на песке пляжа, или на полированном дереве стула, на который ты усаживаешься каждый день, чтобы работать. Сидя на котором ты отдыхаешь, если не работаешь, сидя на котором пьешь кофе или ешь. Вся жизнь течет вокруг тебя, но и ты течешь вместе с ней.

Миллиарды людей, миллиарды миллиардов живых существ и звезд. И ты вместе с ними. Хотя ты и не заботишься об этом.

На протяжении двадцати, сорока, шестидесяти лет ты являешься частью всего. Того всего, которое расширяется или сжимается, которое поднимается или опускается, которое приходит откуда-то и уходит куда-то.

И ты уходишь вместе со всем.

Так вот, ты находишься на своем месте, со свойственной тебе формой тела, с его функциями, которые тебе не известны. Ты работаешь, ты спишь, ты дышишь, не задумываясь о том, что ты делаешь. Ты существуешь. Подобно крупинке песка на пляже.

Морской прилив увлажняет тебя и перекатывает с места на место, солнце высушивает тебя, ветер уносит тебя и бросает, где придется.

Ты придерживаешься своего места, места песчинки. Кроме тебя на пляже находятся миллиарды и миллиарды других песчинок.

И ты вместе с ними.

Ты рождаешься, ты живешь, ты производишь на свет детей, ты работаешь ради них, работаешь для других, борешься с чужими, сражаешься против своих, ты любишь, ненавидишь, страдаешь, ты счастлив, ты несчастен, ты ешь, ты плачешь, ты счастлив, несмотря на все несчастья, счастлив, не задумываясь об этом, тебя уносит поезд, все проходит, ты идешь, ты сидишь на камне во время своих каникул или на рабочем стуле …

Но, внезапно, ты оказываешься между ветром, солнцем и приливом, одинокий и неподвижно подвешенный в пространстве. Внезапно прозревший на мгновение, на один миг, ты видишь, как все функционирует вокруг тебя. Гигантский величественный вихрь, увлекающий за собой все и вся, родившийся из глубин времени в миллиарды лет и продолжающийся на миллиарды лет в будущее, устремляющийся из бездны в миллиарды пространств в миллиарды бесконечностей.

Миллиарды миллиардов бесконечно разнообразных творений в вечном движении, атомы, клетки, существа, звезды, галактики, вселенные – все откуда-то приходит и уходит куда-то.

И ты движешься вместе с ними.

Куда?

В течение одного мига, одного застывшего мгновения ты видел все. Этого времени тебе оказалось достаточно, чтобы понять, что ты ничто, что ты не имеешь никакого значения, что ты ноль, ты меньше, чем ноль. Миллиарды миллиардов уносящихся куда-то творений. И ты вместе с ними, среди множества множеств, и каждая их крупинка значит не больше, чем ты. Не больше, но и не меньше. Да, ты не меньше, чем мушиная лапка, но и не больше, чем Луна... Или как Луна? О, да, ты подобен Луне! Вот ты, твоя семья, все человечество, галактики, вселенные в одном ряду; и снова ты ноль, пылинка из пылинок, ничто. Ничто во Всем.

Неподвижный вихрь Всего уносящийся из откуда в когда. И ты – ноль. Ты, твои вечные колики в желудке, твои сексуальные желания, твои мечты об ордене Почетного Легиона, твое брюшко для супа, твои груди для любви, твои усы, твое шелковое платье, твой потрясающий ум, твоя изящная ножка, ты, ноль.

Ты снова оказываешься среди ветра и прилива. Но ты неспокоен. Обжигающе горячий песок, неприятно жесткий стул. К чему все это? К чему мозоли на заднице, к чему шершавые руки, этот дым из ушей? К чему весь этот кавардак? Родиться, жить, умереть? Жить… Жить? Зачем? Зачем?!

Не тебе отвечать на эти вопросы, да и не мне тоже. Но, даже без надежды получить ответ, если ты не выкрикнешь вопрос, ты всего лишь обглоданная кость…

11

Осознает ли вид животных свое предназначение? Знает ли род человеческий, что он должен продолжаться? Если существует это коллективное сознание, то отдельный человек не может знать об этом больше, чем клеточка мышцы бедра игрока, вбрасывающего мяч в схватку, знает о правилах игры и о стремлении победить. Тем не менее, все клетки тела игрока в регби трудятся ради этой победы.

Из всей бесконечной Вселенной мы знаем кое-что только о той пылинке, на которой живем. Мы знаем ее плохо, из-за наших органов чувств, ограниченных по числу и по возможностям, из-за нашей способности к пониманию, подобной самолету, не умеющему летать.

Мы можем прокатиться туда и обратно по взлетной полосе и даже свернуть на газон, но мы не способны набрать скорость, достаточную для того, чтобы взлететь.

И все же мы догадываемся о многом и видим достаточно, чтобы дать себе отчет в том, что на ограниченной поверхности нашей пылинки разыгрывается свирепая драма, смысл которой нам не известен.

Передача жизни, похоже, является всего лишь способом движения к цели. Конечно, это не гарантирует, что участники игры реально приближаются к ней, или что они могут когда-либо достичь ее; нет уверенности даже в том, что сама цель существует в действительности. Но эту игру ведут все виды живых существ. Все вместе они ведут общую игру, и каждый вид ведет свою особую игру. Эти виды неизбежно уничтожают друг друга, занимаясь этим с такой изобретательностью, что смерть служит зарождению жизни и позволяет игре продолжаться и продвигаться вперед.

Цель игры столь далека, ее достижение столь нереально, что если бы вся живая материя концентрировалась в одном-единственном существе, жизнь которого не имела бы временных ограничений, то наверняка это существо, в конце концов, почувствовало бы усталость и нашло бы способ лишить себя жизни. В результате вместе с ним исчезла бы Жизнь.

Многочисленность видов, краткость существования отдельного индивида позволяют исключить эту опасность. Жизнь продолжается только потому, что отдельные индивиды смертны. Ни у кого из них нет времени на то, чтобы понять, ни у кого из них не появляется соблазна отказаться. И даже, если кто-нибудь из них приходит к пониманию и отказывается, или же отказывается потому, что не способен понять, бесчисленное количество жизней вокруг него, до него и после него продолжается.

Отдельные существа рождаются, живут, убивают, передают мяч следующим игрокам и выходят из игры, возвращаясь к состоянию резерва исходного сырья. Они не могут отказаться от передачи жизни следующим поколениям, так как они не успевают понять, что они делают. Их краткое существование служит для того, чтобы произвести следующие за ними живые существа, но они не понимают, что служат только этой цели. Они – всего лишь воспроизводители, но они не знают, что занимаются исключительно воспроизводством.

Олениха, отдающаяся зрелому оленю-самцу весенней ночью в Шамбордском лесу, не представляет последствия удовлетворения своего желания, как не представляет этого и овладевающий оленихой самец. Коты, сражающиеся за кошку в весеннем сквере и не дающие спокойно спать тысячам парижан, не догадываются, что действия победителя приведут к появлению котят. Цветок вьюнка не знает, что он превратится в семечко. Вьюнок не

знает, зачем он распускается.

12

У миллиардов растений, подчиняющихся категорическим приказам, записанным в их клетках и начинающим действовать при наступлении весны, вытягиваются пестики и созревает пыльца; миллионы самцов оплодотворяют самок, не представляя, что они станут родителями. Впрочем, большинство живых существ не имеет представления о своем потомстве. Совершив акт любви, они продолжают заниматься своими делами, если их не растерзает самка. Кажется – только кажется? – что мы не можем быть уверены ни в чем, когда речь заходит о сознании животных, и мы еще более невежественны во всем, что имеет отношение к психике растений. Похоже, что из всех живых существ только человек способен установить зависимость между причиной и следствием, понять, какая связь существует между половым актом и рождением ребенка. Говорят, правда, что некоторые австралийские племена еще не осознали наличие подобной связи. Что касается так называемых цивилизованных людей, которые теоретически хорошо представляют, что половые органы – это инструменты воспроизводства, то они обычно забывают о конечной цели и подчиняются власти средства, то есть желания, совершенно так же, как уличные коты или олень в Шамбордском лесу.

13

Почти всегда женщина осознает, что она забеременела, с удивлением. Даже в тех случаях, когда она рада этой неожиданности, что бывает не так уж часто, ей нужно некоторое время, чтобы поверить в свершившееся и осознать свое состояние. Впрочем, она достаточно быстро принимает свою новую функцию, делая это с радостью, но всегда это событие представляется ей вначале невероятным и едва ли не сверхъестественным. В то же время, ничто не казалось ей более естественным и самим собой разумеющимся, чем любовное объятие.

Когда соединяющиеся мужчина и женщина сознают, что их действия могут привести к рождению ребенка, то это происходит обычно потому, что они опасаются соответствующих последствий и предусматривают определенные меры, чтобы избежать их. Именно для того, чтобы лишить эти предосторожности смысла, невежество в вопросах пола является едва ли не правилом у всех живых существ. Человеческий род в начале своей истории был осведомлен в этом вопросе не больше, чем бабочка или буйвол. Только после появления языка появилась возможность передавать накопленные наблюдения от одного поколения к другому, добавляя при этом новую информацию. Таким образом возникло, несмотря на краткость жизни отдельного индивида, общее знание, постоянно увеличивавшееся со временем, хотя при этом происходила, по-видимому, потеря другого знания, гораздо более глубокого, которое все еще остается доступным животным и растениям. То, что не мог осознать один человек, удавалось понять многим последовательно рождавшимся друг после друга людям. В итоге – я не могу поверить, что этого не знают австралийцы, столь осведомленные в гораздо более сложных вопросах – любой современный мужчина, даже если он и провалился на выпускных экзаменах, знает, какими могут быть последствия достаточно интимного контакта с особой противоположного пола. Человечество в этом случае вело игру против человеческого вида и предоставило своим членам возможность отделить причину от следствия, возможность подчиняться – или не подчиняться – закону существования вида. Это ценное приобретение – дарованная свобода. Но вид применяет против свободы воли мощнейшее оружие, которое почти всегда уносит влюбленную пару далеко от осознанного поведения и любых предосторожностей. Это оружие – наслаждения любви.

14

У обычной женщины – я не имею в виду фригидную женщину, которую нельзя считать естественным продуктом жизни, так как она формируется или обществом, построенным на насилии, или под влиянием эгоистичного, часто неловкого мужчины – так вот, у нормальной женщины, охваченной радостью, переполненной чувствами, потерявшей всякое представление о реальности, сохраняется лишь один властный рефлекс: раскрываться навстречу мужчине, раскрываться самозабвеннее, принимать его снова и снова, отдаваться ему все полнее и полнее. Что касается мужчины, то на несколько кратких мгновений он превращается в слепой механизм оплодотворения, подталкиваемый вперед силой, более неумолимой, чем бульдозер. Он и она, полагающие, что они думают только о себе, каждый о своем удовольствии (он, иногда, и о ее удовольствии), убежденные, что они совершают наиболее личный, наиболее индивидуальный, наиболее эгоистичный акт, в действительности забывают о себе, отказываются от своей личной свободы и делают то, что имеет значение только для Жизни в целом.

То, что не мог осознать один человек, удавалось понять многим последовательно рождавшимся друг после друга людям.

15

Любой мужчина подчиняется неумолимому закону, подчиняется, подобно мыши или слону, речной рыбе или певчей птичке. Ему достаточно заметить горделиво выступающую грудь, поймать лукавый взгляд, увидеть изящную ножку, вьющийся локон, услышать воркующий голос, и будь он ученым-атомщиком или грузчиком, он тут же устремляется вперед. Разумеется, он не имеет понятия о своей пассивной роли; наоборот, он считает, что выполняет ряд осознанных, обдуманных поступков. Человеческое существо мужского пола, в котором пробудилось желание, направленное на существо противоположного пола, преодолевает или разрушает все преграды, отделяющие его от объекта устремлений, мгновенно избавляется от безразличия, подавляет свои колебания, отбрасывает опасения, вырывает женщину из рук родителей или мужа, чтобы сделать из нее жену или любовницу и, в конце концов, соединяется с ней. Мужчина абсолютно убежден, что обладание женщиной есть завершение его сознательных действий, итог его устремлений, победный финал его упорства. В действительности же он лишь слепо и покорно бежит по пути, указываемому его полом, ориентированным, подобно стрелке компаса, под влиянием видового магнитного поля

И женщина, столь хитроумно добивающаяся избрания мужчиной, которого она выбрала, которая создает перед ним преграды, чтобы он мог их устранить, которая удаляется от него, чтобы он кинулся вслед за ней, которая сопротивляется, чтобы победные усилия ее избранника были еще основательнее, женщина, убежденная, что она управляет игрой, в действительности сама управляется ежемесячным созреванием таинственной, микроскопической, властной яйцеклетки, которая жаждет соединиться с дополняющей ее оплодотворяющей клеткой, после чего она будет способна делиться и множиться.

В жизни человеческих существ выбор партнера является самым непроизвольным действием за все время существования индивида с момента его рождения. Образование пары есть ничто иное, как результат действия закона сохранения вида, опирающегося на наследственные признаки и учитывающего множество случайных социальных особенностей. Это называется супружеством, страстью, ревностью, адюльтером, приключением, предназначением, проституцией, семьей. Это то, что мы называем любовью.

16

Здесь какая-то путаница.

Любовь – это отсутствие эгоизма.

В то же время, девушку к юноше и юношу к девушке толкает необходимость удовлетворить наиболее личную, наиболее индивидуальную потребность. Когда это стремление обоюдно, оно порождает у обоих партнеров особое психическое состояние, заставляющее их испытывать невыразимое удовольствие, когда они находятся вместе, видят друг друга, разговаривают, смотрят в глаза друг другу, думают друг о друге, даже не собираясь перейти к свершению акта половой любви. Конечно, это состояние бывает и после. Наверное, это то, что мы называем счастьем. Но как только у одного из партнеров появляется намерение разрушить гармонию, покончить с этой интимностью, другой начинает защищать свое счастье, нимало не заботясь о том, кого он только что так страстно любил. Он становится похож на льва, у которого пытаются отобрать добытую им газель. Его свирепость может дойти до убийства. Тайной пружиной подобного поведения является дикий эгоизм. Это полная противоположность любви.

Любовь – это самозабвение.

Она не требует взаимности, потому что жаждет только отдавать. Но если она оказывается взаимной, если каждый из партнеров дает столько же, сколько получает, то тогда для них может установиться подлинное блаженство, которое ничто не может нарушить. Подлинная любовь порождает истинное счастье. Но для того, чтобы возникло состояние истинной любви, необходимо, чтобы существа, образующих пару, были способны достичь гармонии своих физиологических особенностей, их внутренние миры должны тесно сообщаться, вкусы должны согласовываться и дополнять друг друга, желания синхронизироваться. Даже уровень образования должен быть одинаковым или сходным. И каждый из членов пары должен обладать качествами, заставляющими его думать сначала о другом человеке, и только потом о себе.

Такая гармония встречается редко. У нее очень мало шансов возникнуть в результате того, что мы обычно называем любовью. Которая искажает суждения, ослепляет перед очевидностью и делает глухим к истине,

заставляя устремляться навстречу друг другу существа, наименее подходящие для того, чтобы обеспечить взаимное и длительное счастье.

Конечно, весьма желательно не отдавать на волю случайности заботу о подборе пар. Нужно иметь возможность руководить этой фантастической мощью, бросающей друг к другу двух передвигающихся на задних конечностях носителей половых клеток противоположного знака. Попытаться наладить совместное движение к цели тех, кто имеет равную скорость и одинаковое направление, вместо того, чтобы позволять столкновение «Роллс-Ройса» и «Ситроена», десятитонного грузовика и мопеда. Но кто в наше время способен взять на себя эту обязанность? Когда в отношения влюбленных вмешиваются родители, то при этом в игру вступают лишь новые формы эгоизма, которые еще сильнее нарушают и так весьма нестойкое равновесие.

В некоторых античных или примитивных обществах заботы о создании брачных союзов были возложены на шаманов, колдунов или священников. От этого обычая до нас сохранился только религиозный церемониал бракосочетания и нетерпимость церкви, считающей, что любой союз, заключенный помимо нее, недействителен.

Наверное, это было правильно, когда священники выбирали членов будущей брачной пары. Это относится к тем временам, когда священник был единственной опорой, единственным светочем для маленькой общины, когда он знал, что такое человек и что такое Бог, и как можно было познать одного из них с помощью другого.

Сегодня бракосочетание, независимо от того, сопровождается ли оно гражданским или религиозным церемониалом, это дело случая. Никто не имеет права вмешиваться. Ведь для того, чтобы правильно соединить два человеческих существа, нужно знать, что такое человек.

Приход, эта существовавшая в прошлом административная единица, объединяет несколько находившихся рядом домов. Это была структура, организованная по тому же принципу, что и человеческое тело, когда каждый член прихода выполняет свои обязанности, каждый человек работает на приход в целом, одновременно получая от других плоды их трудов. Священник был мозгом и сердцем этого сообщества. От него зависели и контакты прихода с остальным миром.

С той поры все изменилось к худшему. Рядом с ремесленниками появились торговцы, приход превратился в толпу ожиревших существ, священник забыл смысл произносимых им слов и жестов, которые он машинально свершает над пустым алтарем. Никто уже не знает никого, даже самого себя. Знание о человеке полностью утрачено. Человек сегодня не знает ни мир, в котором находится, ни причину своего существования в нем, ни то, что есть он сам. В то же время, он является игрушкой во власти огромных сил, поддерживающих творение в его вихревом равновесии; у него нет другой возможности спастись от отчаяния, как создать множество иллюзий, утешающих его и сводящих его горизонты до пределов самого узкого эгоизма.

Таким образом, каждая пара влюбленных забывает остальной мир и думает лишь о том, что их так называемая «любовь» – это уникальное, грандиозное чувство, равного которому не знает человечество.

В действительности же, Ромео заставляет карабкаться по лестнице лишь непреодолимая тяга миллиардов клеточек-посланников, которых он создал, ничего не представляя об этом, и которые его тело должно неизбежно передать другому телу, контакт с которым заставит их устремиться в будущее подобно ракетам.

И ослепленная любовью Джульетта путает жаворонка с соловьем и не хочет видеть утреннюю зарю только потому, что яйцеклетка, планета будущего, стремится обеспечить свою судьбу, вызывая на штурм самой себя миллионы и миллионы клеток-ракет, из которых только одной предназначено передать послание. В этот раз или потом. Как можно чаще. Еще, еще и еще. Чтобы, в конце концов, состоялась встреча. Не уходи, Ромео, нет, это соловей, а не жаворонок. Впереди у нас еще целая ночь…

Итак, за дело.

Все остальное – это Шекспир.

17

Разумеется, есть чудо встречи с любимым, волшебство его присутствия, ошеломление при обладании. Есть ощущение, что когда вы вместе, вам дышится легче, что сердце готово выскочить из груди, что эта красота затмевает все вокруг. Все это симптомы, характеризующие вершину иллюзии любви.

Это элементы ловушки, это соблазны, это приманка. Если бы не было этой чудесной лихорадки предварительной игры, этой несравнимой ни с чем радости свершения, то какие были бы шансы того, чтобы мужчина и женщина

Радости единственной, невероятной, предоставляемой видом в тот уникальный момент, когда два представителя противоположных полов соединяются в своей ловушке.
устремились навстречу друг другу с единственной целью совершить акт, который, если вам удастся оценить его объективно, выглядит, в общем-то, достаточно нелепо.

18

В большинстве случаев, как только человеческий вид получает от четы то, ради чего она образовалась, или когда выясняется, что у членов этой четы ничего не получится, феерия любви рассеивается.

Более или менее быстро уходит радость быть рядом, пропадает свет, вспыхивающий при малейшем контакте, исчезает магнитное поле, которое отделяет чету от действительности, обволакивая ее радугой. Каждый открывает своего партнера, видит его, наконец, таким, каков он есть в действительности, а не таким, каким он его воображал. Но ему не удается таким же образом научиться познавать самого себя. Скорее, наоборот. Каждый обвиняет другого в том, что рассеялись иллюзии и оценивает своего партнера со злобой, то есть несправедливо. Он считает себя выше партнера во всех отношениях и приписывает ему полную ответственность за удручающую ситуацию, в которой они очутились.

В зависимости от того, насколько свирепо реагируют друг на друга два достаточно эгоистичных характера, за пылкой любовью может последовать ненависть, отвращение, безразличие, покорность судьбе, дружба, привязанность или даже нечто вроде новой разновидности любви, гораздо более устойчивой, чем первоначальная привязанность, любви, основанной на лучшем взаимопонимании и минимальной самоотверженности.

В худшем случае возникает ситуация, когда, несмотря на горечь и взаимные упреки, партнеры переживают то, что при современном положении человека является воплощением наиболее интенсивной радости. Наивной радости любви, которая рождается и разрастается, глубокой, истинной радости, потрясающей все существо, даже если сама любовь иллюзорна. Радости единственной, невероятной, предоставляемой видом в тот уникальный момент, когда два представителя противоположных полов соединяются в своей ловушке. Ничто не может сравниться с ней, нет ничего даже отдаленно похожего на нее. Радость возможности погрузиться в интимную глубину бархатного теплого тела и творить там новую вселенную, радость принимать в свое распахнутое нежное лоно бронзовый и одновременно шелковый стержень, радость умереть вдвоем в золотой реке восторга. Соединившаяся пара в этот момент есть ничто иное, как крупица божества.

Предательство! Это всего лишь семя, которое нужно посеять.

Но, ведь именно этого хотел Бог?

Бог?

Следует осторожно пользоваться словами и именами. Бог. Вид. Порядок. Вселенная. Бог?

Но ведь кажется, что жизнь организована кем-то или чем-то.

Очень трудно поверить, что столько чудес, столько хитроумных приспособлений, столько эффективной изобретательности есть всего лишь результат случая и слепого следования законам физики и химии.

Бог?

Всем этим пользовались слишком часто.

Имя Бога использовалось чаще, чем следует.

Когда сегодня его произносят или пишут, в вашем сознании тут же проносится множество образов, целиком занимая его. Очень сложно думать о Боге, не вспомнив при этом Церковь. Следовательно, Бог становится в сознании того, кто думает о нем, таким, каким его изображает Церковь, то есть невозможным. Разные церкви стали преградой между человеческим и божественным.

Бог, в котором мы нуждаемся, чтобы понять пугающие нас тайны, не может иметь ничего общего с той картинкой для детей, которую религии предлагают безразличным верующим. Бог, Создатель, Всевышний – все это годится для вавилонских жрецов в спектакле, разыгрываемом в замке Шателе. Бородатый старец в цветах «Техниколор» на широком экране. Можно заплакать от печали и гнева. Бог. Это имя, которое предлагают нам, потеряло всякий смысл. Его подлинное имя, имя, объясняющее все, скрывалось от нас так долго и так старательно, что его смысл утратили даже те, кто скрывал его от нас.

Бог.

Другого имени нет.

И оно больше ничего не обозначает.

Однажды, миллиард лет тому назад, может быть, немного больше или меньше, это не имеет значения, на стерильной поверхности Земли крупинка инертной материи стала живой. Это было почти ничто, без формы, без запаха, оно не мыслило и ничего не желало, оно было таким жалким, что его нельзя было увидеть, это было нечто до смешного ничтожное. Просто на еще мертвой Земле эта частичка пыли начала жить. Вероятно, ей потребовались миллиарды лет, чтобы организоваться и стать клеткой. Потому что клетка, независимое одноклеточное существо, это уже весьма сложный и хитроумно построенный организм. У него нет ног: он отращивает их, когда возникает необходимость, использует для перемещения, а потом снова поглощает. У него нет хватательных органов: он создает их, чтобы схватить приблизившуюся добычу. У него нет рта, чтобы питаться: при контакте с тем, что он схватил, появляется отверстие для заглатывания добычи и потом снова закрывается. Иногда случается, что добыча оказывается слишком большой для микроскопического организма, и он разрывается на части. Ничего страшного: его кусочки сближаются, объединяются, сливаются в одно целое и восстанавливают организм таким, каким он был. У него нет пищеварительного аппарата: все его тело переваривает частицу пищи; поскольку у него нет и анального отверстия, он просто раскрывается в любом месте, чтобы избавиться от отбросов, и закрывается снова…

У этого организма нет ни одного органа: он целиком превращается в любой орган по мере необходимости.

Это столь рационально организованное существо наименее смертно. Чтобы воспроизвестись, оно делится на две части и каждая из половинок становится отдельным организмом, который, в свою очередь, тоже делится пополам, когда наступает время. И по этому сценарию все происходит для каждой половинки, превращающейся в целый организм, если их существование внезапно не прерывается внешними причинами.

Таким образом, все амебы, которые существуют сегодня, являются, по сути, одной и той же амебой, самой первой амебой, возникшей на заре жизни. Первая амеба, которая жила три миллиарда лет назад, живет и сегодня, и чем больше она стареет, делясь на части, то есть, размножаясь, тем меньше становятся ее шансы умереть.

Человеческий разум, по крайней мере, логический разум западного человека, всегда руководствуется тенденцией перехода от простого к менее простому, от менее простого к сложному; следуя за постепенным усложнением, он никогда не теряет при этом путеводную нить и не перестает отмечать связи. Поэтому ему понравилась мысль о том, что эволюция жизни происходила по тому же сценарию, от первой клетки к множеству первых одноклеточных организмов, затем к многоклеточным организмам, потом к организмам, состоящим из объединений дифференцированных клеток, а далее – к бесчисленным проявлениям жизни на сегодняшней Земле.

Наиболее логичные из наших логичных умов утверждают, что так все и было. И нам кажется, что они правы. Но наша логика не способна следовать за ними в тех случаях, когда они, не замечая этого, становятся нелогичными. Когда они пытаются объяснить переход от простого к сложному необходимостью для живой материи все более и более совершенной организации для того, чтобы выжить.

В основе этой гипотезы лежит серьезная путаница, подмена сообщества клеток человеческим обществом. Не вызывает сомнения, что человеку для более надежной защиты потребовалось объединение с себе подобными. Очевидно, что группа людей менее уязвима, чем человек-одиночка, что каждый член группы защищен лучше, чем отдельный человек. Но это неверно по отношению к клеткам. Чем организм совершеннее, тем более он уязвим. Чем больше усложняется организм, тем более смертным он становится. Наиболее совершенные организмы не выживают именно потому, что они совершенны, несмотря на то, что они стали совершенными.

Слона убить легче, чем амебу: достаточно одной пули в мозг. Пуля в масштабах амебы, в какую бы часть ее организма мы ее ни выпустили, никогда не представит собой угрозу для ее жизни.

Разрежьте пополам небольшого ленточного червя: его голова отрастит себе хвост, а хвост – голову, и у вас появятся два червя. Попытайтесь получить тот же результат со щенком…

Достаточно, чтобы в организме человека начала перерождаться одна-единственная категория клеток, например, белые кровяные тельца (лейкемия), чтобы погиб весь организм. Все образующие его клетки, к каким бы категориям они не относились, перестают быть живой материей. Следовательно, сложная организация живого не обусловлена необходимостью защищать жизнь, она не могла возникнуть для защиты жизни. Чтобы защитить жизнь, чтобы позволить ей продолжаться, живая материя с самого начала выбрала лучшее решение. С точки зрения

Но наша логика не способна следовать за ними в тех случаях, когда они, не замечая этого, становятся нелогичными.

Это неоспоримый факт. Эта последовательность не могла возникнуть случайно, потому что случай и прогресс несовместимы.

способности выживать, одноклеточная амеба является наиболее совершенным решением. Это очевидно хотя бы потому, что эта идеальная система осталась основой всех дальнейших изменений; именно используя клетку в качестве строительного материала возникли или были созданы все живые существа, растительные и животные. Но тогда к чему этот переход от амебы к червю, затем к рыбе, к птице, к человеку?

Но был ли этот переход?

Действительно, имеются ступени сложности среди множества живых существ, и не так уж трудно представить себе последовательность, в которой более простые существа заменяются более сложными, расклассифицировать их в соответствии со степенью сложности, создав то, что называется иерархией живых существ, и поместив себя на ее вершине. Но нет доказательств тому, что эта последовательность усложнения соответствует хронологической последовательности и что наиболее сложные организмы появились на Земле после более простых, что каждый вид использовал предшествующий ему вид как материал для более совершенной постройки.

Конечно, нельзя отрицать, рассматривая живую природу как единое целое, независимо от того, образовались ли одни виды из других родственных видов или зародились независимым путем, что существуют переходы от более простого к более сложному. Была или нет эволюция, имеются ступени сложности, наблюдается прогрессивная последовательность от амебы к человеку. Это неоспоримый факт. Эта последовательность не могла возникнуть случайно, потому что случай и прогресс несовместимы. Тем более, она не может быть результатом борьбы за выживание, итогом естественного отбора мутаций, поскольку она идет вопреки безопасности организма. И мы, таким образом, приходим к пугающему выводу: если эта последовательность происходила во времени, если были, как это доказано, сначала исключительно простые живые организмы, потом все более и более сложные, плавающие, летающие, строящие, если все это началось действительно с клетки, чтобы дойти сегодня до преподавателя политехнического института, а завтра дойдет неизвестно до чего, то это удивительно походит на хорошо продуманную операцию, выполненную этап за этапом, по мере выполнения уточнявшуюся, прекращавшуюся и возобновлявшуюся в более и более совершенном варианте, операцию, выполненную хорошо набившим руку подмастерьем.

Кто же этот подмастерье, изготовивший чудовищ мезозоя и ставший гениальным мастером, создавшим птицу?

Природа?

Но что это такое, Природа?

Эта сущность, к которой обращаются рационалистически мыслящие лица, чтобы объяснить необъяснимое, весьма смахивает на Бога, имя которого стараются не произносить и у которого отобрали волю и возможность проявить инициативу. Это пассивная мать-богиня, родившая дитя, не будучи осведомленной о его отце. Эта Природа не способна к совершенствованию. Она не может быть нашим подмастерьем, потому что она не может обучаться.

Тогда… Бог?

Но Бог тем более не может быть подмастерьем. Он тоже не способен совершенствоваться, потому что он уже совершенен.

Если все же именно Он является творцом, то мы можем из этого сделать вывод, что вся эволюция заключалась в самой первой клетке. В ней были записаны все законы. Законы развития клетки, вида, всех видов. Первое зернышко жизни, которое созрело миллиард лет тому назад, было зерном, из которого проросли все растения, покрывающие сейчас Землю. Оно содержало в себе все: леса, стада, нивы и народы, океаны, насыщенные планктоном и китами, несколько миллиардов людей и мозг Эйнштейна.

Может быть, даже больше этого. Потому что Земля, в свою очередь, находится в стадии созревания. Ростки земной жизни скоро оторвутся от родного гумуса и отправятся цвести на звездах, чтобы оставить там свои семена. Земная жизнь, зародившаяся в виде микроскопически малой молекулы, возможно, предназначена для завоевания бесконечного пространства в бесконечном времени. Остается узнать, к чему приведет распространение жизни, которое мы сегодня переживаем и видим вокруг себя на нашей крупинке пыли, если завтра это распространение охватит планеты, немного позже всю Вселенную; чем наполнит наши сердца это космическое распространение явления, до сих пор, возможно, носившего уникальный характер, но которое способно превратить инертную материю в материю чувствующую – восторгом или ужасом?

Потому что наша жизнь в том виде, в котором мы живем, жизнь, которую мы знаем, это, прежде всего страдание и убийство.

Икру любит не только человек. Когда самка рыбы, увлеченная весной, откладывает миллионы икринок, которые раздувают ей брюхо, за ней следует вереница любителей этого лакомства, поглощающих икринки по мере того, как они откладываются. То же самое мы проделываем с курами. Это кажется нам в порядке вещей и ничуть не беспокоит нас, потому что человек – не рыба и не курица, он не откладывает икру и не несет яйца. Но если кто-то вздумает поедать наше потомство?

Поедать чужих детей, да и родителей вместе с ними – это общее правило, главное условие сохранения жизни. Сколько бы не появлялось чудесных изобретений, поставленных на службу живым существам, сколько бы не тратилось ума на их обучение, сколько бы ни принималось серьезнейших мер, чтобы они множились, и род их продолжался, все это было бы совершенно бесполезно, не будь в мире убийства.

Ни одно живое существо не может продолжать свое существование, если оно не убивает. Самый добросердечный из людей одновременно является убийцей ягнят, соловей насыщается трупами насекомых, очаровательный детеныш тюленя – это пожиратель сельдей, и сама селедка …

Газель тоже нельзя считать невинной. Трава, которую она щиплет, почки, которые она срывает, тоже живые. Убийство – это главная необходимость жизни. Жизнь судорожно распространяется, уничтожая жизнь. Любое живое существо пожирает другие живые организмы и соединяется с особями противоположного пола, чтобы создавать новые жертвы для пожирания. Корова, принесшая теленка, который вскоре закончит жизнь под ножом мясника, опять подставляет себя быку, чтобы принести новых телят, которые, в свою очередь, пойдут на мясо. Куры, лишенные сна и возможности двигаться в тесных клетках под круглосуточным ярким электрическим светом, откладывают каждый день по два яйца. Это правило. Чем хуже условия существования вида, тем выше его плодовитость. Потому что главное – чтобы не исчезла каждая ветвь жизни. Необходимо, чтобы любые живые организмы непрерывно создавали новые организмы, чтобы другие живые существа могли пожирать их.

Может быть, вы улыбнетесь, прочитав эти фразы. Вы думаете, что, по крайней мере, человек выпадает из этой закономерности, что он имеет право поедать кого угодно, но что его никто не ест. У вас в семье никогда не случалось ничего драматичного? Ваша жена, ваша мать, ваш ребенок никогда не болели так, что вы уже видели смерть на их лицах и не надеялись, что медицина окажется в силах помочь им? Но ведь причиной этой болезни была другая форма жизни, которая паразитирует на человеке и пожирает его.

Каждый день миллиарды микроскопических живых существ бросаются на вас в атаку. Ваш организм защищается жидкостью ваших слизистых оболочек, растворяющей микробы, ваши антитела отравляют их, ваши белые кровяные тельца поедают их. Если же это не помогает, в ход идут антибиотики, антисептики, тысячи видов химического оружия, а иногда и нож хирурга. Тем не менее, вы хорошо знаете, что рано или поздно ваши враги победят, и ваше гниющее тело будет пожрано микроорганизмами.

К чему, к чему эта свирепая, никогда не прекращающаяся схватка живого против живого? То, что происходит в глубинах океана, отличается такой жестокостью, что мы запрещаем себе думать об этом. Каждая рыба, похоже, без всякого для этого основания, обладает ненасытным аппетитом и проводит жизнь в попытках утолить его, заглатывая всех более мелких рыбешек до того момента, пока ее саму не проглотит более крупная рыба. Некоторые хищники способны за несколько часов проглотить живую добычу общим весом, равным их собственному весу. Подумайте о судьбе проглоченной рыбы! Постарайтесь немного напрячь ваше воображение. Попробуйте представить себя на ее месте… Вот вы, оставаясь живым, стиснуты холодной слизистой оболочкой, выделяющей кислоту. Ее жестокая жгучесть сначала набрасывается на самое уязвимое в вашем теле: глаза, рот, анальное отверстие, половые органы, органы дыхания. Нет, вы не умрете слишком быстро, это было бы слишком просто. Нет, вы будете переварены живьем, начиная с кожи на всем теле. При этом вы не можете кричать, вы немы, вам не удается произнести ни единого звука…

Если бы неожиданно голубая поверхность вод, по берегам которых мы влачим наше безразличное существование, оказалась прорвана воплем, соответствующим сумме скрывающихся под ней страданий, мощь этой жалобы, сила этого крика была бы такой, что все воды океана могли взлететь в пространство, прямо в лицо Создателю этого ужаса.

В обед вы съели замечательную, хорошо прожаренную котлетку. Разумеется, вы не подумали о ягненке, от которого она была отрезана после того, как ему ножом перерезали горло и накачали через анальное отверстие воздухом, чтобы кожа отстала от мышц. Нет, вы не подумали о ягненке. Никто никогда не думает о том, кого он поедает. Я тоже обожаю котлеты. Пожалуй, съем-ка я еще одну…

А теперь представьте, что существа, прилетевшие из бесконечных глубин мироздания, однажды высадятся на Земле… Сейчас считается, что это достаточно вероятное событие. Конечно, не исключено, что жизнь – это исключительно земной феномен. Но она может быть и космическим явлением. В последнем случае вполне возможно, что где-то есть существа, превосходящие человека настолько же, насколько он превосходит выращиваемого для

котлет ягненка.

Представьте, что они прилетают и завоевывают Землю. Затем они пробуют нас и находят наш вкус великолепным.

Среди специалистов, занимающихся космическими проблемами, распространено представление, что если высшие существа когда-нибудь высадятся на Земле, они будут руководствоваться исключительно благими намерениями. Но это весьма рискованная гипотеза.

Баран, несомненно, более разумен, чем трава, которую он ест. А человек разумнее барана. Итог? Значительное превосходство в интеллекте не может не вызвать полное безразличие высшего существа к судьбе низшего. Женская чувствительность легко разыгрывается при мысли о зарезанном ягненке – что, впрочем, не мешает появляться на сцене бараньей отбивной – но самая нежная девушка останется безразличной, когда разбивают яйцо и выливают его на сковородку с кипящим жиром или когда начинает работать мельница, истирающая в муку зерна пшеницы. Это слишком незначительные формы жизни, чтобы волноваться об их гибели.

Возможно, что имеется столь же существенное различие в интеллекте между ними и нами, как между нами и пшеницей или, в крайнем случае, между нами и коровой. В этом случае, если наша плоть не вредна для их метаболизма, ничто не помешает им рассматривать нас в качестве пищи. Мы можем кричать, жестикулировать, жаловаться, пытаться объяснить им, они поймут нас не лучше, чем мы понимаем муравьев…

Несмотря на наш «высокий разум», что мы понимаем в песне соловья? И разве наша разумность мешает открытию очередного сезона охоты?

Итак, вообразите, что ОНИ прилетели, что ОНИ обосновались на Земле, что ОНИ выращивают нас, откармливают нас и поедают. Что вы думаете о котлете из жителя пригорода? А вот ваш сын – и вы сами – это на завтра. А пока вы частью висите, словно туши в мясной лавке, подвешенные за сухожилия, а остальное хранится в холодильнике…

Это не более ужасно, не более ненормально, не более несправедливо, чем съесть бифштекс или телячью ножку.

Но почему мы едим телячью ножку? Почему растение поедает воздух и почву, травоядное поедает растения, хищник – травоядное и человек – все вместе, включая самого себя?

Зачем нужно убивать?

Чтобы выжить.

А зачем выживать? Чтобы убивать?

Если нет другого объяснения, если нет ключа, чтобы проникнуть в этот круг абсурда, если нет никакого основания существованию этой невероятной, чудовищной пирамиды ужаса, на вершине которой находится человек, то нам не следует больше удивляться высшими результатами человеческой деятельности: водородной бомбой, отравляющими газами, лучами смерти, всему этому фантастическому оружию, о котором болтают преисполненные гордости высшие военные чины, а еще чаще молчат.

Распространение тотального оружия вполне логично. Оно появляется как вершина человеческого разума, который является вершиной жизни на Земле. Оно является подходящим плодом этого удивительного абсурдного древа, сок которого – это пролитая кровь.

21

Все начинается с зернышка. Как только случай или сеятель бросят его во влажную землю, записанные в нем приказы тут же начинают действовать. Оболочка зерна лопается, оно раскрывается, выпускает щупальца в гумус и начинает пожирать его. Оно выпускает вверх стебелек, который выбирается на поверхность почвы, разворачивая листочки, и они тут же принимаются глотать воздух и свет. Так все начинается. Зернышко размером с ноготь младенца питается сначала землей и водой, потом воздухом и светом, создавая из всего этого живой дуб высотой в тридцать метров. Несколько зерен создали из земли, воды, воздуха и света хлеб, который вы едите. И этот хлеб становится вашим живым организмом. Под ковром зеленой травы густая сеть бесчисленных перепутанных корней высасывает из земли полезные вещества. Потом корова или овца подстригут ковер свежей травы, и вы сможете съесть филе или котлету из их мяса.

И котлета и хлеб превратятся в ваш живой организм. Земля, вода, минеральные соли, азот, углерод, эта неорганизованная инертная материя становится хлебом и травой, потом овцой и бифштексом, потом вами. Она становится живой.

Земля, вспоротая лезвием плуга, ничего не ощущает. Но, если теперь вы попадете под автомобиль, земля может завопить с помощью вашего рта… Углерод, кислород будут мучиться, когда у вас заболят зубы,

страдать вашими печалями, радоваться вашей возлюбленной, ходить в кино. Кусок зарезанного барана, превратившись в вас, примется поедать другого барана. Соки, высосанные редиской из гумуса, сейчас читают эту книгу и у них складывается определенное отношение к ней. Земля, превратившаяся в вас, ставшая живой, размышляет, думает, задается вопросом, что заставляет ее жить. Если жить означает только радоваться и страдать самому, заставлять страдать других, убивать и умирать, она наверняка пожалеет, что не осталась мертвым камнем.

22

Есть только одно различие между камнем и человеком, между бесчувственным и страдающим, между тем, что не способно мыслить и тем, что стремится познать все, между тем, что питает розу и тем, что обоняет ее аромат. Это различие – жизнь.

Материя, из которой состоит безжизненное тело человека и материя, образующая камень, это одинаковый агломерат молекул и атомов, блуждающих по воле случая, зависящих от аппетита бактерий и личинок, от химических характеристик предмета.

Живая материя началась на Земле, по-видимому, с одной молекулы. Наши химики знают ее вес, ее формулу и дали ей имя. Это дает основание утверждать, что мы можем надеяться вскоре раскрыть «секреты» жизни. Подобные выводы характерны для крайне живых умов, бросающихся на выводы словно блохи, прыгающие на нос голодного пса. Нет ничего невозможного в том, что в ближайшее время кто-нибудь из биологов торжественно объявит, что он создал живое в пробирке, настоящее живое, способное организоваться, развиваться и, возможно, воспроизводиться. Сможет ли он с полным на то основанием претендовать, что он познал жизнь? Познает ли он ее в действительности только потому, что он объединил условия, в которых жизнь может проявиться, что он увидел, как его искусно составленный препарат внезапно ожил? Будет ли он знать, каким бы жалким ни оказалось это знание, что такое жизнь?

Мы превратились в опытных электриков после изобретения Франклином громоотвода и мистером Эдисоном лампочки с нитью из обугленного бамбука. Мы освещаем наши континенты, мы посылаем красный лазерный луч, чтобы осветить какой-нибудь кратер на Луне, мы изготовляем, передаем, используем в тысяче видов огромные количества электрической энергии, но кто осмелится претендовать на то, что он знает электричество? Мы накапливаем его, не видя, с чем имеем дело, мы овладеваем им, не касаясь его, мы передаем его по проводам длиной в миллионы километров, не будучи уверенными, что оно действительно перемещается, мы используем его свойства, не представляя, что именно приносит нам пользу. Электричество может предоставить нам сказочные количества энергии, но оно не является энергией. Возможно, электричество находится в основе сцепления всех частичек материи, но оно не является материей. Мы совершенно ничего не знаем о природе электричества. Мы окружили его оболочкой законов и ограничений, но внутри этой тюрьмы нет ничего, что было бы доступно нам, нашим чувствам и нашему разуму. Оно полностью неподвластно человеческому пониманию. Оно находится за пределами всего человеческого.

Но жизнь – это еще более сложное явление. Жизнь не бывает пассивной, как электрический ток, это целенаправленная, развивающаяся, организующая сила, устанавливающая для всех своих элементов – от клетки до вида – законы, которые никто не может нарушить, неуклонно устремляющаяся к все более и более высокому уровню сознания и превращающая подобранный ею комок грязи в нобелевскую премию. Жизнь, которая была передана нам и которую мы передали дальше, которая заставит нас умереть, которая продолжается с начала существования Земли и будет продолжаться дальше. Жизнь, организующая убийство всего живого, жизнь восхитительная, невыразимая, жестокая, неуловимая, непостижимая…

Мы можем знать о жизни не больше, чем бутылка знает о наполняющем ее вине. Но бутылка, по крайней мере… Вот, наконец, нечто такое, что можно ухватить! Нечто видимое, твердое, тяжелое в крепкой мужской руке! Вот, наконец, хоть что-то осязаемое!

Неужели?

Хорошо знакомая нам материя, «материальная» материя, из которой мы состоим, мы и наш мир, вы и ваша тарелка для супа, и сам суп, и сыр, и ваша жена, и ваш любимый сынишка, и вы сами, древесина моего письменного стола, моя авторучка, моя рука, моя рубашка, мое сердце, все это и все остальное; все это скользит у вас сквозь пальцы, растворяется, исчезает неуловимым дымком, даже не дымком, а ничем…

Живое или инертное тело, камень, гвоздь или колено, слон или вошь равным образом состоят из молекул, молекулы состоят из атомов, атомы – из частиц, одни из которых собираются в ядро, вокруг которого вращаются другие.

Но это ядро ничтожно мало, и частицы, носящиеся в его окрестностях, еще меньше, так что можно считать, что атом почти целиком состоит из пустоты. Из пустоты. Не из пространства, заполненного какой-то легкой, неуловимой, прозрачной жидкостью, а из пустоты. Из абсолютного нуля. Из ничего.

Подсчитали, что если собрать в одном объеме все населяющие Землю человеческие существа и устранить пустое пространство из слагающих их атомов, то все частицы, из которых состоит человечество, едва заполнят наперсток.

Один наперсток частиц и огромный объем пустоты, чтобы создать три миллиарда людей! Да, кто бы ни был строителем, он умеет экономно расходовать кирпичи!

Но эти кирпичи, эти частицы, этот исходный материал, лежащий в основе материи, достаточно ли он надежен? Является ли он хоть чем-нибудь? Моя рука, мое сердце, дерево моего письменного стола, плечо моего сына – можно ли опереться на все это?

Будьте осторожны. Что касается этих частиц, то те, кто лучше всех изучил их, задаются вопросом, не являются ли они просто порциями движущейся энергии? И не делятся ли они в свою очередь на бесконечно меньшие частицы, также разделенные пустотой, для которых также нет оснований не состоять из более мелких частиц, разделенных пустотой, и эти частицы, какими бы ничтожными они не были, могут состоять все дальше и дальше из более мелких, еще более мелких, еще гораздо более мелких…

Все это выглядит достаточно удивительным, достаточно пугающим, но следует добавить, что эти частицы находятся в столь быстром движении, имеющем столь необычные характеристики, что их положение может быть определено лишь с большой долей вероятности. Это означает, что в любой данный момент они находятся не здесь, не в другом месте, а только где-то…

Твоя жена, твое сердце, мой суп, моя рука, ты сам… состоящие из вихрей пустоты, которые никогда не находятся здесь? Суета сует, говорит неизвестный автор Екклесиаста, все есть лишь суета. Вероятно, он сказал это на шумерском языке. Возможно, до того, как началось строительство Вавилонской башни. Потом это было повторено на арамейском, древнееврейском, греческом, латинском:

Суета…

Происходит это слово от латинского Vanum, что означает: ПУСТОТА.

Наука открыла это в свою очередь.

23

Наперсток, заполненный вихрями пустоты – это человечество.

Разделите наперсток на три миллиарда. Возьмите свою часть. Вот это масса! Это человек. Я.

Я, пишущий эту книгу…

Я, читающий ее…

Я, одна трехмиллиардная содержимого наперстка.

Вот твердая сталь – это пустота, множество вихрей, ничто. А это нож, который есть всего лишь ноль. Вот моя рука, она такая же. И мое сердце… Тем не менее, эта рука-ноль хватает нож, состоящий из пустоты, и вонзает его в сердце, состоящее из ничего…

Ай!

Жизнь, смерть, страдание не помещаются в наперстке.

24

Мое сердце и нож существуют. Мое сердце потому, что оно кровоточит, нож потому, что вспарывает мою плоть. Мир есть то, что он есть, сложнейшее сооружение силовых вихрей в бесконечности пустоты, но он есть то, что я ощущаю, вижу, касаюсь, то, что я беру от него и то, что сталкивается со мной. Он таков, каким его улавливают мои чувства и каким показывают его мне. Мои чувства… Их так мало. Пять чувств: один-два-три-четыре-пять. И это все.

Шесть-семь-восемь-девять-десять не для нас. И мы совершенно не способны представить, как выглядит мир для разумных существ, наблюдающих его через посредство чувств, абсолютно не похожих на наши. Ведь воображение – всего лишь игра памяти, использующая для сооружения объектов то, что оно знает. Оно не способно конструировать, используя невидимое, неосязаемое. Оно не может представить то, что не известно человеку. Оно замкнуто в границах, воздвигнутых на грани возможностей наших чувств. Все, что находится за этими пределами, непознаваемо. По эту сторону его чувства и его разум, который работает над тем, что поставляют ему чувства, создает видимость мира, которая является не правдой, а реальностью.

Я знаю, что мир – это пустота, пронизываемая игрой движущихся сил, что инертная материя переполнена движением и что нет никакой существенной разницы между пригоршней земли и щечкой ребенка. Но этот мир я не способен познать в его истине, потому что эта истина не подвластна моим чувствам, а мой разум, который способен лишь констатировать существование мира, бессилен представить его. Я знаю из этой истины лишь одну из ее видимостей, ту, которую сообщают мне мои одно-два-три-четыре-пять чувств. Эта видимость не является правдой, но это истина. Она неполна, неточна, но все же это истина. Истинная для меня, она уже немного иная для вас, ложная и неприемлемая для существа с чувствами шесть-семь-восемь-девять-десять.
Или для существа с чувством минус одно.

Эти создания существуют. Чтобы обнаружить их, нет необходимости отправляться на Сириус или хотя бы на Луну. Достаточно сделать несколько шагов в ваш сад…

Конец дня. Со свода листвы на землю опускается приятная прохлада. Но остерегайтесь вечерней свежести, набросьте на плечи шерстяной платок. Идемте со мной. Последний луч солнца перехватило там, высоко, небольшое розовое облачко… нет, оно уже стало фиолетовым. Белое пятно в почти черной тени за кустом смородины: это кот, устроивший вечернюю засаду перед норой садовой мыши. Остановимся здесь. Это грядка римского салата. Его аромат, едва уловимый, слегка горьковатый, поднимается к вам. Вы ощущаете голод и жажду, потому что этот запах напомнил вам полупрозрачный хрустящий лист, свежий, словно родник, который так приятно ухватить пальцами в салатнице еще до того, как вы усядетесь за стол, чтобы очистить ваш язык и зубы от вкуса табака и от произнесенных слов, чтобы ваш рот стал чистым, новеньким, как ваш аппетит. Невинным.

А вы никогда не задумывались над тем, что может чувствовать лист салата, срезанный живьем, посыпанный солью и политый уксусом, когда его начинают дробить ваши крепкие зубы? Прислушайтесь, как живут листья салата. Задержите дыхание. Листья вытягиваются, распрямляются в усиливающейся свежести. Да, вы улавливаете проявления их жизни, вы ощущаете их живой аромат. Это действительно живые существа… Садитесь прямо на землю посреди зеленых листьев. Вы чувствуете необычно теплую землю под ладонями, в то время как воздух, стекающий с вишни на ваши плечи, становится все более и более свежим… Не шевелитесь, дышите медленнее. Реже, еще реже. Покой. Тишина. Постарайтесь почувствовать себя салатом…

Разумеется, это невозможно. Может быть, из-за атаковавшей вас эскадрильи комаров… А в это время улитка принимается грызть край листа салата. Да, у вас даже враги разные. Вас поедают совершенно разные существа. Вы встаете, отряхиваете с себя вечерние призраки, закуриваете сигарету и медленно идете к освещенной двери. Вам нужно занять свое место в мире людей. Но вы уже не столь цельны, не столь спокойны, не столь надежно укрыты безопасной оболочкой своего эгоизма. Хочется вам этого, или нет, но вы почувствовали связи, объединяющие все виды живой материи, вас и ваш салат, комаров и улитку. И листья вишни. Все живое, вышедшее из теплой земли под вашими ладонями. Теперь вы знаете, что салат, смородина и стебли помидора – это живые существа, как вы. Точно так же, как вы, они находятся в контакте с внешним миром, как вы, они погружены в среду, с элементами которой непрерывно общаются.

Достаточно очевидно, что у них имеются возможности познавать эту среду; ведь иначе стебель злака не направлялся бы непреклонно вверх, листья эвкалипта не поворачивались бы к солнцу боком, а цветок подсолнечника – всей поверхностью. Этот выбор направления или положения ученые, изучающие растительную жизнь, назвали геотропизмом или фототропизмом, положительным или отрицательным. Они частично разобрались в физико-химических механизмах, позволяющих растению действовать в соответствии с его выбором, и заявили, что мы имеем дело с автоматической реакцией, не представляющей проблемы…

Мы сегодня почти точно знаем, какая последовательность процессов заставляет подниматься вашу руку, когда вы хотите этого: микротоки, исходящие из мозга, попадают в мышцы, производят химические изменения мышечной ткани, вызывающие ее сокращение и т.д.

Это не мешает тому, что вы хотели поднять руку.

Не имея возможности исследовать в пробирке, объяснить путем исследования энцефалограмм зарождение, формирование и реализацию распоряжения воли, специалисты дали этому неуловимому явлению название «проявление воли» и почувствовали облегчение. Кое-кто даже решил, что больше и объяснять нечего. Эта категория ученых, впрочем, быстро исчезающая, которых я назвал бы благоучеными по аналогии с благонамеренными, считает, что тайна, получившая название, есть тайна раскрытая. Спросите у принадлежащего к этой категории ботаника, почему маргаритки поворачиваются вслед за солнцем и разом закрываются, как только солнце садится, почему почти белое весеннее поле становится за несколько минут зеленым примерно в пять часов вечера?

Он ответит вам с великолепной уверенностью: это фототропизм! И он будет искренне верить, что объяснил вам все.

Подсолнух и маргаритка «чувствуют» солнце. Вот глагол, который имеет достаточно различных значений, чтобы ничего не объяснять. Поэтому я и могу употребить его здесь. Потому что я не знаю, потому что мы не можем знать, какие ощущения у маргаритки вызывает падающий на нее луч солнца. У маргаритки нет ни глаз, ни носа, ни ушей, ни языка, ни пальцев, ни насыщенной нервными окончаниями кожи. Тем не менее, у нее есть возможность использовать какое-то чувство, чтобы определить, что она освещена солнцем. Но какова форма этого ощущения? То, что является теплом для нашей кожи, светом для нашего глаза, что это для маргаритки? Даже в случае, если бы у нас с маргариткой был общий язык, она не смогла бы объяснить нам, что такое для нее солнце. Попытайтесь объяснить слепому от рождения, что такое свет, краски, горизонт…

Но ведь он слышит вашу речь. Он знает используемые вами слова и считает, что представляет, что вы имеете в виду, когда произносите: «красный», «облако», «далеко»….

И все же…

Слепой от рождения после операции приобретает способность видеть. И он понимает, и окружающие его с удивлением понимают, что он не знал, что такое «прямая линия»! Когда ему говорили, что эта линия прямая, он узнавал слово «прямая», но представлял себе кривую линию! Это получилось потому, что когда он проводил рукой по прямолинейному краю стола, по стыку двух стен, ему казалось, что он ощущает кривые линии. Когда он получил зрение, его вначале просто пугало пространство, расстояние между предметами. В своем мире слепого, он имел дело только с ближайшими предметами, с которыми он мог непосредственно вступить в контакт. Когда он перемещался, он передвигался от одного ближайшего объекта к другому.

Пространство для него было чистейшей абстракцией. Он знал о его существовании, он жил и перемещался в нем, но у него было не больше возможности представить себе пространство, чем у нас возможности представить время. Мы перемещаемся от одного мгновения к другому, не видя времени, подобно тому, как слепой перемещается от одного предмета к другому, не видя пространства.

Может быть, существуют создания, способные видеть время… Я написал «видеть» потому, что не знаю, какой глагол характеризует возможность воспринимать время; впрочем, для меня настолько же нереально понять смысл этого глагола, насколько слепому нереально понять смысл глагола «видеть».

Может быть, у маргаритки есть другие чувства, в том числе и позволяющее ей улавливать солнечные лучи. Может быть, дуб, остающийся неподвижным в течение веков, находится в центре вселенной, не представимой для разума человека, существа подвижного и короткоживущего. День для дуба соответствует вдоху, ночь – выдоху, весна и лето – это его день, осень – вечер, к которому он приходит утомленным, зима – его ночной отдых. Он живет в другом масштабе времени и пространства, в котором он существует застывшим на месте, у него другие возможности познания и другое сознание. Какой бы ни была его вселенная, она истинна, так же, как истинна вселенная слепого без прямых линий и вселенная существа, способного «видеть» время.

Мир бесконечен не только во всех пространственных направлениях, но в своих истинах.

Если существует жизнь за пределами Земли, если где-то есть другие живые существа, то было бы удивительно странной случайностью, невероятным совпадением, чтобы они располагали теми же чувствами, что и мы. Очень маловероятно, чтобы при бесконечном количестве возможностей понимания и восприятия они оказались владельцами тех же чувств, что и мы.

Но если их чувства будут другими, то и их мир будет не похож на наш. Когда мы рано или поздно встретимся с ними, мы не сможем их понять. Проявления их разумности останутся незаметными для нас, и мы не сможем добиться, чтобы они заподозрили наличие разума у нас. Ученые с мыса Кеннеди пытались определить, какие символы, имеющие абсолютное значение, они могли бы использовать при встрече с другим разумным видом. Прежде всего, они подумали о математике. И они решили направиться к Чужим с теоремой Пифагора, рассматриваемой как ключ к познанию. Действительно, зависимость между сторонами прямоугольного треугольника не зависит от языка или от специфики цивилизации. Теорема будет справедлива и для негра банту, и для эскимоса, и для работника мыса Кеннеди. Равенство квадрата гипотенузы сумме квадратов катетов – это универсальная истина. Точнее, универсальная для человеческого мира. Для мира, построенного на основе данных, собранных за миллион лет с помощью чувств один-два-три-четыре-пять.

Но существо с чувствами шесть-семь-восемь-девять-десять или то высшее существо, которое способно «видеть» время и обладает шестью дюжинами чувств, если в их число не входят чувства человека, вполне может не иметь представления о том, что такое план, что такое угол…

Как тогда построить треугольник и описать гипотенузу?

Проведите рукой по прямолинейному ребру вашего письменного стола. Понаблюдайте при этом за вашим локтем. Вы увидите, какую сложную линию он опишет, какая кривая отразит его перемещение. Если бы у вас не было глаз, чтобы увидеть, что край стола представляет из себя прямую линию, как вы могли бы представить ее через посредство такого извилистого движения?

Благодаря своему устройству, рука, одна оконечность которой свободна, а другая зафиксирована, может осуществлять только криволинейное движение. Слепой своими двумя руками изучает пространство вокруг себя и создает вселенную, все элементы которой закруглены. Получается своего рода мозаика из обломков раковин. Ему ничем не может помочь и слух, потому что звуки приходят к нему со всех сторон сферы, центром которой он является.

Мы ни в чем не превосходим слепого. Все наши рассуждения остаются привязанными к нашему телу, даже если мы распространяемся мыслью до звезд. Наши чувства и наш разум строят для нас вселенную, заключающую нас в себе подобно кокону. Он содержит вместе с нами все, что мы способны познать с помощью все тех же наших скудных чувств (один-два-три-четыре-пять) и все то, что может извлечь из этого наша логика. Ничего иного не может проникнуть внутрь нашего кокона, ни один из нас не способен покинуть его.

Каждое новое знание, каждая смелая мысль только увеличивают толщину окружающей нас стены. Иногда припадок клаустрофобии заставляет нас бросаться на эту стену головой вперед. Но она неизбежно отбрасывает нас назад, в область, доступную нашим чувствам и нашему разуму. Мы не можем выйти за ее пределы, опираясь на то, что мы знаем. Точно так же, ни один человек не может поднять сам себя за волосы.

Нам не нужна дверь в этой стене. Нам вполне хватило бы окна, небольшого иллюминатора, ничтожного прозрачного участка. Мы жаждем увидеть то, что находится за стенами нашего жилья, чтобы понять законы архитектуры всего города.

Религии претендуют на то, что они открывают нам глазок. Чтобы заглянуть в него, нужно взобраться на стул, но, едва мы оказываемся перед глазком, как отверстие оказывается закрыто туманным зеркалом, в котором смутно вырисовывается силуэт бородатого великана, похожего на нас. Но мы ищем совсем не своего дедушку. Мы хотим познать Правду, скрывающуюся за нашей реальностью и за всеми возможными реальностями. Мы хотим знать, на каком основании существует наша вселенная и все прочие вселенные. И так ли уж необходимо, чтобы камень становился человеком. Действительно ли существует цель, к которой устремлена поразительная энергия, безжалостная организация, вечные и ослепительные чудеса жизни.

Существует ли оправдание чудовищным, отвратительным страданиям всего живого.

26

Мы никогда не узнаем запах галактики.

Мы никогда не сможем услышать звуки, издаваемые атомом.

Наши чувства ограничены не только их числом, но и их возможностями.

Мы многое не можем познать, мы ничтожно малы, мы меньше, чем ничто, жалкие пассажиры жалкой пылинки. Наши радары, телескопы и микроскопы не являются органами наших новых чувств, а всего лишь жалкими продолжениями, которыми мы пытаемся снабдить наши природные чувства. Радиотелескопы позволили нам открыть и изучить галактики, находящиеся от нас на расстоянии в миллиарды световых лет. Это значит, они так невероятно далеки, что испускаемый ими свет, путешествующий со скоростью около миллиарда километров в час, затратил миллиарды лет, чтобы долететь до фотографической пластинки в руках наших астрономов…

Фантастическое расстояние. Для нас, да. В масштабе Земли и того, что находится на ней. Но само по себе? По отношению ко Всему?

Мир, материальной частью которого мы являемся, есть ничто иное, как вихрь множества вихрей, повторяющихся на самых разных уровнях – от элементарных частиц к атомам, от атомов к солнечным системам, затем от солнц к галактикам, от галактик к Вселенным…

И сами Вселенные, возможно, есть ничто иное, как частицы, вращающиеся одна вокруг другой в атоме одной из молекул песчинки…

Мы захвачены этим вихрем, но совершенно не представляем, ни откуда он берется, ни куда он нас увлекает. Мы даже не знаем, что такое мы сами. Потому что организация нашей живой плоти столь же непознаваема, как и мир. Мы не можем ничего знать о подлинном хозяине нашей плотской жизни, который в каждый ее момент командует каждым из наших органов, каждой из миллиардов наших клеток. Этот никогда не ошибающийся и не засыпающий распорядитель не является частью того фрагмента Вселенной, внутренней или внешней, которую дозволено изучать нашим чувствам. Мы не в состоянии ни коснуться, ни услышать, ни почувствовать, ни увидеть нашего подлинного

хозяина, мы не можем ничего знать о водителе машины, отупевшим пассажиром которой является наше сознание.

То, что мы в состоянии узнать о творении соответствует нашим масштабам. Движущиеся пространства ступенчато и бесконечно распространяются во всех направлениях, а мы находимся на перекрестке с двумя нашими такими короткими руками, продолжением наших плеч, перед стеной, ограничивающей наше познание, на расстоянии вытянутой руки.

Но и то немногое, что мы в состоянии усвоить, оказывается слишком огромным для нас. У нас нет времени. Мы ограничены и в этом направлении. Наша жизнь невероятно кратка. Жалкая вспышка.

Вселенная, которую мы в состоянии познать, наша Вселенная, замкнутая вместе с нами в ограниченном пространстве наших возможностей, может быть изучена лишь на протяжении бесконечного количества человеческих жизней.

И если когда-нибудь вечный человеческий разум распространится до пределов этого познания, ему достанется лишь горький осадок встречи с непознаваемым.

27

Возможно, имеется другой способ. Если отказаться от стремления узнать, а пытаться понять.

«Мое бедное дитя», сказал мне однажды почтенный старичок-кюре, взволнованный моими страхами, который давно обрел покой в автоматическом выполнении обрядов детской веры, «мое бедное дитя, это великие тайны, не пытайтесь понять их…»

Нет. Как раз, нет. Возможно, я никогда не достигну этого, но до последнего своего дыхания я буду стремиться именно понять. Понять, где я нахожусь и что есть я, что я делаю и к чему все это. Это тело, построенное без моего ведома, живущее без моего вмешательства, этот разум, замкнутый в жалкой оболочке, зачем они существуют вместе? К какой цели устремляются они в океане материи? Эта страдающая и наслаждающаяся плоть, распоряжающаяся мной, созданная из пустоты, но способная кровоточить, получившая из бездны времен в дар жизнь, которая вскоре покинет ее, отдав гниению, этот разум, едва успевший родиться, прежде чем ему придется угаснуть, я хочу понять, понять, понять, почему они соединены, почему так плохо подогнаны друг к другу? И есть ли у них определенная роль, есть ли место в мироздании – может быть, где-то между салатом и галактикой?

Цель каждой религии – разъяснить человеку, что такое творение, какое место занимает в нем человек и какую роль он играет. И никогда, никогда, никогда не говорить ему: «Не пытайтесь понять».

Цель каждой религии – установить четкие связи между человеком и остальным миром. И никогда, никогда, никогда не воздвигать между миром и человеком стены иллюзий и дымовые завесы.

Роль священника при этом – взять верующего за руку и подвести по пути ритуала к истине.

Посвящение в тайны, ключ, который дается неофиту, это объяснение, помогающее ему понять. Высшее озарение, о котором говорят мистики, это озарение понимания. Для них все ясно. Но разве могут дать ключ те, кто потерял его, указать путь те, кто давно не представляет, что этот путь существует? Разве могут объяснить все те, кто давно ничего не знает?

28

Древние религии, лишенные всякого содержания, подобные висящим на весеннем дереве сморщенным и высохшим прошлогодним плодам… Суетливые кюре, жирные епископы, домашние пасторы, извлекающие из своего сознания обрывки правильных фраз, чтобы пичкать ими свою паству, средневековые раввины, бонзы, у которых волосы на голове сбриты до самых мозгов, все они потеряли Бога на затерянных путях с тех времен, как они начали надоедать нам. Они еще могут вспомнить имя, могут изобразить облик. Облик по образцу их облика, имя, засиженное мухами. Бог. Какое же другое имя можно дать ему?

29

Люди прошлого века, свирепые бородачи 80-х годов были убеждены, что достигли пределов познания. Разобравшись с электричеством и эволюционизмом, они получили ключи от Вселенной. Их разум не оставлял в тени ни малейшего закоулка. Они были уверены в себе. И такими же были священнослужители. Все это породило известные баталии. Сегодня редкие волоски из их бород еще встречаются в лабораториях, но спокойная уверенность

улетучилась. И Церкви, ощущающие, как их изнутри разъедает пустота, сближаются друг с другом подобно кучке больных кур в углу курятника. Несомненно, не терпимость вызвала к жизни экуменизм, а беспокойство. Он свидетельствует не о возрождении, а о малокровии.

И сегодняшний человек, ослабленный рационализмом и иррациональным, ковыляет подобно калеке, у которого отняли костыли.

Ему нужно будет научиться ходить.

Он или упадет.

Или он взлетит.

30

Какой бы точкой зрения ни воспользоваться, трудно поверить, что мир представляет собой беспорядочную груду, нагромождение материальных объектов, собранных на скорую руку и тщательно перемешанных случайными импульсами энергии, подобно тому, как перемешивается яичный белок, когда вы взбиваете его метелкой. Изучение любых объектов, от бесконечно больших до бесконечно малых, от незначительных деталей до грандиозных ансамблей, показывает, напротив, что все упорядочено. Все не только упорядочено, но и организовано. Оказавшись лицом к лицу перед специфическими проблемами, которые ставят этот порядок и эта организация, наиболее рациональным решением будет удовлетвориться ответом на вопрос «как?» Узнав, как разворачивается последовательность тех или иных явлений, выяснив, как функционирует тот или иной космический или биологический механизм, можно почувствовать удовлетворение. Мир существует, он так устроен. Ни к чему копаться дальше и пытаться разузнать еще что-нибудь.

Все это очень похоже на «не пытайтесь понять» почтенного кюре, моего знакомого.

Хорошо, да простится это мне, но до тех пор, пока во мне сохранилось хотя бы дыхание жизни, я буду стараться узнать больше и больше, даже если все мои усилия и мое желание позволят мне подняться выше хотя бы на одну-единственную ступеньку.

Поведение пойманного волка, который безостановочно мечется взад и вперед за решеткой клетки, мне кажется более трезвым, если не более рациональным, чем поведение его соседа, который перестает сопротивляться и сворачивается в клубок на соломе. Пытаясь преодолеть непреодолимое, повторяя попытку за попыткой по тысяче раз в час, кто знает, может быть когда-нибудь волк и вырвется на свободу…

31

Чтобы составить объективное представление об ужасающем множестве чудес, образующих живое, стоит изучить его со вниманием и мыслью, освобожденной от привычек.

Когда Лазарь вышел из могилы, это было чудом. Но если все мертвецы начнут действовать таким же образом, наше удивление быстро исчезнет и возникшая привычка заставит нас рассматривать воскрешение как естественное явление, для которого мы сможем установить постоянно повторяющиеся особенности, чтобы назвать их законами…

Мы окружены чудесами, к которым привыкли. Мы сами живем только благодаря чуду, все живое чудесно в малейших своих деталях, но мы настолько привыкли к ежедневным чудесам, что они совершенно перестали удивлять нас.

К примеру, что может быть для нас более обыденным, чем уши? Два нелепых лопуха, заканчивающихся отверстиями в голове… Находящиеся в отличном состоянии уже у новорожденного, они тут же начинают служить нам без каких-либо усилий с нашей стороны. Они улавливают вибрации во внешнем мире и автоматически преобразуют их для нас в целый мир звуков. Чтобы услышать, нам не нужно вслушиваться. Разве мы удивимся, если соловей распевает серенады для своей красавицы, а модулированные у него в горле колебания воздуха резонируют в нашем мозгу? Конечно нет, ведь это так естественно.

Естественно? Да. Естественно.

Все естественное чудесно.

Давайте, рассмотрим внимательнее это такое обыкновенное ухо. Мы все помним из школьного учебника, что оно подразделяется на три части: наружное, среднее и внутреннее. Наружное ухо начинается ушной раковиной, которая собирает звуковые волны, и заканчивается барабанной перепонкой. Общеизвестно, что с возрастом и барабанная перепонка и все остальное становятся менее чувствительными. Следовательно, вся конструкция уха должна воспринимать все более и более существенные порции звуковых волн, чтобы иметь возможность нормально работать. Именно поэтому пожилые люди прикладывают к ушной раковине согнутую ладонь. Вы никогда

так не делали? Увы, у вас все еще впереди… И вот еще интересный факт. Один видный врач рассказывал мне, что по имеющимся наблюдениям у стариков уши становятся больше.

С тех пор, как я узнал об этом, я старался внимательно рассматривать стариков. Посмотрите и вы, вы поймете, что это правда. Особенно хорошо это заметно у самых старых людей, у которых ушные раковины становятся просто огромными. Это настоящие листья лопуха.

Теперь перейдем к барабанной перепонке. Мы живем в таком шуме, что просто не можем использовать ее повышенную чувствительность. На нее постоянно воздействует настоящий винегрет звуков, заставляющих ее непрерывно вибрировать. И наши слуховые нервы, стараясь защитить нас, делают восприятие менее чувствительным. В то время как в начале чувствительность барабанной перепонки такова, что она (я цитирую здесь дословно статью П.Даниша в «Сьянс эт Авенир» за июль 1962 года) «…для определенных частот … она может реагировать на колебания, амплитуда которых не достигает одной миллиардной доли миллиметра, то есть одной десятой диаметра атома водорода. Таким образом, в абсолютной тишине наше ухо способно услышать звуки от столкновения молекул воздуха, охваченных броуновским движением!»

Неплохо, правда? Но дальше будет еще интереснее. Продолжим.

Волны, заставляющие колебаться барабанную перепонку, передаются на нее через посредство среды, в которой мы живем, то есть воздуха. Но человеческое тело, которое выглядит таким твердым, на самом деле состоит почти целиком из жидкости. Следовательно, звуковые волны, чтобы проникнуть в человеческое тело, должны перейти из воздушной среды в среду жидкую. При этом они неизбежно должны испытать торможение. Проблема решается с помощью среднего уха.

Наружное ухо находится в воздухе. Внутреннее ухо представляет собой полость, заполненную водой. Среднее ухо, расположенное между наружным и внутренним, передает колебания от первого ко второму с помощью трех миниатюрных косточек: молоточка, наковальни и стремечка.

Молоточек связан с барабанной перепонкой и колеблется вместе с ней.

Он передает свои колебания наковальне, а та, в свою очередь, стремечку. Стремечко заставляет колебаться эластичную мембрану, на которую оно опирается и которая закрывает окошко в костной полости внутреннего уха.

Три промежуточных косточки настолько совершенны по своей форме, своей уравновешенности, своему строению, своему расположению и соотношению своих размеров, что колебание, передаваемое ими от барабанной перепонки во внутреннее ухо одновременно усиливается от 2 до 22 раз… Добавим, что для того, чтобы избежать резкого повышения или понижения давления в среднем ухе, находящемся между двух колеблющихся мембран, через мышцы и кость проложен обходной канал: это Евстахиева труба, связанная через рот с наружной атмосферой. Благодаря этому устройству, давление внутри и снаружи уха всегда остается одинаковым.

Неплохо…

Дальше будет еще любопытнее. Углубимся во внутреннее ухо. До сих пор все было относительно простым. Мы могли восхищаться гениальным ремесленником, искусно обработавшим каждую косточку до идеальной формы и собравшим их затем с помощью мышц и микроскопических связок, добившись точнейшего функционального равновесия. Но для нас не составляло особого труда понять, каким образом эти три элемента слухового аппарата выполняли свою работу. Но во внутреннем ухе все становится несравнимо более сложным. Мы переходим из мастерской часовщика в лабораторию электронщика. И это сравнение лишь отдаленно соответствует реальности. Для того, чтобы объяснить здесь происходящее, нам придется привлечь все науки.

Чтобы подробно проанализировать все происходящее, и у меня, и у вас окажется недостаточно знаний. Впрочем, и самые крупные ученые оказываются не в лучшем положении…

Мы просто бросим обычный взгляд профана в эту странную пещеру. Взгляд простодушного. Взгляд человека, не претендующего на то, чтобы узнать почему, когда ему объясняют как.

Мы не будем обращать внимание на полукольцевые каналы, тоже находящиеся во внутреннем ухе, но не участвующие в осуществлении слуховых функций. По крайней мере, насколько это нам известно. Очевидно, существуют какие-то весьма серьезные основания, чтобы они находились именно здесь, а не где-нибудь в другом месте, но мы о них ничего не знаем. Нам известно только, что они являются местом, центром, обеспечивающим равновесие. Их всего три, каждый в виде полукольца, они собраны в одно целое так, что каждый из них перпендикулярен двум остальным, каждый ориентирован по одной из трех взаимно перпендикулярных осей.

Если случается, что они повреждены при ранении или вследствие болезни, человек не может находиться в вертикальном положении. Даже лежа с закрытыми глазами, он не чувствует себя в равновесии. Он больше не представляет, что такое стабильность, безопасность, отдых. Со всех сторон ему грозят ужасные падения, но ему не за что ухватиться, потому что его вселенная одновременно опрокидывается сразу во всех трех направлениях.

Человек может стать глухим, слепым, немым, одноруким, безногим, сердечником, туберкулезником, даже

кастратом, но оставаться при этом человеком. Он может погрузиться в коматозное состояние, но продолжать принимать участие, хотя и пассивное, в жизни нашей вселенной – как, например, камень. Но стоит лишить его полукольцевых каналов, и он оказывается вышвырнутым из нашего мира, первым законом которого, основополагающим условием которого является равновесие. Без него человек превращается в жалкий обрывок сознания, принадлежащий хаосу.

Вероятно, размещение полукольцевых каналов во внутреннем ухе связано с их исключительной важностью. Действительно, внутреннее ухо можно считать наиболее защищенным местом во всем теле. Это маленькая прочная коробка в большой прочной черепной коробке. Череп, который должен защищать уши и мозг, имеет почти сферическую форму. Сферическая форма наиболее подходит для того, чтобы выдерживать удары и отражать их по касательной.

Ладно, оставим эти таинственные каналы, эти три неподвижных гироскопа, которые есть ничто иное, как своего рода связующее звено между всемирным равновесием и равновесием отдельного индивида, и вернемся к интересующим нас колебаниям в том месте, где мы расстались с ними: когда они через особое окошко попали во внутреннее ухо.

За гибкой мембраной, закрывающей это окошко, находится лабиринт, через который колебания продолжают свой путь. Этот лабиринт имеет форму свернутой спирали, которая широкой стороной обращена к отверстию, а остроконечной вершиной направлена внутрь черепной коробки. Но хорошо известные нам земные или морские моллюски имеют раковины, которые образованы одной свернутой в спираль трубкой. В то же время, во внутреннем ухе находится три длинных свернутых спиралью полости, идущих от основания к вершине, где две из них сообщаются между собой. Третья, получившая название улитки, герметично закрыта с обеих сторон, но она сообщается с соседней ветвью спирали посредством расположенной вдоль нее мембраны – еще одной! Внутри улитки непосредственно вдоль мембраны, повторяющей витки спирали, располагаются примерно двадцать пять тысяч так называемых «слуховых клеток». На одном конце каждая из них находится множество колеблющихся ресничек. На другом конце «слуховой клетки» расположен пучок нервных волокон, идущих от ресничек. Затем эти пучки, отходящие от каждой клетки, соединяются вместе и образуют слуховой нерв, который должен передавать в мозг послание, идущее из уха.

Что происходит в этом лабиринте? Расскажем об этом в самых общих чертах. Когда мембрана, закрывающая окошко во внутреннем ухе, начинает колебаться, содержащаяся в нем жидкость передает колебания нервным клеткам, которые преобразуют нервный импульс и направляют его в мозг с помощью слухового нерва. Но зачем нужно это улиткоподобное образование?

Представим, что нервные слуховые клетки расположены непосредственно за плоской мембраной, закрывающей окошко. Вообразим, что мы гуляем по Шамбордскому лесу теплой весенней ночью. Наше ухо улавливает трели любовной песни соловья, шорох ветра в молодых листьях, шум шагов, рев оленя, бессмысленную кашу звуков из телевизора, находящегося в домике сторожа, отчаянные вопли хора лягушек, соло «Каравеллы», пролетающей в вышине, журчанье ручейка, треск сучьев, сломанных шарахнувшимся в кусты испуганным кабаном, тарахтенье мопеда в добром десятке километров от нас…

Наше ухо воспринимает все эти звуки одновременно.

Допустим, что наши слуховые клетки находятся в одной плоскости, позади закрывающей окошко мембраны, в этом случае они будут воспринимать звуковые волны от всех источников одновременно; при этом, в наш мозг поступит смесь всех звуков, и он окажется не в состоянии разделить их в этой мешанине и идентифицировать. Мир звуков превратится для нас в непрерывный однородный шум, в котором можно будет различить лишь колебания уровня громкости.

Лабиринт внутреннего уха превращает эту кашу, эту магму колебаний в звуковой ансамбль, в котором каждый звук строго индивидуализирован. Мозгу остается идентифицировать их и отобрать нужные. Между тем, что поступает во внутреннее ухо через закрытое эластичной мембраной окошко и тем, что выходит из него по слуховому нерву, разница примерно такая же, как между смесью красок, пропущенных через миксер, и картиной, написанной теми же красками.

Каким образом лабиринт анализирует это пюре из звуковых колебаний?

Ответить на этот вопрос очень трудно, потому что, чтобы увидеть, что происходит во внутреннем ухе, его нужно открыть, а с того момента, как оно будет открыто, в нем, естественно, ничего больше произойти не может. Во всяком случае, ничего нормального.

Жалкие эксперименты, которые удалось осуществить, дают кое-какие указания. Дальше можно использовать только логику, чтобы строить гипотезы…

Смесь звуковых колебаний попадает в трубку, диаметр которой постоянно уменьшается в соответствии с логарифмической кривой, способной привести в восторг самого Сальвадора Дали. Каждое из составляющих

эту смесь отдельных колебаний достигает при своем продвижении через лабиринт той его части, диаметр которой, соответствующий определенной длине волны, позволяет колебанию с такой длиной волны войти в резонанс именно с данной частью слухового устройства. Именно в этом месте реснички слуховых клеток начинают колебаться, реагируя на определенный звук. Так происходит для каждого из колебаний с особой длиной волны, вместе со всей массой звуковых волн достигших внутреннего уха. При их продвижении вдоль улиткообразного канала каждая группа клеток извлекает колебания с характерной для них длиной волны. Дойдя до конца лабиринта, звуковая магма будет полностью проанализирована.

Впрочем, это всего лишь гипотеза. Законы механики и акустики позволяют нам считать ее весьма правдоподобной. Опыты, производившиеся в неудовлетворительных условиях, похоже, кое в чем подтверждают ее. Действительно, мембрана улитки колеблется селективным образом. В то же время, они опровергают ее: мембрана колеблется в наиболее узкой части улитки для низких тонов и в наиболее широкой – для наиболее высоких. Знание акустики склоняет нас признать более вероятной противоположную возможность. Таким образом, мы можем заключить только то, что мы не понимаем того, что в действительности происходит в лабиринте, но мы можем быть уверены, что происходящее тесно связано с длиной волны звуковых колебаний, с одной стороны, и с улиткообразным строением трех звуковых каналов, с другой. Но знания длины волны недостаточно, чтобы охарактеризовать звук. Находитесь ли вы на концерте или сидите перед своим проигрывателем, ваше ухо прекрасно различает одну и ту же ноту, повторенную роялем, скрипкой или флейтой. А ведь эти инструменты испускают колебания, воздействующие на один и тот же участок спиралевидной структуры. Что же позволяет различать их?

Возможно, что это функция колебательных ресничек. Все, происходящее на их уровне, мы можем описать, но не можем объяснить. Так происходит каждый раз, когда мы оказываемся перед проявлениями основных законов электричества и жизни: как только ресничка начинает колебаться, возникает электрический микроток, который проходит через слуховую клетку, на которой расположена ресничка, а затем поступает в пучок нервных волокон, в слуховой нерв и, наконец, в мозг.

Отметим, что ни одна из этих ресничек не идентична другим как по диаметру и длине, так и по расположению слагающих ее молекул. Поэтому возможно, что каждая из них или даже каждая из слагающих их молекул более или менее чувствительна к определенным характеристикам колебаний, которые не имеют отношения к длине волны, но которые обуславливают специфику звучания пианино или трубы.

Каждая молекула каждой реснички передает слуховой клетке микро-микроток, модулированный особым образом, последняя синтезирует результаты, обобщает их и отправляет в мозг по специальному нервному волокну. Все 25 000 нервных волокон, выходящих из 25 000 слуховых клеток, одновременно посылают в мозг свои микротоки, и микроток каждой из них отличается от микротоков любой другой из 25 000 клеток напряжением и интенсивностью тока, а также энергией, модуляцией и, несомненно, многими другими параметрами, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Мозг получает 25 000 электрических сигналов и перерабатывает их с помощью процесса, который мы вряд ли когда-нибудь поймем, в слуховые ощущения. Каша колебаний собранная ушной раковиной, воспринятая барабанной перепонкой, усиленная косточками среднего уха, проанализированная лабиринтом, закодированная улиткой, переданная слуховым нервом, интерпретированная корой больших полушарий превращается в результате в закономерно построенную мозаику ясных, глубоких и различно окрашенных звуков; голоса оленя и лягушек, дыхание ветерка вошли в ваш мозг и вы узнали их.

Это происходит в человеческом ухе. По крайней мере, примерно это. Я существенно упростил все, что мы знаем об этом. И не следует забывать, что мы знаем далеко не все.

Возможно, что высказанные мной предположения неверны. Но если мы когда-либо узнаем с достаточной точностью все, то у нас будет еще больше оснований замереть в изумлении и страхе перед непознанным.

Кто задумал ухо?

Было бы очень просто удовольствоваться тем, чтобы увидеть в гармоничной простоте его общего устройства, в изяществе отдельных деталей строения, в разнообразии его механических, акустических, электрических, химических, соединительных, костных, мускульных, нервных, твердых, жидких, газообразных функций, в других неизвестных нам особенностях, в четком и совершенном взаимодействии всех деталей и процессов всего лишь счастливый результат множества случайных мутаций.

Мы охотно принимаем систему отбора наиболее хорошо вооруженных и наиболее приспособленных особей. Животное, имевшее уши, явно должно было пережить другое животное, у которого ушей не было. С этим нельзя не согласиться. Но кто дал ухо животному, имевшему его?

Говорят, что ответить очень сложно. Сначала появилась одна клетка, которая оказалась более чувствительной к звуковым колебаниям, чем другие, затем…

Согласен.

Но каким образом эта более чувствительная к звуковым колебаниям клетка превратила это колебание в слуховое ощущение? Как она соединилась с другими клетками? Каким образом на них выросли реснички, как они оказались в улитке, а улитка в лабиринте? Каким образом возникла система усиления в среднем ухе? Как появилась и выросла ушная раковина? Как? Как? Как? Кто спланировал эту последовательность усовершенствований?

Может быть, сам индивид?

Если бы это было возможно, сейчас у всех людей уже давно были бы крылья и глаза на затылке.

Может быть, это вид? Или сама живая материя?

Кто?

Ухо не возникло в результате невероятного случайного совпадения миллионов благоприятных мутаций.

Ухо является задуманным, спланированным, организованным сооружением. Случай не задумывает, не отлаживает, не организует. Случай способен создать только кашу.

Даже если учесть фактор времени, объяснение случайностью не может быть принято. Я знаю аргумент, в котором речь идет об обезьяне и пишущей машинке: если посадить обезьяну за пишущую машинку и позволить ей печатать на протяжении вечности, то среди бесконечного множества сочетаний знаков обязательно окажется полный текст Библии.

Я не могу принять этот аргумент. Он неверен. Он смешивает количество и качество. Обезьяна не сможет напечатать не только Библию, но даже басню «Стрекоза и муравей». Она будет печатать бессмысленный набор знаков на протяжении вечности, до скончания времен.

Вы можете бросать кости целую вечность, вы никогда не получите последовательность из тысячи шестерок. Следовательно, необходимо наложение благоприятных мутаций, таких же невероятных, как и последовательность из тысячи шестерок, чтобы создать ухо, маргаритку или котенка.

В таком случае, откуда взялись маргаритка и котенок?

ЗНАЧИТ, ЕСТЬ КТО-ТО!

Есть кто-то под кроватью или в шкафу! Есть кто-то в нашей жизни, в нашей плоти. Кто-то, создавший нас и делающий из нас то, что он хочет.

32

У кролика очень большие уши.

Недавние исследования поведения этого четвероногого показали, что все его существование определяется страхом. Кролик существует для того, чтобы быть убитым, и он, кажется, знает это. С рождения и до своей насильственной смерти он прячется и спасается бегством, спасается бегством и прячется, прячет своих малышей, но не прячется вместе с ними, чтобы уменьшить возможный ущерб, спасается ночью, спасается днем; в итоге, из-за того, что он бежал недостаточно быстро или плохо спрятался, его, в конце концов, съедают. Ему так и не удается узнать в своей жизни постоянно преследуемого существа что-нибудь другое кроме страха.

У кролика очень большие уши и очень тонкий слух.

Природа, вид, инженер, архитектор, Бог, если вам угодно, дал ему, поместив на бедной головушке жертвы, пару великолепных устройств, чтобы он услышал приближение убийц.

Это позволяет ему спать не так крепко и вовремя спастись бегством, то есть выжить ровно столько времени, сколько необходимо для поспешного оплодотворения своей самки, чтобы не прервалась цепь поколений существ, живущих в страхе.

У лисы тоже хорошие уши. А также у ласки и у охотничьей собаки.

Человек из пещер Ласко или Альтамира, который охотился на бизонов с помощью каменных орудий, был способен услышать, как стадо спит на противоположном берегу реки.

Ухо, прежде всего, это инструмент-детектор, применяемый убийцей, чтобы преследовать жертву, но используемый также и жертвой, чтобы своевременно уловить мягкие шаги приближающейся смерти. Это радар того, кто пожирает и того, кого пожирают.

Размещенный в миниатюрной головке кролика замечательный лабиринт с его тремя спиральными полостями, с тончайшей порослью колебательных ресничек, с тысячами слуховых клеток, настроенных на все звуки кроличьего мира, предназначен только для того, чтобы уловить подкрадывающееся к нему другое существо, снабженное не только парой лабиринтов, но и хищными челюстями. Вот здесь естественный отбор действует на всю катушку. Кролик, у которого слух тоньше, проживет дольше, чем его немного глуховатый собрат, и у него будет больше

потомства. Благодаря чувствительности его барабанных перепонок, подвижности его косточек, избирательности слуховых клеток, быстроте нервных реакций смогут продолжиться охота и страх…

Похоже, что слух, чутье, зрение, мышцы, мозг, миллионы других гениальных изобретений, управляющих живым миром, были созданы только для того, чтобы сохранить для живых существ обстановку убийства и ужаса.

Ухо не было создано благодаря случаю. Тем более, не является случайным его применение.

Законы, которые управляют функционированием и равновесием живого мира, столь же жестки и столь же непреклонны, как и законы, управляющие эволюцией галактик и атомов. Клетка, индивид, вид не могут не подчиниться законам выживания и агрессии. Если какой-нибудь вид исчезает с лика планеты, то это означает, что он был заменен другим видом, более способным к убийству или более эффективным при производстве пожираемой плоти.

Общие законы поведения живого мира заставляют вспомнить о легендарном существе катоблепас, обладавшем такой прожорливостью и таким глупым, что он мог натолкнуться на конец своего хвоста, схватить его и начать пожирать до тех пор, пока он не съедал самого себя целиком. Но живой мир нельзя назвать глупым: просто он находится в безвыходной ситуации. Он может существовать, только пожирая свою собственную плоть.

Но он никогда не добирается до последнего глотка: пожирая самого себя, он в то же время обеспечивает свое выживание и размножение. Его распоротые внутренности обновляются, его исполосованная плоть заживает, разрастается и требует еще и еще пищи для челюстей, которые тоже растут и продолжают впиваться в воз¬рождающуюся и непрерывно пожираемую плоть.

И непрерывно, каждый день, каждый миг возрастает чудовищная, неискупимая сумма страданий и ужаса, в то время как жизнь мечется по кругу в абсурдной попытке сбежать от самой себя, в то время как она продолжает пожирать себя и вновь и вновь возрождаться, чтобы продолжать убивать.

Простить это Богу невозможно.

Вот снова это неудобное слово. Каждый раз, когда мы встречаем его, оно вызывает в нашем сознании немедленный рефлекс обожания или ненависти, смирения или издевательства; но хуже всего – псевдобезразличие, самое негативное, самое бесчеловечное поведение. Этот рефлекс, за или против, немедленно блокирует любую разумную деятельность. Место разума занимает страсть. Если не страсть, то, по меньшей мере, чувство, что ничуть не лучше.

Как я могу позволить себе написать это имя, я, не относящийся ни к верующим, ни к их противникам? Я, просто пытающийся понять…

Правоверные или постараются отправить меня на костер, или пожалеют; рационалисты обвинят меня в тайном распространении богохульства.

Но что я могу написать?

Дух? Создатель? Высшее Существо? Компьютер?

Великий Архитектор? Несотворенный? Единственный? Всеобщий? Отец?

Безличный? Универсальная Причина?

Существует тысяча имен, и ни одно из них не годится. Каждое определяет, ограничивает, дает нечто личностное тому, что не имеет личности. Только такое имя, как Бог достаточно неопределенно, чтобы не исказить направление нашего поиска, направив его в тупик. Но при этом нужно совершить усилие, чтобы забыть две тысячи лет церковной пропаганды и гималаи глупостей, нагромоздившихся над именем Истины.

Нужно очиститься от антицерковного и религиозного фанатизма, от привычек разума, которые заставляют отказаться от любых попыток исследования за пределами микроскопа или катехизиса.

Никто сейчас уже не знает, что означает имя Бога.

Обожать или ненавидеть его – одинаковое проявление инфантильности.

Нельзя ненавидеть, нельзя обожать Не-знаю-что-это-такое.

Единственное, что я знаю – это то, что наша вселенная, рассматриваемая как то, что мы можем понять или о чем можем догадаться, касается ли это целого или ее наименее значительной детали, не может быть смешана с бесформенным, неорганизованным продуктом случайности, будь она даже весной.

Дело в том, что ее непредвзятое изучение неизбежно навязывает нашей логике заключение, что она является результатом деятельности изобрета¬тель¬ного разума и планирующей воли. Дело в том, что меня одолевает жажда узнать, что такое этот разум, чего хочет эта воля, чего она хочет от нас, от живых, от нас, проглоченных рыбешек, от нас, окровавленных кроликов, от срубленных кустов, от скошенной травы, от нас, проросших или размолотых в муку зерен.

Бог-отец, которого предлагают нам рахитичные религии, это такая же жалкая, такая же смешная попытка

объяснения, как и желание утолить жажду умирающего в пустыне каплей сиропа.

Мы должны вновь отыскать живой источник истины, а для этого нам придется раскопать или прозондировать гималаи, под которыми он погребен.

Это огромная задача, но нет задачи более срочной.

33

Первичным законом нашей вселенной является равновесие.

Попытайтесь представить себе вселенную, в которой ни один элемент не уравновешивает ни одного другого.

Там нигде не будет места ни для одной вещи, сами вещи перестанут существовать, потому что больше не будет скоплений материи, комбинаций молекул, самих молекул, атомов, ничего, кроме беспорядочных скоплений бесполезно распоясавшейся энергии. Несомненно, это и есть хаос.

Живой мир находится в равновесии. В равновесии между жизнью и смертью, между живым и неживым, между растительным и животным, между яростью живущих рядом конкурирующих видов, между прожорливостью убийц и плодовитостью жертв…

Наиболее эффективным средством сохранять это равновесие является поедание детенышей.

Для всех видов детеныши – это, прежде всего, пища. И также они – будущие взрослые особи, но лишь весьма незначительная их часть достигнет этого будущего состояния. Птенца пожирают в яйце или в гнезде, зайчонка – в укрытии, малька проглатывают, едва он отправляется в первое плавание.

Петуху человек предпочитает цыпленка.

Это пожирание молодняка следует рассматривать как тормоз, не позволяющий виду размножаться взрывным образом. Снова отметим, что наиболее страшная гекатомба происходит в океанах.

Я не знаю, какова доля уцелевших, но если я напишу, что один малек из ста тысяч ускользает из ванны с желудочным соком, я буду, несомненно, оптимистом.

Малек – это что-то совсем незначительное. Комочек жизни с обрывком нервного волокна. Этого вполне хватает, чтобы испытывать чуть-чуть страха, чуть-чуть страдания. И этого как раз достаточно, чтобы быть переполненным страданием и страхом. Тысячи миллиардов мальков, проглоченных живьем, тысячи миллиардов ничтожных обрывков сознания, растворяющихся в боли. В этом нет ничего особенного, все это повторяется миллионы раз каждый день.

Вы когда-нибудь видели маленького ребенка, малыша, сосунка, страдающего отитом? Он не понимает, что с ним происходит. Страдание внезапно обрушилось на него, оно находится в нем, в его головке, боль терзает его кости. Он подносит ручонки к ушам, он кричит, но чем больше он кричит, тем ему становится больнее, он никак не может избавиться от боли, не может ничего поделать. Когда он открывает глаза, вы можете прочесть в его глазах ужас. Это целая орда живых существ захватила другое живое существо и начинает пожирать его…

Уже давно хищники не пожирают человеческих детенышей, но лишь совсем недавно мы научились защищать их от нападений бацилл, микробов и вирусов. Сегодняшняя мать, растящая своих малышей за прочными санитарными барьерами, не отдает себе отчета в том, насколько хрупкой была жизнь ребенка сотню-другую лет тому назад. Достаточно почитать биографии знаменитостей. Например, у И.С.Баха было 22 ребенка, из которых выжило 7. У Леопольда Моцарта было 7 детей, выжило 2. Нам повезло, что среди выживших оказался Вольфганг Амадей…

Во Франции в середине XIX века детская смертность достигала 20%. Сегодня она упала до менее 3%.

Это настоящая революция мира живых существ.

Никто больше не поедает человеческих детенышей.

Человек больше не опасается ни за себя, ни за своих детей, он не боится ни волка, ни тигра, ни чумы, ни крупа. Крупные хищники уничтожены или посажены в клетки, микроскопические враги не подпускаются близко. Человек больше не обеспечивает своей свежей плотью жизнь других существ. Его может пожрать только смерть.

Но человек продолжает убивать. Он убивает больше, чем когда-либо. Он яростно уничтожает целые ветви живого мира, стирает с лика Земли леса, стерилизует пруды, массами убивает птиц, забивает миллиардами ягнят и цыплят. Ни один вид не способен противостоять человеку. Никто не может победить его. Ради своей выгоды он нарушил равновесие живого мира.

Он стремится оккупировать планету в одиночку после того, как уничтожит все остальные виды.

Но закон равновесия неумолим. Подобные изменения структуры живого мира не могут остаться без последствий. Возникает ужасающая компенсация. Слишком хорошо защищенный убийца видит, как против него поднимается единственный достойный противник, способный справиться со средствами его защиты и его нападения – он сам.

Когда человек был животным, вооруженным только своими руками и зубами, он убивал и его убивали. Поднявшись над примитивными условиями жизни, он постепенно стал неуязвимым для хищников, когда-то охотившихся на него. Но появлявшееся у него в придачу к естественному оружию все новое и новое оружие он в первую очередь использовал против себе подобных. Убив волка, он убивал своего брата. Сначала кремневым копьем, потом арбалетом, потом пушкой с пороховым зарядом. Человек принялся наносить себе раны, которые ему больше никто не мог нанести.

И это справедливо как для внутренних, так и для внешних сражений. Его организм, потрясаемый вакцинами, сыворотками, уколами, лучами, пилюлями, таблетками, сиропами, порошками, каплями, стимуляторами, успокоительными, укрепляющими, антитоксинами, антибиотиками, анальгетиками, лошадиными гормонами, экстрактами из желез хряка, организм, очищенный, восстановленный, промытый, освобожденный от лишнего, защищаемый вопреки своему желанию, утратил дисциплину, которая могла мобилизовать его против агрессора, и позволил анархии распространиться среди его клеток: там, откуда бежал микроб, появился рак. Человек принялся сам пожирать себя: свои легкие, свою печень, свою простату…

Тем не менее, рак не способен заменить тысячи форм неизмеримо малых агрессоров. Может быть, в более или менее близком будущем человек научится подавлять восстание клеток. Может быть, он даже не позволит им стареть.

Он выиграл почти все внутренние сражения. Нет ничего невозможного в том, что он выиграет войну.

Сегодня, в обстановке продолжающихся боевых действий, никакой микроскопический враг не в состоянии притормозить распространение рода человеческого. Его порыв настолько неудержим, что очень скоро, через несколько поколений, Земля станет слишком тесной для него. Мы уже чувствуем, как в городах пространство сжимается вокруг нас. Потолки опускаются, стены сдвигаются, стиснутые с боков здания устремляются в небо. Это только первые признаки. Все произойдет очень быстро. [Нас сейчас три миллиарда. Когда родятся наши внуки, их будет двадцать миллиардов. Земля будет переполнена раньше, чем пройдет столетие. И точно в тот момент, когда начинается настоящий демографический взрыв, человек придумывает Бомбу. Все человечество в ужасе. В ужасе даже те, кто придумал и создал ее. Они подобны рожающей женщине, которая неожиданно видит, как из ее чрева появляется отвратительная крысиная морда. Тем не менее, эти изобретатели не бросают свое дело; с отвращением, с проклятьями они продолжают работать над тем, чтобы Бомба стала еще более страшной, еще более смертоносной. Ни один руководитель нации не хочет использовать это оружие, и все же те, кто уже имеет его, продолжают производить его, нагромождая избыточные запасы. А те, у кого еще нет Бомбы, спешат сделать все, что в их силах, чтобы тоже заполучить ее.

Впервые в истории мира ни одно правительство, ни один народ не хотят войны из-за ужаса, который вызывает Бомба. Тем не менее, все допускают возможность использовать ее когда-нибудь под самым ничтожным предлогом.

И люди начинают понимать, что История человечества есть всего лишь часть Истории жизни, в которой их воля участвует в той же степени, в какой воля головастика участвует в его превращении в лягушку.

Они начинают понимать, что война является не случайным проявлением национального варварства, как они думали всегда, а перманентным явлением, возникновение которого, его интенсивность и продолжительность не зависят от желания человека. Даже марксисты, убежденные, что война – это порождение капитализма, поняли опасность своих иллюзий и готовы договориться со своими классовыми врагами, чтобы совместно бороться против войны.

Так кто же решится первым бросить бомбу?

Никто.

Каждый знает, что она смертельно опасна, и что хранить ее в доме – это безумие. Независимо от того, в какой комнате она хранится: в американской, азиатской или европейской.

И все равно все цепляются за нее и продолжают прятать ее под кроватью.

Все конференции по разоружению кончаются ничем, любые предложения отвергаются, и все в мире знают, чем это может кончиться.

Безопасность, контроль: поводы, болтовня, детские игры.

Никто не хочет расставаться с Бомбой.

В действительности, никто не может расстаться с ней. Она порождена человеком, подобно тому, как яд порождается змеей. Гадюка не может стать ужом, даже если захочет этого. И если она гадюка, то в этом нет ее вины.

Бомба – это новейшая форма войны. Война – это явление компенсации, свойственное жизнедеятельности человеческого рода благодаря закону или – это то же самое – стремлению к равновесию, явление, предназначенное исправить неэффективность агрессии других видов против человека. По мере того, как эта неэффективность возрастала, росла и эффективность средств ведения войны. От камня к атомной бомбе мощь оружия, которое

человек использует против самого себя, вырисовывает ту же кривую, что и распространение вида. Обе кривых достигли начала головокружительного, абсолютного, вертикального взлета. Человек, превращающийся в великана, прижимает к сердцу орудие, гарантирующее убийство его самого. Пустит ли он его в ход до того, как достигнет небес?

Если он это совершит, значит, так было задумано, но не человеком: это будет самоубийство по приказу. Как по приказу совершается вечное пиршество, на котором пожирают младенцев всех живых существ.

34

Можно было бы усомниться в правдоподобии идеи коллективного неосознаваемого и неизбежного самоубийства людей, если бы другие виды не давали нам примеры подобного поведения.

Все слышали о заканчивающихся смертью миграциях леммингов, этих мелких грызунов, живущих в горах Скандинавии. Едва их популяция достигает определенной плотности, как они отправляются в многодневное путешествие к Северному морю, достигнув которого бросаются в воду и тонут.

Гораздо хуже известно, что этот своеобразный образ действий возник сравнительно недавно. Насколько известно ученым, коллективное самоубийство леммингов началось примерно с 1920 года.

В этом странном обычае можно видеть косвенную реакцию грызунов на интенсивную войну, которую человек ведет против хищных птиц, в результате чего последние, эти главные потребители грызунов, оказались почти полностью истребленными.

Как только грызунов перестали истреблять их главные враги, лемминги, эти исключительно жизнестойкие и плодовитые зверьки, резко размножились и достигли в 1920 году максимально допустимого уровня. Сработал закон сохранения равновесия, и с этого года излишки популяции принялись регулярно топиться в море…

Другие грызуны, байбаки, живущие в южной Сибири, стали кончать жизнь самоубийством примерно в 1875-1876 годах. Эта дата и в данном случае позволяет нам увидеть косвенный результат уничтожения человеком какого-то хищного вида, обеспечивавшего равновесие мира байбаков. Охотничье ружье было изобретено в XIX веке. За пару десятилетий оно глубочайшим образом нарушило равновесие в животном мире. Какой любитель мяса байбаков был уничтожен в Сибири? Волк? Может быть. Как пишет Жионо в своей статье, опубликованной в журнале «Нис-Матэн» 12 сентября 1964 года, байбак – это «небольшой грызун, жирный, как монах», живущий в норах, «образующих настоящие подземные города»… От горизонта до горизонта «подземное пространство принадлежит миллионам животных, которые роют бесконечные лабиринты».

Байбак, несомненно, был прекрасным источником пропитания для стай голодных волков. Им было достаточно копнуть землю, чтобы вскрыть подземные ходы с жирными лентяями. В результате они поддерживали численность байбаков на уровне, установленном… скажем, Природой.

После того, как волк исчез или стал более редким – если это был не волк, то какой-нибудь его родственник, и эта гипотеза по меньшей мере окрашена в местные тона – байбак, хорошо защищенный от менее опасных врагов в своих подземных лабиринтах, принялся размножаться, и его численность быстро достигла критического уровня.

И тогда излишки популяции потекли к Ледовитому океану.

Известный русский географ и биолог Потанин впервые наблюдал в 1880 году самоубийство байбаков. Двадцать лет подряд он возвращался в эти края, чтобы сопровождать орды байбаков в их жизнерадостном паломничестве к ледяной смерти. Потом это явление принялись изучать – и изучают до сих пор – другие ученые: Гюстав Радд, Поляков, Альбэн Кон, Фон Миддендорф, Норденшельд и другие.

Вот, согласно Жионо, как это происходит. Я прошу извинить меня за слишком пространные цитаты – я не смог бы рассказать лучше, чем он.

«… в мае месяце байбаки выбираются из своих подземных галерей. Они собираются сотнями тысяч, может быть, миллионами, и отправляются в дорогу. Им предстоит путь длиной в три тысячи километров.

В первый же день путешествия образуется разрыв между байбаками, предназначенными для самоубийства, и теми, кто должен обеспечить продолжение рода. В поход отправляются и те, и другие, но с наступлением сумерек несколько миллионов байбаков возвращаются в свои подземные лабиринты… Каким образом происходит это разделение? Этого никто не знает.

Нетрудно заметить, что воинство, собирающееся свести счеты с жизнью, выглядит весьма жизнерадостно. Байбаки возятся друг с другом, заигрывают с самками…»

Заметим в скобках, что в тот момент, когда появилась статья Жионо, французское и немецкое телевидение передавало ретроспективу военных кадров 1914 года. Параллель между двумя картинами поразительна. Мы видим на экранах телевизоров целые народы – французский, немецкий, русский, австрийский – устремляющимися на вокзалы в радостном опьянении. Про них можно было бы написать ту же самую фразу: «… воинство, собирающееся

свести счеты с жизнью, выглядит весьма жизнерадостно. Мужчины возятся друг с другом, заигрывают с девушками…»

Потом происходит раздел. Часть населения возвращается в свои жилища. Другая, все такая же жизнерадостная, грузится в поезда и отправляется умирать… Но вернемся к нашим байбакам.

У них уходит четыре месяца на то, чтобы преодолеть три тысячи километров, отделяющих их от места, где они должны умереть Они двигаются на север по левому берегу Енисея.

«… Байбаки идут безостановочно, идут днем и ночью. Они питаются на ходу, но ничуть не тощают, они не проявляют ни малейших признаков усталости. В начале июля они достигают окрестностей Туруханска. После того, как они оставляют позади устье Нижней Тунгуски, они пересекают Енисей, чтобы перебраться на правый берег… Продвигаясь все дальше и дальше по тундре, они направляются к западному побережью полуострова Таймыр. Добравшись до моря, они добровольно кидаются в воды Северного Ледовитого океана и погибают».

Заметим, что в том месте, где полчища байбаков пересекают Енисей, река достигает ширины более двух километров.

«Перебираясь через Енисей, они показывают, – говорит Альбэн Кон, – столь же совершенное искусство плавания, каким владеют только выдры. Они чувствуют себя в воде не хуже, чем рыбы, и ни один зверек из миллионов не гибнет во время переправы».

А вот каким образом Жионо описывает их поведение во время финала, ссылаясь при этом на данные Потанина;

«Они неторопливо приближаются к воде, спокойно заходят в нее и тут же тонут, даже не пытаясь плыть. Вскоре небольшой залив, на берегу которого разыгрывается трагедия, заполняется трупами зверьков, которые течение постепенно уносит в открытое море, в то время как бесконечная колонна животных продолжает топиться, топиться сознательно, неторопливо и без каких-либо исключений.

Это коллективное самоубийство каждый раз продолжается два или три дня или, точнее, от 48 до 72 часов, потому что церемония не останавливается даже ночью».

Различное поведение байбаков при переправе через Енисей и на берегу океана показывает, что они не находятся под властью анархического стремления к самоуничтожению. Они не должны умереть где попало и любым способом.

Они подчиняются точным приказам. Они радостно спешат к смерти на протяжении четырех месяцев, несомненно, не представляя, куда и зачем они направляются. Точно так же, впрочем, они не представляют мотивы своего поведения во время периода размножения.

По-видимому, инстинкт, заставляющий зверьков бросаться в море, имеет ту же причину, что и инстинкт размножения. Но в обоих случаях он действует в противоположных направлениях – приводя к смерти в первом и к жизни во втором. Характер же поведения и в том, и в другом случае одинаков: животное подчиняется категорическим приказам непреодолимого инстинкта, подчиняется безоговорочно и с радостью. Все ученые, занимавшиеся проблемой самоубийства байбаков, с удивлением отмечают, что миллионы зверьков, пересекающих весь континент, чтобы утопиться в океане, совершают этот путь радостно, словно направляются к желанной цели. Может быть, для них момент, когда они заходят в воду и встречают смерть, это момент невыразимого наслаждения, сходного с ощущениями во время процесса продолжения жизни.

Впрочем, инстинкт жизни и инстинкт смерти не подавляют друг друга. На протяжении своего путешествия самцы байбаков оплодотворяют самок, а те приносят приплод. Но они покидают новорожденных байбачат, так как не могут остановиться.

Во время человеческих войн также можно видеть, как приехавшие на побывку воины зачинают детей, а потом снова отправляются на смерть, оставляя одинокими будущих матерей.

Но человек больше не отправляется на войну с радостью. Теперь он знает, какова цель его путешествия. Тем не менее, несмотря на страх смерти, страх жуткий, первородный, материальный, эмоциональный и интеллектуальный, страх всеобщий, человек продолжает отправляться на войну и будет делать это и в будущем.

Представьте себе, что завтра разразится война, к примеру, между Китаем и Соединенными Штатами, и что Бомба не применяется или применяется весьма ограниченно. Постепенно конфликт разрастается, неизбежно втягивая в военные действия остальные нации… Кто, будь то среди капиталистов или коммунистов, кто, в каком бы он лагере не находился, сможет отказаться принять участие в этом кошмаре?

Отдельное существо ничего не значит. Им командует вид. А видами командует закон равновесия. Чтобы принудить людей отправиться на бойню, вид разработал, в социальной форме, средства принуждения, против которых человек ничего не может поделать. Прежде всего, используется пропаганда, старающаяся заменить страх за свою жизнь пылким стремлением добиться смерти своего ближнего. Потом, когда на человека обрушивается реальность, уничтожая результаты воздействия пропаганды, он ощущает полнейшую невозможность спастись из

шестеренок механизма убийства, активной и одновременно пассивной деталью которого является он сам.

Между человеком и байбаком имеется одно существенное различие: байбак не знает, что он движется к своей смерти (по крайней мере, мы можем предполагать это), а человек не знает только то, почему он должен умереть.

Как в первом, так и во втором случае мы имеем дело с ложью. Байбак считает, что он движется к очередному удовольствию, в то время как его ожидает удовольствие, последнее в его жизни. Человек полагает, что умирает, защищая свою землю, свою жену, свою свободу, свои идеи, тогда как он умирает просто потому, что людей, как и байбаков, стало слишком много.

Если только…

Если только байбак не знает, что он должен умереть. И он радуется потому, что знает, что такое смерть.

В этом случае нам остается только пожалеть, что мы не байбаки.

35

На протяжении тысячелетий род человеческий разработал и усовершенствовал, в зависимости от потребностей, процесс самоуничтожения, позволяющий ему избавляться от излишков населения, которое больше не ограничивают ни волки, ни чума.

Но человеческий индивид, упорно старающийся выжить, крайне искусный в разработке способов самозащиты, стал настолько устойчивым, настолько плодовитым, что статистики и биологи сходятся на точке зрения, согласно которой 500 или 600 миллионов погибших в локальной атомной войне будет недостаточно, чтобы остановить жизненный порыв человечества и прервать демографический взрыв.

Закон равновесия при этом будет исчерпан до конца и ядерная война, если она разразится, рискует стать всеобщей и грозит уничтожить все высшие формы жизни. Может быть, после нее сохранится небольшое количество выживших, которым придется начать все с начала.

С точки зрения Автора, Организатора, Планировщика это будет всего лишь один из незначительных эпизодов Творения, не слишком примечательный и касающийся только ничтожно малого жизненного феномена, локализованного на жалкой пылинке…

Для вида в целом это, пожалуй, можно считать благотворным явлением, если возродившееся из пепла человечество превзойдет своих обуглившихся в атомном пламени предков.

Но для миллиардов живущих на этом отрезке эволюции особей, которые призваны послужить прогрессу человеческого вида, сгорев в атомном огне, эта перспектива вряд ли способна наполнить их сердца невинной радостью леммингов.

Но могут ли они избежать холокоста, помешать всемирному пожару, залить порох водой?

Нужно освободить от какого-либо положительного содержания жестокое прославление войны, сделать очевидным для всех жульничество, к которому прибегают капиталисты, националисты и идеологи. Хотя сделать это довольно сложно. Через двадцать лет после последней бойни главы государств, бывших противниками, вместе приносят цветы на могилы неизвестных жертв. Никто не выкрикивает лозунги, никто не смеется…

Ничто не может оправдать войну. Никогда.

И чем более смертоносной она становится, тем больше смахивают на безумие вызывающие ее поводы. Крестьянин, защищающий вилами свои посевы, имел некоторые основания для того, чтобы убивать или умереть. Но мы видим, что сейчас все человечество готово увязнуть в шестеренках полнейшего идиотизма: каждый из лагерей убежден, что у человечества есть только один способ стать счастливым – а именно, его способ. И он готов навязать свое понимание счастья противоположному лагерю силой, то есть с помощью войны, то есть с использованием Бомбы. Во имя этого неопределенного счастья каждая половина человечества готова уничтожить другую половину, хорошо понимая, что она тоже погибнет при этом. Убивать людей во имя их счастья – вот фатальный абсурд, который не кажется таковым руководителям мира людей. Очевидно, что при подобной уверенности не может быть и речи о разуме и воле участников. При этом отчетливо различается подчиненность как вида в целом, так и тех, кто считает себя хозяином своей судьбы, законам, о существовании которых они даже не подозревают. Слепота людей кажется столь же всеобщей, как и слепота леммингов.

36

В 1139 году церковный собор в Латране гневно обрушивается на арбалет и запрещает его применение против человека.

Очень быстро арбалет принимается на вооружение всеми европейскими армиями и используется до тех пор,

пока…

…После своего изобретения аркебуза квалифицируется как «дьявольское оружие», и попавших в плен стрелков из нее немедленно уничтожают.

В 1546 году указом французского короля запрещается ношение огнестрельного оружия даже дворянам под страхом жестокого наказания: нарушителя полагалось немедленно схватить и удавить на месте без суда.

В 1964 году Ватиканский собор выступает против Бомбы, не советуя применять ее против людей независимо от того, христиане они, или нет.

Каждый новый вид оружия вызывает новую волну ужаса, но это не мешает ни его изготовлению, ни его хранению, ни его применению.

От него отказываются только в случае изобретения нового еще более эффективного оружия.

Так было всегда, начиная с использования камня и палки. Вплоть до изобретения Бомбы. И так будет дальше, если будет это «дальше».

Латранский собор не выступал против войны.

Ватиканский собор считал, что есть справедливые войны.

Нас должны будут благословить перед тем, как поджарят.

Если, конечно, у священников двух враждующих лагерей будет время поднять благословляющую десницу…

37

Пока люди пытались победить чуму заклинаниями на латыни, она спокойно пожирала человечество.

Как только установили и приняли истинные причины заболевания, вскоре удалось разработать оружие против микробов и организовать соответствующую эффективную борьбу с болезнью.

До тех пор, пока мы не узнаем истинные причины войны, никакие договора, никакие союзы, никакой страх не смогут помешать ей разразиться в очередной раз, испепеляя мир частично или полностью.

Националистические войны обусловлены совсем не национализмом.

Завоевательные войны не зависят от стремления подчинить себе чужих.

Идеологические войны вызваны совсем не конфликтом идей.

Причиной экономических войн является отнюдь не стремление к экспансии или желание завоевать новые рынки.

Каждый из перечисленных мотивов, а также многие другие, нельзя относить к истинным причинам войн. Это только поводы.

Впрочем, нет войн. Есть только война, так же, как есть только смерть.

Подобно смерти, война является чисто биологическим явлением.

Только после того, как мы установим и признаем подлинную природу войны, мы получим возможность изучить ее, смягчить ее последствия, сделать ее более редким явлением, может быть, вообще прекратить.

Война – это процесс самоизбиения, разразившийся среди представителей человеческого рода благодаря нарушению закона равновесия живых существ.

Ни закон, ни вид не интересуются отдельными особями.

Но именно особям, а не виду приходится погибать, когда нарушается закон.

Следовательно, индивиды должны защищаться против вида и против закона. Для них не может быть речи о том, чтобы взбунтоваться. Это было бы абсурдным. Нельзя бунтовать против естественных законов. Например, нельзя восстать против закона всемирного тяготения.

Им можно овладеть, подчиняясь ему.

Это позволяет человеку выпрямиться, находиться в равновесии, идти вперед, изобретать себе крылья.

38

Движение человеческого вида увлекает меня подобно тому, как движение крови увлекает красное кровяное тельце. Вид увлекается движением живого царства и подчиняется его законам, подобно тому, как моя кровь вовлекается в движение моего тела. Мое тело сражается за свое существование, страдает из-за своих ошибок, и теряет всякий интерес к жизни, оказавшись вне привычной сферы обитания.

Если человек хочет спастись, спасти свой вид, он должен вновь найти значение и смысл своего существования в великом теле жизни.

Какова функция человеческого вида в теле жизни?

Являемся ли мы его кровью, печенью, пищеводом, привилегированным местом, где находится разум? Или каналом, по которому удаляются отходы?

Придумав инструменты и механизмы, человек обеспечил себя средствами, которыми Природа – или Великий Планирующий – не посчитали необходимым снабдить его на старте. Может быть, в соответствии с планом он должен был нарастить себе эти продолжения своих рук. А может быть, и нет. Весьма похоже, что человеческий вид, прорвав рамки своих функций, начал жить для самого себя, за счет организма, которому должен был служить.

Сегодня человек чудовищно развился, словно рак, и подобно ему, он вот-вот заставит погибнуть жизнь, это тело, на котором он развился, истощая его. И сам погибнет вместе с ним.

Если же он не погибнет, если жизнь устоит, то она наверняка постарается избавиться от этих бунтующих клеток, и спасшийся человек, голый и безоружный, окажется на том месте, которого заслуживает, словно повторился момент первоначального творения.

Может быть, имеется возможность избежать этого великого кровопускания, этой операции на открытых сердцах.

Человек-инструмент-машина сам по себе не является ошибкой, преступлением против жизни. Ошибкой, преступлением человека является использование своих рук, своих инструментов, своего разума вне пределов его функций, для чисто материального развития вида, без учета гармонии и равновесия как с другими частями живого мира, так и с самим собой. Именно это – главная характеристика разрастания клеток при раке.

Человек может вновь найти возможность жить, осуществляя свою функцию. Это не означает, что он должен расстаться с техническими протезами, которые он привил на свою живую плоть. Наоборот, ему придется поставить их, как и всего себя, на службу равновесию и гармонии Вселенной.

Но для того, чтобы вновь овладеть своей функцией, он должен понять, что это такое.

Кто скажет ему, какое место принадлежит ему в Творении, между какими шестеренками мира помещается цикл его жизни и его смерти? Кто откроет ему, что он есть и почему он есть?

Священнослужитель.

Для этого существует священнослужитель.

Священнослужитель является посредником между Творцом и его творением – человеком.

Священнослужитель знает тайны Творения, его архитектуру и то, как оно функционирует.

Священнослужитель берет человека за руку, объясняет ему, почему он был создан, какова его роль во Вселенной рядом с его одушевленными и неодушевленными братьями, и сопровождает его шаг за шагом по пути, ведущему к знанию и пониманию.

Какой священнослужитель? Где этот священнослужитель?

Бедные жалкие кюре, любители игры в мяч, бедняги, говорящие дрожащим голосом, что могут объяснить нам они, не только ничего не знающие о Творце и Творении, но и ничего не понимающие в сотворенном?

Пожилой кюре, который на протяжении четырех десятков лет слышал, как скрипят и постукивают все шестеренки механизма его паствы, постепенно начинает понимать, что такое человеческий механизм. Но когда во главе прихода оказывается совсем молодой, ни в чем не разбирающийся человек, что он может знать о страдании, о зависти, о ненависти, о любви, о желании, о самом себе и о всех остальных?

Бедный юный кюре, потерянный, запутавшийся, ему остается только перебинтовывать раны, которые протягивают к нему, используя при этом единственное лекарство, которое есть у него: его любовь. А потом ему не остается ничего другого, как спрятать голову в песок молитвы…

Пастор, в свою очередь, предлагает верующим Бога, который едва превосходит их, с которым они могут объясняться, словно человек с человеком, который прекрасно понимает мотивы, заставляющие их причинять вред своему ближнему. Бог протестантов, это скорее Бог-сын, чем Бог-отец, это Иисус, Человек-Бог, больше человек чем Бог, серьезный, строгий, понимающий. У него для каждого имеется не меньше снисхождения, чем есть у любого человека для самого себя. Он строг только с твоим соседом.

Бог католиков – это добрый, немного слабоумный дед, раздающий своим внучатам похвалы или упреки. «Вот увидишь, что с тобой случится, если ты не будешь умницей». Но когда мы умираем, он прощает все наши глупости и принимает нас в своем сельском домике.

Вот что предлагает сегодня христианская религия своим верующим. Вот жалкий ответ нашим страхам, нашему стремлению познать. Вот что дано нам, чтобы утолить наш голод: мятая бумажная обертка, в которую был завернут бутерброд и на которой сохранилось только имя продавца.

Между устройством живого мира и его функционированием, между чудом его возникновения и ужасом, для которого он, похоже, создан, существует убийственное противоречие.

Наше сознание отказывается признавать идею, которую старается навязать ему видимость: что столько чудес было задумано, создано и объединено с одной-единственной целью: аккумулировать страдание и продлить возможность убийства.

Мы не способны поверить, что этот отвратительный круг жизни, замкнутый на вечный смертельный финал, может быть удовлетворительной целью для создателя уха и маргаритки.

Нам представляется несерьезным предложение Церкви ввести самого Бога в этот круг ужаса, чтобы сделать его более или менее сносным, потому что при этом Бог принижается до уровня человека, когда соглашается страдать страданием живущих, умирать их смертью, быть убитым подобно людям и быть ежедневно поедаемым во время каждой мессы, подобно ягненку или салату. Смерть Бога не искупает смерть ягненка.

Его жертва только добавляет безрассудства системе. Творец-садист становится, вдобавок, мазохистом, и вся его конструкция предстает перед нами монументом абсурду.

Но разум не может быть абсурдным. Разум не может быть жестоким. Сочетание разума и жестокости следует рассматривать, как вымысел низкопробной литературы.

Злое существо, каким бы оно ни было блестящим и хитрым, всегда остается безумным. Прототип жестокости, Дьявол, во все времена носил дополнительное имя Лукавый. Его никогда не называли Разумным. Разумным был Бог. Следовательно, в жестокости и абсурдности живого мира скрывается резон, ускользающий от нашего понимания. Мы не знаем истинной причины всех явлений.

40

Но Бога нельзя считать и добрым. Достаточно посмотреть на окружающий мир, чтобы увидеть очевидное. Именно противоречие между этой очевидностью и образом доброго божества, которого превозносят наивные проповедники, приводит к увеличению количества неверующих.

Идея доброго божества приводит к тому, что церкви пустеют, потому что никто в нее не верит .

Бога евреев, свирепого Иегову, этого мстительного Молоха, обоняние которого нужно было ублажать запахом жареного ягненка, следует считать более логичной формой божества, ответственного за организацию наших кровавых игр.

Но такие понятия, как добрый или злой – это понятия чисто человеческие. Бог – это всего лишь имя, которое мы даем образу того, что есть Нечто, Основополагающий Принцип, Сила, Идея, Дух, Воля, то есть то, что мы не в состоянии ни представить, ни назвать. Нам стоит воздержаться от того, чтобы раскрашивать этот образ красками нашей жалкой человеческой палитры. Казни, которыми Иегова карает народ Израиля за то, что евреи относятся к нему с недостаточно безоглядным обожанием, несомненно, являются отображением наказаний, которые неизбежно обрушатся на человека, если тот нарушит равновесие законов Вселенной. Тот, кто наклоняется слишком сильно, немного сильнее, чем нужно, совсем чуть-чуть сильнее, в конце концов падает. Это верно как для отдельной особи, так и для вида в целом.

Наличие силы тяжести на оправдывает нарушение равновесия.

Напротив, благодушие Иеговы, ставшего христианским божеством, свидетельствует, что достаточно выпрямиться, пусть даже в самый последний момент, чтобы не упасть.

Сила тяжести способствует равновесию.

41

Если бы Бог нуждался в обожании, он бы создал только собак. Собака гораздо более склонна к любви, чем человек. Если пес, которого хозяин давно не кормил и постоянно избивал, а в конце концов швырнул в воду, сможет остаться в живых, он приползет, скуля от любви, к его ногам. Вот образ верующего, о котором мечтает любая Церковь.

Если этот верующий воистину сгорает от любви к неясному понятию, которое он считает Божеством, к тому же без малейшего налета эгоизма, без заботы о своем уголке Рая, без страха перед смертью, то это не может не быть благом для него. Так прекрасно всегда любить!

Но Бог, которого он обожает, это всего лишь творение его незрелого разума, который отчаянно пытается уцепиться за надежную руку отца.

Что касается Того-Что-Мы-Называем-Богом, не зная, как следует называть Это, то следует иметь в виду, что имя, по своей сути, является определением, и то, что нам неизвестно, не может быть определено. Из этого с очевидностью следует, что Это не может быть ни сентиментальным, ни мстительным, ни добрым, ни злым, ни каким-либо иным, что позволило бы нам подумать о наименовании, то есть, об ограничении.

Обожание Божества, которое рекомендуется всеми религиями, является полным и ежеминутным единением с порядком и равновесием Творения. Все, что не является при этом человеком, участвует в этом пассивным образом. Человек, снабженный зародышем разума, имеет возможность участвовать в этом осознанно и добровольно. Иначе он должен отвернуться, чтобы не рисковать падением.

Таков, возможно, смысл понятия о первородном грехе: исходя из своего происхождения, исходя из того, что он есть, из того, что он есть то, что он есть, человек может выбирать. Он может творить зло, или творить добро.

Разумеется, речь не идет о добре и зле в соответствии с той или иной моралью, неважно, христианской или папуасской.

Речь идет о хорошем или злом поступке, потому что именно поступок присутствует или отсутствует в структуре Творения.

Но сегодняшний человек не имеет возможности выбора, потому что он больше не знает, где добро. Ему предлагают множество того, что считается «добром» или благом: благо моральное, политическое, легальное, социальное, семейное, религиозное. Но подлинное благо ускользает от него, он даже не знает о его существовании. Он не имеет возможности сотрудничать с порядком Творения, потому что он не знает этот порядок и свое место в этом порядке. И он создает беспорядок самим фактом своего существования вне порядка.

42

Во всех религиях Божество – это символический образ Истины.

Священные книги сообщают нам с многочисленными подробностями, что такое Создатель, как он создавал, каковы его взаимоотношения с творением, его основания для творения, чем для него являются создания, каково место каждого из них в рамках всего.

Но все это рассказывается нам символичным языком и самой большой ошибкой было бы поверить рассказываемому.

Что касается содержания символов, то его характерной особенностью является то, что оно кажется очевидным, когда ты знаешь его, но когда ты ничего о нем не знаешь, то обо всем крайне трудно, если не невозможно догадаться.

Каждый символ, с другой стороны, может быть интерпретирован множеством способов, и каждая трактовка является абсолютно истинной при условии, что ты достаточно подготовлен, чтобы прочитать ее по образу.

Среди всех значений символа имеется одно, из которого вытекают все остальные и знание которого позволяет прочесть все соседние символы.

Нужно знать всю совокупность этих первичных значений, чтобы иметь возможность читать «как открытую книгу» священные тексты.

Это не означает, что факты, которые они рассказывают нам, являются баснями. Любое историческое событие, всякая жизнь, любой поступок, любая дорога, каждый стебелек травы, каждый камешек, своей формой и своим местом в пространстве и времени обозначает нечто большее, чем то, что прочитывается и может быть прочитано.

Но, чтобы уметь читать, нужно научиться этому.

Кто же является преподавателем этой науки?

Священники.

Священники существуют именно для этого. Священники получили ключ к алфавиту и им поручено передать его дальше.

К сожалению, они потеряли его по пути.

Религию можно сравнить с ребенком, которого отец отправил с посланием на другой конец города. Чтобы не забыть его и чтобы ничего не напутать, ребенок выучил послание наизусть и тысячу раз повторил его по дороге. Постепенно фразы послания слились с ритмом его дыхания и его шагов, утратили свои точки и запятые, лишились многих слов. Когда, наконец, он принялся пересказывать текст адресату после того, как жевал его всю дорогу, от него осталась лишь уродливая, не имеющая никакого смысла последовательность обрывков слов.

Тем не менее, даже изуродованное послание содержит весь первоначальный смысл. Может быть, достаточно внимательно вслушаться в него, чтобы восстановить исходные слова и фразы. Вероятно, это не невозможно.

Все религии мира рассказывают нам с удивительно точно повторяющимися деталями одну и ту же историю о том, что все человечество в один из периодов своей истории обладало одним и тем же знанием, было уверено в одних и тех же истинах. Это продолжалось вплоть до момента всеобщей сумятицы, о которой рассказывает нам Библия в эпизоде о строительстве Вавилонской башни.

«Построим город и башню, вершина которой достигнет небес».

Несомненно, эта фраза из Книги бытия является резюме длительной эволюции человечества и изложением попытки достичь – с помощью неведомой нам техники – положения, «высшего» по сравнению с тем, которое человечество может занять в рамках естественного развития. В какой плоскости – материальной, биологической или духовной – наши предки собирались «достичь небес»? Ничто не говорит нам об этом. Нам сообщается только то, что люди в то время были единым народом и говорили на одном языке. Это означает в то же время и то, что они обладали одним и тем же знанием.

Нам также становится ясно, что попытка наших предков могла закончиться успехом. Потому что сам Яхве, являющийся Порядком Вещей, замечает в связи с этим: «Отныне ни один их замысел не будет для них невыполнимым.»

Но они в спешке, или будучи поглощенными своими амбициями, забыли о своем предназначении и нарушили основные законы.

Только с запасом воздуха и пищи, надежно защищенные от холода, жары, излучений, ударов, усталости, молчания и света, от всех невыносимых для человека условий, космонавты смогут оторваться от среды своего обитания и достичь других планет. Вполне возможно, что в духовном плане все обстоит аналогичным образом, и что человек, чтобы стать чем-то большим, чем просто человеком, должен позаботиться, чтобы не забыть, что он человек.

Наконец, нам сообщается, что нарушение законов, будь они физическими, биологическими или духовными, вызывает немедленные санкции: «Спустимся!» – говорит Яхве.

Это «Спустимся» звучит ужасно. Можно представить, что вы слышите сам голос Единого Закона Вселенной, закона, который пытался найти Эйнштейн, закона всемирного тяготения, который заставил рухнуть Икара на землю и от которого зависит вращение галактик.

«Спустимся! И там смешаем их язык, чтобы одни перестали понимать других.»

Революция? Гражданская война? Или медленное угасание? В любом случае, цивилизация, которая разработала проект завоевания неба, оказалась в положении, когда ее социальная организация погибла, ее единство рухнуло, и ее элементы рассеялись по всему обозримому пространству.

«И Яхве рассеял их по всей поверхности Земли».

Каждая частица рассеянного по планете человечества, каждый народ, каждая нация, можно даже сказать – каждый человек стали говорить на своем собственном языке и перестали слышать и понимать то, что говорит сосед. Первичный язык, на котором излагалась Истина, был забыт. Глагол, который был обозначением, превратился в выделение.

Посмотрите, как ведут себя женщины, сидящие за чайным столиком или толпящиеся вокруг рыночного прилавка. Каждая из них с застывшим взглядом и прерывистым дыханием рассказывает, рассказывает, рассказывает свою историю и не слышит ни единого слова из того, что говорят ее соседки. И не имеет значения, слышит ли она, слышат ли ее. Ей нужно говорить, чтобы ощущать себя живой. В этом весь смысл. И то же происходит в ООН.

Но в каждом фрагменте рода человеческого сохраняется смутная ностальгия об утраченных знаниях, которые позволяли достичь небес. Точно так же в самых различных языках сохранились корни, общие с основными корнями единого языка.

Похоже, что знание не было забыто полностью, и что оно продолжало передаваться с помощью устной традиции в закрытых кругах, вокруг которых бурно расцветали различные религиозные организации. С помощью своих книг, своих догм, своих ритуалов, архитектуры своих храмов религии излагали истину в достаточно эффектной и совершенно непонятной форме символов. А за этим фасадом священники передавали от поколения к поколению истинное знание.

Почему эта тяга к эзотеризму? Несомненно, потому, что те, кто сохранял знание, считали, что оно не могло быть понято и усвоено массой представителей нового человечества. Это возможно. Например, далеко не всякий способен понять квантовую физику или стать политехником. Но любой может попробовать. Из преподавания математики никто никогда не делал тайны. Каждый обучающийся начинает с того, что усваивает элементарное дважды два – четыре. Те, кто не могут понять большего, останавливаются, а те, кто способен на большее продолжают и становятся бухгалтерами, инженерами или нобелевскими лауреатами.

Но те, кто застрял на дважды два – четыре знают, что математика продолжается гораздо дальше, и что путь, от которого они были вынуждены отказаться и на котором более способные продвинулись далеко вперед, это не Луна-парк, населенный бородатыми призраками.

Потому что никто не делал секрета из того, что многие не могли понять, никто не заставлял их усваивать теоремы в виде басен, никто не заставлял их обожать Отца Логарифма, восседающего на облаке. Именно поэтому никто из недостаточно понятливых не испытывает соблазна отрицать, что он не способен понять многое. Они верят в математику именно потому, что они уже столкнулись с ней, и, несмотря на их незначительный прогресс в познании математических законов, они умеют пользоваться ими когда торгуются на базаре или играют в белот. Никто из них, проезжая по мосту Танкарвилль – это подвесной мост через Сену вблизи от ее эстуария, длиной около полутора километров, – не способен испытать глубочайшее наслаждение инженера общественных работ, которому достаточно одного взгляда, чтобы оценить по достоинству шедевр математического расчета и одновременно эстетическую удачу строителей. Тем не менее, это не мешает им пользоваться мостом, находить его великолепным и с успехом рассчитывать сбереженное время и сэкономленный бензин. Для подобных людей математика является частью их знаний, их поступков и их чувств, разумеется, все это в меру их способности понимать ее. Но так или иначе, они знают, что существуют правила математики, превосходящие их способность к пониманию.

Если бы религии правильно сыграли свою роль, то же самое было бы и с пониманием Бога. Каждый из нас знал бы о нем именно столько, сколько в состоянии понять.

Я глубочайше убежден в уме и в равновесии моей мышечной машины, я верю со всей силой своих инстинктов, со всей силой своего разума, что правда о Боге не более загадочна, чем научная истина.

Но мы отравлены дымом благовоний, воздвигнутых перед нами подобно стратегическому занавесу между Богом и людьми.

Мы все иконопоклонники или иконоборцы, даже те из нас, которые со всей силой своего интеллекта пытаются освободить идею Бога от всего того налета, который был нанесен на нее цивилизациями, сделавшими из нас то, что мы есть. Вы сталкиваетесь со словом «Бог» и мгновенно срабатывает рефлекс «за» или «против»: нам не удается ни самим освободиться, ни освободить его от идолопоклонничества.

Беда в том, что на протяжении тысячелетий разум удерживался вне храмов. На протяжении тысячелетий религии требовали от человека, чтобы он верил, а не знал. Единственной дозволенной для него формой знания было интуитивное знание, внутренняя озаренность. Да и этого было слишком много. Паскаль знал математику, не изучая ее. То же было с музыкой у Моцарта. Но сколько таких гениев, как Паскаль, как Моцарт может насчитать человечество в изучении математики, в овладении музыкой, в познании Бога?

Для всех остальных, для гигантских толп, несущих в храмы вечное страдание человека, потерявшегося в этом жестоком мире, не остается ни единого шанса найти путь. Ритуалы, обряды, жесты и слова, которые должны были бы привести их к Богу, заводят их в тупик слепого обожания и страха. И нет никого, кто бы мог объяснить им подлинный смысл того, что им было сказано, того, что им было показано, того, что от них требовалось. На протяжении бесконечных времен те, кому было поручено передать человечеству истину, будучи вынужденными выражать свои мысли в виде образов, пришли к тому, что сами начали верить в эти невероятные образы и больше не умеют потребовать от верующих ничего иного, кроме неспособной рассуждать веры. Слишком хорошо скрытая истина с неизбежностью должна была погибнуть, задохнувшись в своем укрытии. Но, может быть, еще можно вернуть ей жизнь, может быть, есть еще время убрать обломки, пробить стены, извлечь на дневной свет гибнущую Истину и оживить ее, поделившись с ней своим собственным дыханием…

44

Если справедливо, что было Время Знания, то каким образом это знание пришло к человеку? Кто рассказал человеку, что есть что и что есть он? Кто сообщил ему все то, что он забыл потом?

Большинство преданий говорит о некоем Откровении. То есть о послании, непосредственно передающем знание от творца в сознание его творения.

Как можно представить себе эту передачу?

Зевс грохочет из облаков. Яхве вещает из пылающего куста или с вершины Синая. Иисус проповедует на вершине горы или на берегу водоема. Будда общается с учениками под сенью дерева…

Это образ, характерный для всех религиозных учений, образ, который следует принимать с осторожностью прежде всего именно из-за простоты, с которой он нам преподносится, но и не отбрасывать его из-за этой самой простоты.

Бог говорит с человеком в горах, из куста, на берегу реки, вещает из глубин неба… Бог говорит, находясь в своем творении

Послание от Того-кто-создает тому-кто-был-создан – это само Творение, это сотворенное существо. Откровение – это творческий акт. То, что создано, тем самым становится доступным всем. Это представляется очевидным: вся истина о мире – это сам мир. Вся истина о человеке – это сам человек. Послание находится вокруг нас и в нас самих. Нужно только расшифровать его.

Но мы оказываемся в положении не умеющего читать ребенка перед открытой книгой: мы рассматриваем ее, мы перелистываем страницы, но мы не знаем, о чем говорится в книге, потому что нет никого, кто научил бы нас читать.

Рассерженные своим незнанием, мы старательно изучаем книгу, анализируем знаки, заполняющие ее страницы, сравниваем их; постепенно мы начинаем узнавать буквы, наконец, понимаем, что из букв составляются слова, но по-прежнему не представляем, что они означают. Мы усвоили словарь, разобрались в законах, которым подчиняется синтаксис мироздания. Мы способны составить отдельные правильные фразы, даже целые главки из книги Творения. Но мы применяем слова и складываем из них фразы и абзацы не представляя смысла даже самого простого сочетания значков, из которых все это состоит.

45

Откровение неотделимо от Творения, а Творение – это всеобщий и постоянный процесс.

Первый день творения никогда не кончается. Мы все еще находимся на заре времен. И, в то же время, в сумерках седьмого дня. Все, что следует друг за другом, в то же время является одновременным. Это кажется нам противоречивым, потому что наше сознание не создано для того, чтобы охватывать временную длительность на всем ее протяжении; мы выхватываем только краткий миг из течения времени. Точно так же наше тело способно перемещаться в пространстве только в одном направлении в каждый данный момент времени. Разумеется, это не мешает существовать другим направлениям.

Творение – это настоящее. Откровение – тоже. Все было создано в любой из моментов. И все нам сообщается и повторяется постоянно. Но мы больше ничего не слышим.

Время познания было тогда, когда все люди были способны слышать.

Затем наступило время веры, когда те, кто еще продолжал слышать, требовали у тех, кто уже не слышал, чтобы они доверяли и верили им.

Сегодня наступило время смущения. Никто больше ничего не слышит и все верят кто во что горазд.

Нужно надеяться, что наступит время очевидности. Бог должен показаться нам, стать для нас столь же очевидным, насколько очевидно дважды два – четыре.

46

Несколько лет назад английский ученый Фред Хойл явился виновником скандала, предложив новую модель вселенной. Согласно этой модели, творение материи происходит непрерывно, везде и в любой момент из пустоты возникают атомы водорода. Поскольку известно, что атом водорода является своего рода элементарным кирпичиком материи, то это означает, что Вселенная непрерывно строится из ничего. В тот момент, когда ученый мир начал привыкать к этой идее, сам Хойл отказался от нее, поскольку установленные недавно некоторые космические явления, как ему показалось, противоречили его гипотезе. Нет ничего невозможного в предположении, что завтра Хойл или какой-нибудь другой астроном сумеет доказать эту гипотезу или придумать новую. Это все равно будет иметь отношение только к ничтожному кусочку пространства, к этим нескольким миллионам световых лет, простирающимся не дальше наших вытянутых рук. Этот уголок пространства немногим больше нашего дома, пожалуй, даже не больше нашего кармана.

Вся Вселенная протяженностью в миллиарды световых лет, Вселенная, окружающая нас со всех сторон, от объема которой наша мысль занимает жалкую пылинку, всеобщая Вселенная началась в начале.

Здесь нужно употребить слово, которое означает то-что-не-имеет времени, точно так же, как слово точка означает то, что не имеет размеров, то-что-не-занимает-пространства.

В начале начал, из того-что-не-имеет-времени вышло время и потекло в прошлое и будущее. Благодаря этому, теперь мы можем задавать себе вопрос, что было до этого начала, потому что для человеческого сознания, которое существует во времени, всегда имеется то, что было раньше. Но время началось в начале. До начала времени не могло существовать раньше. Бог есть то, что не имеет начала. Истина не имеет начала. Дважды два четыре. Это

истина. Она была справедлива до начала и будет справедлива после того, как все закончится.

После начала возникло до и после, появились время и пространство, а также Вселенная, которая их занимает.

Вселенная находится везде, но она стремится занять бесконечность, которая не может быть заполнена, потому что она бесконечна. Следовательно, Вселенная находится в состоянии расширения. Каждая ее точка удаляется от любой другой точки с постоянной скоростью.

Если принять одну из этих точек за центр, и допустить, что она неподвижна, то другие точки, разлетающиеся от нее во все стороны, будут двигаться с суммирующимися скоростями, то есть, чем дальше от центра находится точка, тем с большей скоростью она движется. Астрофизики хорошо знают это явление и даже смогли рассчитать соответствующие скорости. Наиболее удаленные от нас галактики, недавно обнаруженные на невообразимо больших расстояниях, удаляются от нас со скоростью, приближающейся к скорости света. Когда они достигнут ее, ничто, ни одна из разновидностей волн, испускаемых ими, даже сам свет не смогут достичь Земли. Эти галактики исчезнут из нашего мира, выпадут из нашей Вселенной, и никаким образом не смогут быть обнаружены.

Практически для нас они попадут в ничто. Они даже должны будут всенепременно оказаться в этом ничто, если верить формулам Эйнштейна. Но для этого необходимо, чтобы скорость была абсолютной величиной. Мы же знаем, что она является величиной относительной. Скорость сама по себе не существует. Скорость любого объекта во Вселенной существует и может быть измерена только по отношению к другому объекту. И наоборот. Можно сказать, например, что ракета улетает с Земли со скоростью V. Но можно считать и то, что ракета неподвижна и что это Земля удаляется от нее со скоростью V. И вся Вселенная разгоняется вокруг этой ракеты. Все это приводит к пониманию абсурдности известного парадокса Ланжевена и объясняет абсурдность его выводов.

Если рассматривать Землю как центр Вселенной, к чему мы обычно довольно легко склоняемся, в этот самый момент, когда вы читаете эту книгу, на расстоянии в миллиарды световых годов от книги и от вас какая-то галактика достигла скорости света относительно Земли, исчезла из вашего мира и попала в ничто.

Но эта галактика, в свою очередь, тоже является центром Вселенной, и для нее в этот самый момент именно мы, то есть вы и я, а также Земля, Солнце, Млечный путь достигнут предельной скорости и мы исчезнем…

Одновременно точно посередине между нами и той невообразимо далекой галактикой существует точка, от которой и мы, и галактика удаляемся с одинаковой скоростью и которая удаляется от нас и от галактики с одной и той же скоростью, но в разных направлениях. Мы видим эту точку удаляющейся от нас в направлении далекой галактики, и наблюдатель этой далекой галактики видит, как точка удаляется от него по направлению к нам. И точки, которые находятся справа, видят, как она удаляется влево, а те, которые находятся слева, видят, как она удаляется вправо. Аналогично, точки, находящиеся сверху, видят, как она опускается, а точки, находящиеся внизу, видят, как она поднимается. И все эти движения реальны.

Каждая точка Вселенной в одно и то же время является неподвижной и находится в движении – одновременно во всех направлениях и со всеми возможными скоростями.

Вселенная неподвижна для каждой своей отдельной точки и расширяется в целом. Она уже занимает все точки, которых может достичь в процессе расширения. Она занимает все пространство и тем не менее не перестает расширяться. Если бы она оставалась неподвижной, это означало бы, что она заключена в ограниченном пространстве, а мы знаем, что бесконечность не имеет пределов. Бесконечная Вселенная занимает бесконечность но не заполняет ее. Ничто не в состоянии заполнить бесконечность. Непрерывно расширяясь на протяжении вечности, Вселенная никогда не достигнет своих собственных пределов, потому что она уже находится везде.

Вселенная была создана в начале, но начало является постоянным. Она есть материя, энергия, пространство и время. От электрона до маргаритки, от камешка до галактики, она является нашей Вселенной, Вселенной, улавливаемой нашими естественными органами чувств или их продолжениями и лишь фрагмент от которой может осознать наш разум. Она является данной нам очевидностью.

47

Каждая частичка Вселенной, от микро- до макрокосмоса, является словом послания. Взаимоотношения между словами, атомы и молекулы, листья с ветвями, фруктами и корнями, кровь и кости, вес и падение, тот, кто ест и тот, кого поедают, звезды и Млечные Пути образуют всеобщий смысл, который мы сейчас уже не умеем расшифровывать ни в деталях, ни в равновесии его частей, ни в великой и простой очевидности всего.

Если прочесть стебелек травы, горсть земли, толпу прохожих, котенка, летние звезды, все это должно самым простым и самым глубоким образом привести нас к Познанию. Вселенная – это книга, которая пишется непрерывно и в полной ясности. Человек – это слово, фраза, глава этой книги, но он больше не умеет читать ни самого себя, ни

другие страницы. Своим телом животного он продолжает оставаться частью великой реки творения. Он капелька в потоке, который он пересекает и с которым связан их общей подвижностью. Он находится в нем всеми своими клетками. Но ему кажется, что своей мыслью ему удается освободиться от этой зависимости, чтобы стать свободным и исследовать реку, как ему захочется. Он утратил направление потока. Поток продолжает увлекать его, но человек уже не знает, куда.

Он придумал себе новые алфавиты, которые заставили его забыть азбуку Вселенной. Он разработал науки, которые заставили его забыть знание. Все его внимание обращено на видимость предметов и явлений, и он не улавливает их истинного смысла. Он подобен любопытному ребенку, который обводит пальцем контуры букв, которые не способен прочитать. Он взялся инвентаризировать все сущее, но не представляет, почему оно существует.

48

Главными кирпичиками, из которых построена наша Вселенная, являются атомы водорода. И не имеет значения, были ли они все сразу созданы в Начале начал, или они продолжают возникать непрерывно и повсеместно; рождаются ли они из пустоты, или образующие их элементарные частицы являются жестко заданной формой вечно существующей примитивной вневременной материи. Неважно, каковы тайны их возникновения и законы их существования. Вся материя имеет своим источником водород: пылающие звезды, каменные планеты, континенты с их водами и землями. И та микроскопическая клетка, которая начинает жить, которая выпускает уходящий в почву корень и становится деревом.

Ничто изменяется и становится атомом.

Атом изменяется и становится материей.

Материя изменяется и становится жизнью.

Корни дерева питаются почвой, и инертная материя становится живой материей, превращается в цветы, соки, запахи.

Животное поедает растение, поедает зерна и листья дерева, и материя становится крылом, кровью, глазом.

Человек поедает растение и животное, и материя становится мыслью.

Каким может быть продолжение?

Кто будет участвовать в нем?

Кто будет питаться человеком? Чем станут наши радости, наша переваренная кем-то любовь?

49

Превратившись во взрослого, способного логично рассуждать, сегодняшний человек больше не может верить в того инфантильного Бога, которого ему навязывают. И он больше не представляет истинного значения Имени.

Утратив понимание архитектоники Творения, не представляя места, которое он в этом Творении занимает, и цели, которая поставлена перед ним всем его существованием, человек отчаянно ищет смысл жизни. Он осматривается вокруг себя, но видит только смесь ужасов и чудес без какого-либо порядка и обоснования. Может быть, он и смог бы прочесть то, что записано в этом тумане из крови и золота. Но он утратил знание кода. Все кажется ему бессвязным; страдание не может искупиться, чудеса остаются бессмысленными и бесполезными.

У человека остается одна-единственная уверенность: он сам.

Он довольно смутно представляет особенности своего телесного и ментального существования. Он почти ничего не знает о себе, но он ощущает себя живущим.

Он дышит, он переваривает пищу, он прикасается к окружающим его предметам, он теряет кровь. Он знает, точнее, считает, что знает: это создание, которое является им, этот живой организм, что радуется и страдает, существует по меньшей мере от его начала и до его конца.

В результате он начинает верить в самого себя.

Но это не может завести его достаточно далеко: он приходит всего лишь к смерти.

В этот тупик неизбежно попадает человек, наш современник. Он беспомощно упирается носом в стену перед собой. Его ногти сорваны, пальцы кровоточат, но он продолжает попытки перебраться через эту стену или проделать в ней дыру.

Это лучше, чем отчаяние. Ведь не исключено, что стена в конце тупика не является непреодолимой. Тупик может неожиданно превратиться в начало пути.

50

Мы занимаем свое пространство и свое время. Мы живем здесь, мы выполняем свои обязанности, никогда не покидая свое пространство и время. Мы – рабочие, механики, инженеры завода без дверей. Мы всегда находились внутри него. Мы даже родились в нем. Мы не знаем, каким образом он был построен. Кем, когда и зачем. И мы не представляем, что изготовляет этот завод.

Пытаясь облегчить нашу участь, мы изменяем изначальную задачу механизмов, мы разрушаем некоторые из них и создаем другие, вызывая этим нарушения и несчастные случаи, не представляя, как это отразится на механизме в целом и на его конечной продукции. Важно лишь то, что мы получаем нужные нам материалы, которые мы используем, чтобы изготовлять одежду и продукты питания. Или чтобы сидеть на том, что получилось. Занимаясь этим, мы постепенно увлеклись механикой. И нам обязательно нужно знать, как функционирует завод. Нас не интересует, почему. Для нас имеют значение средства. И не важен конечный результат.

В учебных заведениях со строгой дисциплиной мы воспитываем специалистов, которым поручено произвести полную инвентаризацию завода. Каждый из них, занимаясь своей областью, пересчитывает маховики, поршни, шестеренки, болты, прессы, шпиндели, оси, цилиндры, клапаны, турбины, измеряет шаг резьбы у гаек, которыми фиксируется рукоятка метлы, прослеживает подведенные кабели, отмечает устойчивые связи между причиной и следствием, из которых выводят законы функционирования завода. Ведь если притормозить ротор, он будет вращаться медленнее; то, что помещается под паровой молот, оказывается сплющенным и так далее. Специалисты дают название каждому винтику, отмечают его размеры и вес на специальной карточке, указывают его положение на плане, его сходство или отличие от других винтиков на эволюционном древе, анализируют металл, из которого он сделан, определяют размеры слагающих его молекулами, изготовляют чудовищные устройства, на которых пытаются получать аналогичные молекулы. Может быть, проявив максимум усилий, изобретательности и, разумеется, при огромных материальных затратах и наличии везения, им удастся сделать весь винтик… Откуда берется энергия, необходимая для функционирования завода? Они не могут сказать, да это и не важно, потому что они научили нас, как использовать завод для удовлетворения наших текущих потребностей.

Что производит завод? Это не наша забота. Мы все лучше и лучше понимаем, как собраны механизмы и как они действуют, и мы ощущаем все более и более сильное удовлетворение. Не имеет значения, во что в конце концов превращается сырье, поступающее на завод. Конец конвейера находится за его стенами. Нас же интересует то, что расположено внутри.

Чем становится горсть земли, превратившаяся в траву, которая превращается в бифштекс, который превращается в человека, который превращается в мысль?

Не имеет значения, знаем ли мы, сколько листочков находится на стебельке злака, если мы знаем объем четырех отделов желудка жвачного животного, если мы можем определить время, необходимое для нервного импульса, чтобы проделать путь от мозга до руки Паскаля, который пишет свои «Мысли».

Но Кто построил Завод?

Очевидно, никто, потому что он уже существовал, когда мы появились на свет.

Ну, а вы, вы видели Конструктора?

Кое-кто тем не менее утверждает: было время, когда на месте завода находился пустырь. И тогда пришел Великий Прораб. Он хлопнул в ладоши, и появился завод. И он сказал рабочим: «За работу! И поживее!»

Но будьте осторожны! Мы не видим его, но он всегда присутствует, сидя на вершине высокой трубы. Он наблюдает за нами через застекленную крышу и фиксирует все происходящее! Если мы лодырничаем, если мы саботируем, то он вычеркивает нас из списков у вахтера и мы готовы для ночлежки. Но если ты послушен и старателен, то имеешь право на место в кемпинге на Лазурном берегу, где будет оплачиваться твой вечный отдых …

51

Среди живущих сегодня людей, занимающих это пространство и это время, есть те, кто вполне удовлетворен ежедневно достигаемым прогрессом в инвентаризации их Вселенной.

Есть и те, кто пользуется расположением Великого Прораба на вершине трубы.

Но есть люди, все более и более многочисленные, которые не могут удовольствоваться составлением каталогов внешних свойств предметов и существ, которые не могут верить в Деда Мороза. Люди, сознающие, что не знают самого существенного и верящие, что познать его, найти его вполне возможно.

Но найти его – где? Найти его – как? Я не знаю. Если бы я знал, я бы кричал об этом на каждом углу.

52

Иисус сказал законникам:

«Горе вам, законники, потому что вы похитили ключ к знанию! Вы сами не вошли, и тем, кто хотел войти, вы помешали» (Лука, 11-52).

53

Но где находится дверь, которая открывалась этим ключом?

В какой точке Вселенной?

Она может быть только повсюду.

Бог не может находиться вне своего творения. Творец должен находиться внутри сотворенного, быть пленником своего произведения, которое он заполняет и которым он полон; он сливается с ним.

Задолго до возникновения христианства знак креста использовался для того, чтобы символически изобразить творение. Воля к творению (вертикальная нисходящая линия) проникает в несотворенное (горизонтальная линия); результатом является крест, то есть творение. Или же, если мы ограничим содержание символа: дух (вертикаль) опускается в материю (горизонталь) и результатом (крест) является жизнь.

В наиболее узком смысле знак креста может быть интерпретирован и таким образом: мужское начало (вертикаль) проникает в женскую сущность (горизонталь) и результатом (крест) является живое человеческое существо. Человек, тело которого ориентировано вертикально, когда он стоит, перечеркивается горизонталью его раскинутых в стороны рук – это живой знак креста.

Дух божий проникает в Марию и в результате появляется Иисус.

Мария – женщина, мать, море, материя. Иисус – мужчина, жизнь, творение, творец в сотворенной им же форме. Он видит, что с момента его зачатия крест со всеми своими значениями уже находится у него за плечами.

Распяв Бога на кресте, который есть образ творения и символ акта творения, христианство, несомненно, стремилось постоянно напоминать нам, что творец, создавая, соединился со своим творением.

Следовательно, он находится повсюду в реальности, как той, которую мы воспринимаем, так и в той, которая находится за пределами нашего восприятия. И, поскольку его нельзя ни в чем ограничить, его невозможно разделить, когда мы разделяем сотворенное. Следовательно, он является цельным в любой своей части. Любой атом, подобно галактике, содержит в себе бесконечность со всеми ее законами.

Бог есть целое в каждой частице своего творения. Он есть целое в каждом создании.

Внимание! Он весь находится в тебе!

Он находится во мне!

Да, далеко же мы продвинулись, как же…

Ты ощущаешь это?

Ты, ноль…

54

Если Бог находится везде, то везде находится и ведущая к нему дверь. В розе, в котенке, в утренней звезде.

Но наиболее близкой к человеку дверью является сам человек.

«Познай самого себя».

Эти слова, начертанные на фронтоне храма в Дельфах, нельзя рассматривать как неопределенный совет некой туманной философии; нет, они точно указывают путь, маршрут которого познается в этом месте. Жрец брал верующего за руку и помогал ему продвигаться вперед, день за днем, все дальше и дальше внутрь храма. Храмом, в который проникал верующий, был он сам. Культы, мистерии – все это было приемом обучения в наиболее строгом рациональном смысле этого слова, какое только можно придать ему сегодня. Преподававшаяся в храме наука – свет храма – позволяла человеку заглянуть в себя. Похоже, что с тех пор еще не все источники света погасли.

«Если свет в тебе есть мрак, какой это будет мрак!» (Матфей, 6-22).

Сегодня нам остались только угасшие храмы, в которых служители Церкви, вместо того, чтобы объяснить человеку, в чем и как он является образом Бога, приказывают ему почитать божество, приниженное до человеческого уровня.

От действенных ритуалов остались только автоматические жесты и бесполезные слова. И тайна, которая помогала понять, превратилась в запрет понимать.

Человек, который ищет свет, с печалью отворачивается от темных храмов. И все же он знает, что свет существует. Именно это не позволяет ему умереть во мраке от отчаяния.

55

Множество людей запада, обескураженных тем, что Церкви сотворили с их религиями, отправляются на Восток на поиски открытых путей. Не похоже, что кто-нибудь из них нашел желаемое.

Если бы где-нибудь имелся открытый путь, человечество ринулось бы по нему столь же неудержимо, как вода из водонапорной башни устремляется в открытый кран.

Вот что люди Запада смогли открыть людям Востока: внутри человека есть дверь, о которой он полностью утратил воспоминания. И эта дверь остается закрытой, как дверца сейфа. Разница между человеком запада и человеком востока заключается в том, что первый поворачивается спиной к бронированной двери, в то время, как второй, сидя перед дверью на пятках, медитирует и ждет, что она откроется сама собой.

«Горе вам, законники, потому что вы похитили ключ…»

Горе нам, у кого перед носом захлопнули дверь.

56

Пути к Богу потеряны.

Бог может быть сейчас доступен только для авантюристов.

Но на одного, добравшегося до цели путешествия, сколько приходится заблудившихся в дебрях слов, хитростей, экзальтированности, умиления, глупостей!

Религии когда-то наметили пути к реальному через дебри видимостей. Пути, по которым могли пройти все, пути, по которым каждый мог продвинуться вперед так далеко, как ему позволяли силы и желание.

Но пришли Церкви, которые претендовали на то, чтобы рассадить пассажиров по машинам и регламентировать их путешествие. Машины и регламент стали более важными, чем само путешествие. Чтобы более надежно утвердить порядок среди путешественников, пришлось остановить автобус. Вскоре вообще забыли, куда он направлялся. Девственный лес затопил дорогу.

57

Похоже, что человечество, размножаясь и распространяясь, принялось тянуть истину во все стороны. В результате они разорвали истину на куски, и в наших руках остались лишь жалкие обрывки.

Но любой фрагмент есть образ всего, и если в принципе нельзя считать совершенно бесполезной попытку соединить отдельные обрывки, то лучше всего все-таки нам может помочь именно тот обрывок, который нам знаком лучше других.

Поэтому именно в христианстве, в котором был воспитан христианин, в буддизме для буддиста, в иудаизме для еврея верующий будет чувствовать себя наиболее удобно, чтобы возобновить паломничество к Истине.

Только по пути, проходящем через его страну, каждый путник сможет продвигаться вперед с наибольшей легкостью. При этом ему придется прорубаться с помощью мачете через преграждающие ему путь словесные привычки. «Придать более чистый смысл словам племени?» Нет, найти вновь прежний, первоначальный смысл.

58

Мое мачете для того, чтобы пробиваться через заросли – это разум. Я не могу, я не могу поверить ни во что иное, кроме того, что мне было показано или доказано. И я обвиняю Церковь в том, что она лишила меня Бога, потому что она не может мне его показать или доказать. Когда они заявляют, что Бога невозможно показать или доказать, они доказывают только невежество, в котором они погрязли.

Церковь теперь не является домом Бога, она превратилась в дом морали, где излагают правила, которые ни в коем случае не должен нарушать человек, если он не хочет отказаться от вечной жизни. По сути, эти правила не способны ни приблизить, ни отдалить человека от Бога. Это просто правила, предназначенные сделать возможной жизнь в обществе и не дать разрушиться структуре человеческих объединений. У каждой Церкви имеются свои собственные правила, соответствующие обычаям общества, внутри которого они возникли. Они необходимы для

поддержания совместной жизни, но не имеют ничего общего с богоискательством.

Для нас, верующих, адептов Священного Писания, предательство началось с Моисея (Исход, 34-29, 30, 31, 32, 33). Там совершенно отчетливо сказано:

«Когда Моисей спустился с горы Синай, у него в руках были две таблицы Свидетельства; спустившись с горы, он не знал, что его лицо светилось после беседы с Яхве. Аарон и все дети Израиля увидели Моисея, и лицо его светилось, и они не решились приблизиться к нему. Моисей подозвал их. Тогда Аарон и все вожди общины подошли к нему, и он обратился к ним со словом. Потом все дети Израиля приблизились к нему, и он предписал им законы, которые передал ему Яхве на горе Синай. Когда Моисей закончил свое обращение к ним, он набросил покрывало на свое лицо. Когда он вставал перед Яхве, чтобы беседовать с ним, то снимал покрывало с лица, пока находился в шатре. Выйдя из шатра, он передавал детям Израиля все, что ему было приказано передать им, и дети Израиля видели, как светилось его лицо. Потом Моисей набрасывал покрывало на свое лицо и сохранял лицо закрытым до очередного посещения шатра для беседы с Яхве».

Я позволил себе подчеркнуть некоторые слова, которые излагают суть драмы.

Напомним прежде всего, что священная гора, на вершине которой избранник встречался с Богом, это универсальный символ, встречающийся на всех этапах жизни человечества и во всех цивилизациях. Идея подъема, высокого духовного положения, достигнутого после длительных усилий, и вершины, то есть достигнутой цели, когда больше нет необходимости в дальнейших усилиях, когда ты находишься над миром и видишь с вершины весь мир, эта идея достаточно ясна и очевидна, чтобы проявиться повсеместно в одной и той же форме, если, конечно, она не является результатом одной и той же традиции. Я ничуть не претендую – я вообще ни на что не претендую ни на одной странице этой книги – на то, чтобы отрицать материальность Синая. Вполне возможно, что Моисей действительно восходил на эту гору. Но любое действие, любой факт, любой жест могут быть отображены символами, имеющими универсальный смысл. В действительности поднимался Моисей на Синай или проделал это символически, это одно и то же. Перейдем к спуску.

«У него в руках были две таблицы Свидетельства».

Две таблицы? Почему две?

Значит ли это, что Моисею для записи текста оказалось недостаточно одной таблицы, и он был вынужден использовать вторую? Подобная интерпретация представляется довольно наивной. Эта вещественная деталь, не имеющая никакого значения, не должна была сохраниться и постоянно повторяться, как это происходит в изложении эпизода с Синаем. К примеру, кого интересует, сколько потребовалось страниц, чтобы записать американскую конституцию? Есть только одна Конституция. И есть две таблицы Свидетельства. Здесь явно имеет значение не количество, а качество. Есть две таблицы, а не одна потому, что эти таблицы различны. На этих таблицах были записаны разные послания.

Впрочем, во время своего первого пребывания на вершине Синая Моисей получает от Яхве «две таблицы Свидетельства, написанные рукой Бога».

Совершенно очевидно, что «рука Бога» не нуждалась в двух таблицах, чтобы записать послание. Не менее очевидно и то, что если придерживаться вещественной интерпретации, Моисею, который сам записал таблицы во время своего второго пребывания на Синае, не удалось бы обойтись только двумя таблицами, потому что у него был настоящий моральный, гражданский и уголовный кодекс, с детальным изложением всех статей, многостраничный том, который он должен был передать «детям Израиля».

Если придерживаться буквы Священного писания, то мы приходим к невероятному заключению. Мы должны принять информацию в том виде, в каком она излагается для нас: было две таблицы, то есть два послания.

Захватив с собой две таблицы, Моисей возвращается к своему народу.

«Он не знал, что после беседы с Яхве его лицо светилось».

Очевидно, этот текст тоже не следует понимать буквально. Лицо Моисея не превратилось в фонарь. Этот образ означает лишь то, что через посредство Моисея свет был передан евреям. Это также означает, что человек, открывший в себе двери для света, не может вести себя так, как раньше. Отныне его образ жизни, его образ существования озаряет окружающих таким светом, что они видят себя такими, какие они есть на самом деле, и этого они вынести не в состоянии. Они или спасаются бегством, или разрушают этот невыносимый свет, убивая его носителя.

Вся история человечества переполнена убийствами людей, несущих свет, начиная с Иисуса, и на протяжении тысячелетий после него.

Оказавшись перед ликом Моисея, «дети Израиля» ограничиваются тем, что отворачиваются от него. Они не осмеливаются приблизиться к нему. Но Моисей знает, что он не должен оставить себе двойное послание. Он настаивает:

«Моисей призвал их».

Но ни один из простых людей не сдвинулся с места. Только Аарон и все вожди общины подошли к нему.

Но мы знаем (Исход, 20-9, 10, 11), что Аарон и старейшины Израиля совершили с Моисеем часть восхождения на Синай, то есть часть духовного путешествия. До конца, до «вершины», которой не смогли достичь его товарищи, добрался один Моисей.

Но если они и не смогли получить свет, они искали его, они просили его, следовательно, они были готовы принять его и понять того, в ком этот свет уже находился.

Поэтому Аарон и старейшины отправились к Моисею, и тот обратился к ним со словом.

Вы улавливаете разницу со следующей фразой: осмелевшие благодаря присутствию своих вождей, стоявших между ними и Моисеем, «все дети Израиля приблизились к нему и он сообщил им приказы, которые отдал ему Яхве на горе Синай.»

Следовательно, первым было передано Слово. Вторым – Приказы. Несомненно, эти два совершенно различных послания символизируются двумя таблицами.

Резюмируем сказанное выше. Итак Моисей поднялся на вершину горы Синай, достигнув таким образом высочайшего для человека состояния; там он видел и слышал Бога, то есть ничто во Вселенной не осталось для него скрытым или непонятным.

Тот, кто был озарен подобным светом, не может предпринять ничего иного, как начать просвещать других. Поэтому Моисей хочет передать своему народу то, что он узнал, и показать ему путь, по которому он прошел. Он призывает свой народ, но тот отказывается приблизиться. К нему подходят только те, кто тоже пытался найти свет. И вот именно к ним Моисей обращается со словом. А тем, кто не захотел приблизиться, он отдает приказы. Затем…

«Когда Моисей закончил свое обращение к ним, он набросил покрывало на свое лицо».

Все кончено. Отныне для тех, кто не захотел приблизиться, свет навсегда будет закрыт. Потому что тот, кто не пытается достичь его, не способен его принять.

Моисей закрыл свет, исходивший от его лица. Он позволял увидеть его только «когда выходил из шатра», где он беседовал с Яхве, и только для того, чтобы все знали: этот свет существует. Потом он снова набрасывал покрывало на свое лицо. Тот, кто хотел стать просвещенным, должен был подойти к нему и приподнять покрывало…

Таким образом, отныне в Израиле были люди двух категорий: те, кто получил Слово и стал передавать его от поколения к поколению, и те, кто получил только приказания. Но лицо Моисея оставалось сияющим под покрывалом и доступным для тех, кто хотел приблизиться к нему и приподнять покрывало.

Следовательно, это эзотерическое приобщение к мудрости, символизируемое сияющим под покрывалом лицом, говорит, что мудрость не должна была оставаться скрытой и недоступной; напротив, она с радостью передавалась всем, кто хотел этого.

История еврейского народа и его религии показывает, что так продолжалось недолго. И это вызвало необходимость появления в еврейском обществе другого носителя света, который сказал:

«Разве лампа существует для того, чтобы прятать ее под кроватью, держать под спудом? Разве она не создана для того, чтобы повесить ее как светильник?» (Марк, 4-21).

«Ничто не бывает столь скрытым, как то, что не должно быть показано; нет ничего тайного, что не должно стать явным» (Лука, 12-2).

«Горе вам, законники, потому что вы похитили ключ к знанию! Вы сами не вошли, и тем, кто хотел войти, вы помешали» (Лука, 11-52).

Те, кто «похитил ключ к знанию», потеряли его. Потому что тот, кто не передает Истину дальше, утрачивает ее. Тяжесть эгоизма заставляет его свергнуться с Синая.

Но свет, который принес Иисус, тоже был сокрыт. У еврейских законников нашлись достойные христианские последователи. Лампа была вновь спрятана, для нее оказалось недостаточно кислорода, и если она не полностью погасла, как можно было опасаться, она должна была коптить, дымить, и жалкий язычок огня колебался в агонии.

Подобно лицу Моисея, лицо Иисуса оказалось закрыто покрывалом. Те, кто вещает от его имени, ничему не могут научить нас, ничего не могут объяснить нам, ничего не могут сказать нам, кроме того, что нужно верить и не следует пытаться понять.

Теперь это просто невозможно. Человечество переросло возраст, когда хочется разглядеть в тумане лик Деда Мороза. Оно достигло школьного возраста, и учители каждый день показывают ему невероятные вещи, которым оно верит, потому что они были показаны и доказаны. Оно начинает отдавать себе отчет в огромности своего невежества, у него появляются мысли, что нельзя быть уверенным в том, что представляется очевидным, что реальность может находиться за пределами нашего восприятия. Оно готово двигаться к этой реальности, и уже не может принять объяснения, которые нам предлагает Церковь.

Рассказываемая Церковью история, в которую она хочет заставить нас поверить, история, лишенная своего первоначального смысла, оторванная от света, некогда освещавшего ее глубины, предстает сегодня перед нами как старая пыльная сказка, которая не в состоянии ответить на наши вопросы, не может удовлетворить наш разум, не способна успокоить наши страхи.

И все же именно в этом направлении должен вестись наш поиск. Именно за этими древними ликами, за этими изъеденными молью бородами, за этими выцветшими декорациями, за нагромождениями буфетов с вареньем находится сундук, в котором была спрятана лампа, когда-то излучавшая свет истины, и которая, может быть, все еще не погасла.

59

Моисей хотел принести две «таблицы» своему народу, но люди не захотели подойти к нему, и Моисей спрятал под покрывалом свое сияющее лицо.

Иисус хотел принести «благую весть» своему народу, но народ убил его. И те, кто находился вместе с Иисусом,

поместили его в могилу.

Покрывало, сундук, могила… Суть всегда одна и та же. Свет истины скрывается теми, кто обязан его распространять. Но есть опасность, что спрятанный свет погаснет: могила Иисуса оказалась пустой. Мария Магдалина причитает: «Кто-то похитил Господина из могилы, и мы не знаем, куда его поместили».

Мы тоже не знаем этого.

60

Подобно тому, как Моисей обратился со Словом только к старейшинам, которые поднимались вместе с ним по склонам Синая, Иисус предстал после того, как его поместили в могилу, только перед своими учениками.

У старейшин и учеников была одна и та же обязанность: сохранить свет, передать его всем, кто хочет приобщиться к нему. Но последователи учеников Иисуса создали Церковь, чтобы поместить туда свет и сберечь его. Они спрятали его в подвале, где не должно быть сквозняков. И любопытных…

И последователи этих последователей, безмерно возвеличив Церковь, возведя гораздо более толстые стены, умножив пристройки, создав тайные укрытия, забыли о горящей в подвале лампе. Поэтому мы и знаем из двух посланий, полученных Моисеем, только то, в котором содержатся приказы или законы. Требования, которые следует выполнять под угрозой наказания.

Моисей в роли проверяющего условия контракта…

Строки, выгравированные на второй таблице, продолжают до наших дней связывать между собой всех людей Запада.

Даже в тех случаях, когда они относятся друг к другу как к омерзительным врагам, когда они с остервенением режут друг друга, ими управляет один и тот же Закон, который сохранился на протяжении тысячелетий и подчинил себе половину мира.

Но Закон – это не Знание.

Заповеди – это не наставления.

Чтобы уроки были эффективны, преподаватель может и должен добиться порядка в своем классе. Но если он тратит все время лишь на то, чтобы дисциплина в классе соблюдалась должным образом вместо того, чтобы передавать ученикам свои знания, он перестает быть учителем и превращается в надсмотрщика.

Что касается Великого Вечного Покоя, который он обещает примерным ученикам за их хорошее поведение и уважительное отношение к главному надзирателю, то кто может принять его всерьез?

Какой интерес будет представлять для кого угодно, в том числе и для него самого, вечная жизнь какого-то Баржавеля или какого-то Дюпона? Вечный Дюпон, нержавеющий, неразрушимый Баржавель – вы способны представить это? Это может соблазнить вас? Вам понравится находиться в компании с ними? Да еще на протяжении вечности?

Это несерьезно.

Может быть, это и имело бы смысл, скажем, для розы…

Но мы знаем, сколько времени она может продержаться.

Вот хороший пример «словесной привычки», на которую должна обрушиться молния поиска и разума: каким был в самом начале точный смысл выражения «вечная жизнь» до того, как оно было переведено сначала на иврит, затем на греческий, потом на латынь, потом на французский? Несомненно, он сильно отличался от того, который распространился для использования выражения бедными потерянными людьми, которые уже не знают, что такое жизнь и позволяют запугать себя идеей смерти.

Другой пример, с которым мы уже познакомились раньше, это знаменитая сентенция Екклезиаста: «Суета сует и всяческая суета».

Это всего лишь горький вздох, выражение разочарования, грустное замечание о незначительности интереса, который представляют, если подумать, все блага и удовольствия нашего мира.

Это выражение, рассмотренное с этимологической точки зрения и проанализированное с максимальной точностью, представляется нам как утверждение, что мир в том виде, в котором он доступен нашим чувствам, наш мир есть ничто иное, как пустота. Современные ученые констатируют с ужасом, что человек, написавший три тысячи лет тому назад, если не больше, эти строки, знал об этом.

«Пустота в пустоте, и все есть пустота».

Вот что было написано в оригинале. Перечитайте Екклезиаста, придав его фразе этот смысл, а не то неопределенно меланхолическое и не имеющее глубокого содержание общепринятое значение.

Вы не сможете не увидеть, какую глубину, какой удивительный резонанс приобретает весь текст. И вы сможете оценить, какой деградации он подвергся на протяжении тысячелетий, когда бесчисленное количество раз менялись языки, распространялись невежество и фальсификации.

Это должно быть справедливо по отношению ко всем древним текстам, начиная с первого слова Книги Бытия и кончая последним словом Апокалипсиса.

61

«И тогда Бог Яхве наслал глубокий сон на мужчину, который заснул. Он вынул у него из груди одно ребро и закрыл плоть на его месте. Потом из ребра, извлеченного из мужчины, Бог Яхве создал женщину…» (Книга Бытия, 2-21, 22).

Заметим прежде всего, что начало этого отрывка является точным описанием хирургической операции: анестезия, собственно операция, закрытие выполненного при операции разреза. Это позволяет предположить, что автор текста, живший пять или шесть тысяч лет тому назад, был членом общества, в котором операции под общей анестезией были делом привычным. Действительно, для изложения того, что он хотел сказать, он мог прибегнуть только к понятиям, понятным его современникам. Это может удивить только тех ученых, которые искренне считают себя первыми действительно цивилизованными людьми, появившимися наконец после длинной последовательности обезьян и дикарей.

Гораздо более удивительным представляется этот мужчина, у которого теперь недостает одного ребра. Поскольку речь идет о строении тела именно мужчины, типичного мужчины, все его наследники мужского пола должны были иметь на одно ребро меньше. Мы знаем, что это не так.

Но наука установила, сравнительно недавно, что у мужчин действительно кое что имеется в меньшем количестве, чем у женщин.

Тот, кто видел микрофотографию делящейся клетки, не мог не поразиться расположением в ядре клетки удвоенного набора хромосом. Хромосомы располагаются симметрично по обе стороны линии раздела клетки, подобно тому, как располагаются ребра относительно позвоночного столба. Сосчитаем хромосомы. У женщины их окажется 23 пары. А сколько у мужчины? 22 полных пары и одна неполная…

Сначала полагали, что у мужчины имеется только 45 хромосом. Когда исследователи рассмотрели клетку внимательнее, с помощью более мощных микроскопов, выяснилось, что 46 хромосома отсутствует не полностью: от нее сохранился небольшой обрывок.

Полной хромосоме биологи дали название X-хромосомы, а обрывку – Y-хромосомы. В двойном ряду парных хромосом женщина имеет последовательность пар XX, полных и симметричных. У мужчины последняя пара оказывается ущербной: XY.

Известно, что хромосомы – это носители наследственности. Именно они несут приказы жизни, вида, расы, семьи, индивида. Что же происходит в половых железах мужчины, когда начинается деление клеток, чтобы дать начало двум сперматозоидам? Два сперматозоида поделят между собой все пары хромосом, включая последнюю пару, содержащую X и Y хромосомы. Один из них получит хромосому X, другой – хромосому Y. Сперматозоид X со всеми полными хромосомами, если ему удастся оплодотворить яйцеклетку, даст начало развитию девочки, все клетки которой будут иметь 23 пары хромосом, полных и симметричных.

Сперматозоид Y, который имеет 22 полных и одну неполную пару хромосом, даст начало рождению мальчика, все клетки которого будут иметь одну пару хромосом неполноценную и несимметричную. Так и хочется написать: ампутированную…

Я не подгоняю факты, я не жульничаю, чтобы то немногое, что я знаю в этой области, соответствовало какой-то предвзятой идее. Вы можете проконсультироваться с любым справочником по генетике, и вы увидите, с поддержкой графиков и фотографий, только следующую очевидность:

Именно хромосома X, полная хромосома, источником которой является мужчина, дает начало развитию организма женщины. И именно одной хромосомы X недостает мужчине.

Замените слово «хромосома» словом «ребро», и вы получите библейский рассказ, описание события, значение и необходимость которого мы не понимаем, и для которого наши микроскопы дают только механизм.

В Начале Бог взял у мужчины хромосому, чтобы создать женщину. Начало продолжается. Бог продолжает свою операцию. Кто есть Бог? Может быть, это План? Закон? Необходимость?

Это Бог. И другого имени не будет, пока мы не найдем истинное, забытое нами имя.

62

Мы должны начать с попытки восстановить подлинные слова Книги.

Например, какое слово находилось на месте слова «ребро» в тексте, написанном на латыни? Мой словарь дает мне слово «costa», имеющее тот же смысл и означающее «ребро». Очевидно, название имеет отношение к положению ребра (во французском языке слово «ребро» означает то же, что и «сторона» – Примечание перев.).

Можно полагать, что если бы хромосомы были названы нашими латинскими отцами, они могли бы носить то же название, что и название кости из Библии, потому что они, в момент своего обособления в ядре клетки, также располагались «с каждой стороны».

Хромосомы столь же стары, как и жизнь, но наука обнаружила их совсем недавно, и название, которое они получили, имеет отношение к их способности удерживать краситель, которым пользуются, чтобы сделать их доступными для наблюдения под микроскопом. Хромосома – от греческого "chroma" – цвет и "soma" – тело.

Это весьма недавно появившееся искусственное слово, возникшее в известной степени случайно.

Как бы назвал хромосому человек, описавший эпизод с ребром Адама, если бы ему пришлось назвать ее? По форме? По положению? По функции?

По форме и по положению, как мы видим, ее можно было бы назвать так же, как и ребро, потому что хромосомы, как и ребра, искривлены, и в решающий момент их существования, когда они обособляются и делятся, чтобы передать жизнь и ее приказы, располагаются парами, симметричными относительно оси.

Если бы название основывалось на функции, то автор мог бы опереться на то, что хромосома передает характеристики линии живущих. Это носитель форм жизни, может быть, вообще самой жизни.

Эпизод с ребром Адама, изложенный в Библии, безусловно, основывается на устном предании, древность которого мы не можем даже предположить. Аналогичный текст был обнаружен также на глиняных табличках из Шумера, которые, по-видимому, являются более древними, чем Библия. И у термина, использованного для обозначения того, что было изъято у Адама, есть еще один смысл: жизнь.

Может быть, в написанном на иврите библейском тексте, в греческом или арамейском текстах вместо слова "ребро" использовано слово, обозначающее одновременно кривую и ребро, жизнь и передачу жизни, причину и форму жизни. Я не знаю, так ли это, потому что не знаю ни арамейского, ни греческого, ни иврита, ни даже латыни. С большим, очень большим трудом – французский. Я всего лишь средний человек, который знает совсем немного, но который испытывает яростное желание узнать больше.

63

Я не специалист по Библии, я не провел половину жизни, склонившись над ее страницами. Как и многие из вас, я пробежал ее пару раз, потом время от времени открывал то тут, то там. Я знаю ее не лучше, чем «Трех мушкетеров» и гораздо хуже, чем «Стрекозу и муравья».

Несколько только что прочитанных вами страниц, следовательно, не являются результатом длительных исследований, и во время их написания у меня отнюдь не валил дым из ушей. Это только некоторые сопоставления, которые случайно возникли в моей голове при прочтении отдельных эпизодов или фраз из Библии, которые знакомы практически всем, и их сравнении с научными фактами, доступными любому читателю научно-популярных журналов.

Я не посещаю ни Центр ядерных исследований, ни синагогу, я не кюре, не пастор, не ученый: я просто школьник, который ищет дорогу к школе. И я говорю себе, что если я, человек, почти ничего не знающий, все же смог случайно обнаружить сопоставления между древними текстами и данными современной науки, то чего можно ожидать от коллектива целеустремленных исследователей, имеющих соответствующие знания и стремящихся разобраться в предмете моих интересов? Я мечтаю увидеть, как этими вопросами занимается целая академия ученых самых разных дисциплин – физиков, химиков, атомщиков, биологов, математиков, астрономов, электронщиков, историков, археологов, специалистов по древним языкам, еврейских теологов, католиков, ортодоксов, протестантов, мусульман, всех, свободных в своих мнениях, лишенных научного или религиозного фанатизма, готовых признать и принять все, что сделало очевидным или доказало сочетание их разносторонних знаний.

Какой новый смысл или, скорее, какой древний смысл могли бы тогда получить древние слова!

Очень немногое из того, что нам известно о истоках египетской цивилизации, матери всех западных цивилизаций, позволяет высказать предположение, что было время, когда у человечества не было раздельных науки и религии; их соединение образовывало то, что мы можем назвать Знанием. Ведь что такое, в действительности, наука, как не способ приближения к познанию всего сущего? И разве тот, кто знает Бога, не знает все сущее?

Только сближение и соединение религии и науки может дать нам надежду, что это утраченное знание может быть однажды возвращено. Но мы не можем никоим образом принять, несмотря на наши устремления, на наши открытые знанию сердца, на ужасную жажду знаний, ни жалкие нравоучения, за которые отчаянно цепляется Церковь, ни туманный мистицизм, которые она предлагает самым требовательным. Пустые, искусственно сохраняемые мифы, похожие на тело, лишенное крови и сохраняемое благодаря применению благовоний: высохшая мумия, карикатура на когда-то цветущий организм.

При условии, что мы не пытаемся заставить себя принять высохшую кожу за горячую нежную плоть, она может сыграть свою полезную роль: вызвать у нас раздирающее сожаление об исчезнувшей жизни, побудить нас искать под ее зачерствевшей гримасой то, что было невыразимой улыбкой истины, подобием которой она была создана.

64

Моя мать была протестанткой, а отец, бесконечно дорогой мне замечательный человек, был одновременно и католиком, и свободомыслящим. Ему довелось немного походить в школу, в основном, зимой, когда из-за плохой погоды овец и коз не выгоняют на пастбище, и маленький пастух не нужен.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, любивший его отец взял сына за руку и отправился с ним пешком за двадцать семь километров в городок, где отдал в учебу пекарю.

Таким образом, он уже в юном возрасте научился месить руками тесто. Он стал сначала просто хорошим, потом отличным, наконец, замечательным пекарем. Он выпекал лучший в мире хлеб и более чем гордился этим – он был доволен. Если бы я мог верить воскресным историям, то я думал бы, смягченный и утешенный, что сегодня он занимается тем, что выпекает хлеб в раю.

Он был простодушен, наивен и щедр. Несмотря на эти его качества, характеризующие его как идеального «верующего», он никогда не «верил», потому что это не казалось ему достойным веры. Впрочем, это действительно так.

Прожив долгую трудовую жизнь, которая оставила его таким же бедным, как и в день двенадцатилетия, он скончался от быстро прогрессирующего рака после сорока восьми часов агонии, оставаясь до конца в полном сознании. В минуты, когда ему становилось особенно плохо, я брал его за руку и тихонько говорил: «Тебе нужно перетерпеть несколько тяжелых мгновений. Тебе скоро станет лучше…»

Он уже не мог говорить, но понимал все, что я говорил ему, и кивал головой. Он соглашался со мной.

Не пытаясь лгать ему, но с осознанной неопределенностью, я протянул ему двойную возможность утешения. Он мог отказаться или согласиться в материальном отношении, или же почувствовать смутную надежду. Но я понимал: он знает, что его ждет. Однажды утром, когда он еще мог говорить, он сказал с уверенностью: «Сегодня вечером я умру». Он, не веривший, что ему зарезервировано «где-то там» более или менее теплое местечко, на что он был согласен? Что лучше быть мертвым, чем агонизирующим? Было ли это его единственным убеждением? Или, когда тебе повезло умереть в полном сознании и не испытывая страха перед смертью, у тебя наконец появляется возможность, отрешившись от всего, даже от любви близких, понять, что тебя ждет?

И тогда он легким движением оттолкнул мою руку и продолжил свой путь в одиночку.

65

Мой отец ребенком пел в детском церковном хоре. Старичок-кюре из Беллекомба, говоривший на корявом местном наречии и знавший кроме него только латынь, обращался с малышом так, как в этих унылых горах принято вести себя с новообращенными и тощими местными овцами: он орал на него и время от времени награждал пинком ноги в мягкое место. Это ничего не показало и ничего не доказало ему. Как только он стал независимым человеком, добывающим пропитание умелой работой своих рук, он записался, чтобы доказать, что его дух столь же независим, в общество Свободной Мысли. Я помню, как мимо нашего дома, когда я был еще ребенком, проходила траурная процессия, хоронившая одного из свободно мыслящих. В похоронах участвовало всего трое: барабанщик местного оркестра, несший трехцветный флаг, мой отец и сам усопший. Они прошли по пустынным деревенским улочкам под единодушно возмущенными взглядами обычно враждовавших протестантов и католиков, создававших на залитых солнцем улицах атмосферу ледяного осуждения.

Кто их этих двух лагерей – мгновенно объединенного скандалом двухпартийного населения и трех наивных людей, независимо повернувшихся спинами к зрителям, всех этих «благонамеренных» с одной стороны и «свободно

мыслящих» с другой (из трех последних двое еще мыслили, в отличие от третьего), кто мыслил как подобает, чтобы когда-нибудь начать мыслить о том, о чем нужно?

Первоначальное объяснение ситуации с двумя таблицами Моисея, разница между изложением эзотерической Истины и публичным объяснением религии, основанной на этой Истине, подтверждает, что суровую Истину трудно принять, и она должна быть приукрашена, чтобы стать более привлекательной и доступной для большинства.

Но постепенно Истина съеживается и становится жалкой внутри созданной декоративной оболочки, которая превращается в ничего не содержащую мишуру.

И когда даже самые наивные души, для которых специально создавалась эта мишура, все же приходят к пониманию ее сути и перестают воспринимать ее всерьез, она начинает играть роль, противоположную той, для которой была создана: она больше не привлекает сторонников, а отталкивает их.

Поскольку никто не может полностью раскрыть обман, приходится потерять всякую надежду, что люди возненавидят его и восстанут против него, как против отвлекающего приема, пытаясь найти в существующей реальности не только правду, но Истину. Тем не менее, почти половина человечества уже начала отворачиваться от этого обмана, а для девяти десятых второй половины религия давно превратилась в смесь ментальных привычек, моральных правил, различных обязанностей и социальных запретов, а также неопределенных гарантий после смерти.

Остается одна десятая второй половины, которая верит, ни о чем не задумываясь, верит всему, что ей говорится в той или иной части света..

Но человечество в целом верит, что дважды два будет четыре, потому что это очевидно. Нужно вновь отыскать путь, дорогу, средство, воспитание, методы, которые вернут человечеству очевидность существования Бога, столь же неоспоримую, как дважды два.

Речь не идет о том, чтобы создать новую религию; напротив, нужно со всей верой обратиться к уже существующим религиям и проникнуть в них до наиболее древних, наиболее сокровенных структур, чтобы попытаться вновь отыскать там истину, о которой они забыли.

66

При отце-католике и матери-протестантке я был крещен как протестант и получил протестантское воспитание. Но пастор показал и доказал мне отнюдь не больше, чем это сделал кюре для моего отца.

Когда настало время моего первого причастия, которое у протестантов приходится на четырнадцатилетний возраст, я достиг уже роста новобранца, и мне показалось стыдным выйти на всеобщее обозрение среди моих одногодков, которых я перерос на полторы головы. Вся деревня будет пялиться на меня в то время, как я буду жевать кусочек хлеба и запивать его глотком вина. Этот торжественный прием пищи мне казался смешным и нелепым. Мне объяснили, что эту сцену нужно считать памятью о последнем завтраке Иисуса, который принял смерть за меня. Но я не мог понять, почему Иисус умер за меня, чтобы искупить мои грехи – я не нуждался в чьей-либо смерти. Я ощущал себя совершенно невинным. Не понимал я и то, почему нужно было благодарить его, поедая кусок хлеба на глазах у всех кумушек округи. Я отказался идти на свое первое причастие.

Моя мать незадолго до этого умерла, изнуренная работой в булочной и необходимостью воспитывать трех детей на протяжении пяти лет, пока отец находился в армии. Поэтому на меня обрушились возмущенные моим поведением бабушка и тетки. Но моя протестантская семья приучила меня уважать и почитать моих предков-гугенотов, веками сражавшихся за свободу мысли и свободное отправление своей религии. Я чувствовал солидарность с ними, я представлял, что веду такое же сражение, и я не уступил. Тогда семья обратилась за помощью к пастору. Тот взялся за меня всерьез; с взволнованным видом он спросил, не утратил ли я веру. Его взволнованность погрузила меня в глубокую растерянность. Я ни на миг не мог представить, что он сам верит во все эти глупости, в которые старается заставить верить нас. Я рассматривал его как немного наивного отца, пытающегося сохранить веру в Деда Мороза

у своих детишек, у которых уже пробиваются усы. Естественно, со всем сопутствующим набором обещаний и угроз, чтобы дети как можно дольше оставались послушными.

Но его серьезный тон, его тревога, дрожащий голос и трясущиеся руки убедили меня в его искренности. Он верил во все то, что говорил! Мне стало бесконечно жаль его, и на многократно повторенный им вопрос: «Ответь мне, неужели ты утратил веру?» я тихо ответил: «Нет». Это не было, по сути, ложью – ведь я не мог утратить то, чего у меня не было.

В общем, я отправился на свое первое причастие, сделав это и для моей бабушки, которой исполнилось 86 лет, потому что мой отказ мог оказаться реальной угрозой для ее хрупкой жизни, и для этого бедняги-пастора, у которого мой отказ мог разрушить всю систему иллюзий, защищавших его абсурдную веру.

Когда этот прекрасный человек протянул нам чашу и поднос с кусочками хлеба, он снова задрожал, на этот раз от счастья. Он был убежден, что собравшиеся в церкви юноши думали о Христе с любовью и благодарностью, в то время, как они думали – я хорошо знал их – или о роскошном семейном обеде, ожидавшемся после церемонии причастия, или об отложенной игре в шарики, которую они собирались возобновить сразу же после окончания всей этой муры, или даже о девушках.

Он полагал, этот добряк, что в сердцах членов семей, наблюдавших за церемонией, в которой участвовали их херувимы, не было ничего, кроме любви к Богу и ближнему, в то время, как они изучали и сравнивали одеяния юношей, со злорадством обнаруживая те, что уже послужили одному или даже двум старшим братьям, отмечали плохо помытые уши и готовили запас язвительных замечаний, чтобы обменяться ими с соседями после окончания церемонии.

В это же время на противоположной стороне главной улицы, в католической церкви, такое же сборище питало такие же мысли перед таким же спектаклем.

И на всех лицах, как родителей, так и детей, как протестантов, так и католиков, было наклеено одно и то же благочестивое, слащавое выражение, маскирующее истинное безразличие и злобу.

Охвативший меня стыд не имел отношения к тому, чего я опасался – что преимущество в росте выставит мою физиономию на всеобщее обозрение; мне было стыдно за ложь, которую кто угодно мог прочитать на ней, за лживость на лицах всех других участников церемонии, за церковь, за невероятную историю, рассказанную этим простодушным, за ложь всем прихожанам, собравшимся в церкви и притворяющимся, что они верят.

Где же во всем этом была правда? Кто из сотен собравшихся в двух церквях заботился об этом?

Все они лгали, лгали, лгали…

Мои щеки и лоб горели от стыда. Я обливался потом. Проглоченный хлеб застрял у меня в глотке. Мне хотелось залпом выпить все вино из серебряной чаши и швырнуть ее в пропитанную елеем аудиторию, словно камень в болото с головастиками. Я удержался, но мне стало еще более стыдно за это. Мне стыдно и сегодня, стыдно за себя, стыдно за других, стыдно за всеобщую ложь Церквей, за их законы и законы общества, за ложь миллионов верующих, которые притворяются, что верят видимости, которую им предлагают.

Ложь – это болото, в котором тонет надежда человечества.

67

Мои предки-протестанты расстались с католической церковью потому, что им стало стыдно за нее. Они были не правы.

Никто не бросает жилье, которое показалось вам грязным. Его убирают.

Когда они расстались с церковью, Римская церковь устроила банный день, а они так и остались за дверью. Они оказались оторванными от традиций и лишились блага владеть этими секретными языками, которыми являются культовые действия, архитектура, одеяния и украшения священников, организация церковной иерархии и так далее. Разумеется, те, кто остался в доме, давно забыли смысл этих языков, но ведь если вы ищете дорогу в подвал, то вряд ли вы выйдете во двор и отправитесь спать в сарае.

Цикл Круглого стола, несомненно, созданный монахами, которые еще помнили, где находится свет, рассказывает в символической манере, используя в качестве образов представителей эпохи и обычаи того времени, как выглядел духовный маршрут, по которому нужно было пройти, чтобы достичь Круглого стола. Все эти образы стали совершенно непонятными для современного читателя; лишь отдельные из них сохранили очевидный смысл и остались ясными.

Например, Грааль, который должен отыскать Рыцарь, и который будет вознаграждением за его приключения. Это чаша, в которую стекла кровь Иисуса, пораженного ударом копья в бок. Он должен утолить жажду и голод странника, он сверкает невыносимым светом, подобно лику Моисея. Это всегда один и тот же образ.

Грааль, содержащий кровь Иисуса, это традиция, это ключ и дверь, это место, в котором хранится Истина.

Известно, что Грааль хранится в потайной комнате замка, охраняемого раненым королем. Король был ранен в бедро тем же копьем, которое нанесло рану в бок Иисусу, и эта рана не могла быть исцелена. Эта вечная рана кровоточила и причиняла королю мучения, но он не мог умереть, подобно тому, как не мог и излечиться. Ему поручено сберечь Грааль, он теряет кровь, рана его загнивает; он жалуется всем рыцарям, которые ищут путь к замку раненого короля, и те сочувствуют ему, жалеют этого несчастного, теряющего кровь при охране Грааля.

Когда один из рыцарей, преодолевший все преграды, разгадавший все дьявольские хитрости, победивший всех врагов, наконец, обнаруживает замок, входит в зал, где находится раненый король и, испытывая жалость к несчастному, спрашивает его о самочувствии, Грааль немедленно исчезает. Этот рыцарь больше никогда не увидит его.

Только Галахад, Белый рыцарь, войдя в замок, выкрикивает вопрос, который и должен быть задан. Он не беспокоится о здоровье короля. Он не считает себя ни врачом, ни плакальщицей, он пришел сюда не за тем, чтобы ставить пластырь. Не для того он прокладывал себе путь с раннего детства, преодолевая иллюзии, колдовство и ложь. Он пришел сюда ради Грааля, а не ради бедняги-короля. Поэтому, едва войдя в замок, он кричит, кричит нетерпеливо, почти гневно: «Где тут Грааль?»

И он получает свой Грааль.

Мне достаточно ясно, что король, хранитель Грааля, представляет собой церковь. Церковь материальна, церковь человечна, она не может и никогда не сможет быть абсолютно здоровой. Но какое значение имеют ее раны, какое значение имеет то, что они загнили и отвратительно пахнут? Нам некогда ни жалеть ее, ни пытаться исцелить эту неизлечимую плоть. Мы можем только крикнуть: «Где Бог?» И если церковь больше не в состоянии указать нам путь и нужную дверь, то мы будем искать вместе с ней.

68

Люди, которые отвернулись от духовности с ложным ликом, чтобы попытаться отыскать уверенность в реальности, сегодня начинают замечать, что она отнюдь не менее обманчива. Реальность – это не истина; все – это ничто; то, что мы видим – невидимо; коснуться мы можем только неосязаемого. Материя исчезает под ногами у материализма. Наши чувства и наш разум воспроизводят в нашем сознании архитектуру Вселенной, картина которой обладает глубиной не большей, чем театральные декорации. За фасадом, ограничивающим познание, перемещается вихрящаяся бесконечность уравновешивающих друг друга нематериальных сил. Эти силы, эта бесконечность, это равновесие, этот порядок, который можно обнаружить в ноже и в женской груди, в розе и в звезде, эта гигантская тщательная упорядоченность, которая создает все из ничего… Мы догадываемся, что это единственная реальность, всегда одна и та же реальность, проглядывающая сквозь обманчивые черты реализма и спиритуализма.

Поэтому те, кто пытается проникнуть за первую или за вторую декорацию, неизбежно встречаются друг с другом, едва они прорываются сквозь эти уловки, хотя и создается впечатление, что они двигались в противоположных направлениях.

69

Когда наши дети найдут ответы на наши вопросы, будут ли они удовлетворены? Найдут ли они объяснение, почему представители царства живых существ занимаются самоубийством, отыщут ли они оправдание терзаемой плоти?

Существует классическая проблема, которая может помочь нам понять необходимость живого. Вот ее суть.

Имеется герметично закрытая комната с непрозрачными стенами, внутри которой нет ни одного живого существа и отсутствуют какие-либо научные приборы. С потолка комнаты свисает на шнуре электрическая лампочка, которая включается снаружи. Если дать ток в лампочку, которая нормально функционирует, появится ли свет внутри комнаты?

Ответ вам покажется очевидным. Вы скажете: «Да! Конечно!»

Осторожно…

Давайте, подумаем.

Повторим опыт. Поместим в комнату фотоэлектрический элемент, связанный с находящимся снаружи гальванометром и будем наблюдать за его показаниями. Мы увидим, что когда лампочка включается, на гальванометр поступает электрический ток.

Сделаем ли мы из этого вывод, что лампочка испускает ток?

Конечно, нет. Лампочка может испускать лучи, фотоны, кванты… Остановимся на этом в ожидании появления новой теории и скажем просто, что она испускает колебания.

Фотоэлектрический элемент получает эти колебания и трансформирует их в электрический ток.

Теперь поместим в закрытую комнату рядом с элементом, подключенным к гальванометру, живой организм, имеющий орган зрения, связанный с нервной системой. И включим лампочку.

Лампочка излучает колебания.

Фотоэлемент улавливает их и преобразует в свет.

Глаз улавливает их и преобразует в свет.

Мы без особого сопротивления можем воспринять идею, что существуют живые организмы, обладающие, вместо глаза, воспринимающим органом, способным преобразовывать одни и те же колебания в звуки или в тепло, в осязательные ощущения или в вибрации, в запахи или в движения, в тысячи и тысячи других форм восприятия, которые мы даже не в состоянии представить, поскольку они находятся за пределами наших органов чувств.

Свет – это всего лишь свойственный нам один из бесчисленного количества способ воспринимать и трансформировать через посредство нашего глаза и нашего мозга испускаемые лампочкой колебания.

До тех пор, пока в комнате не появится тот, кто смог бы выполнить это преобразование, в закрытой комнате не будет света.

ТОЛЬКО ГЛАЗ СПОСОБЕН ПОРОДИТЬ СВЕТ.

Если в комнате не будет живого существа, чтобы видеть, чтобы наблюдать за творением тысячами или даже миллионами способов, из которых мы знакомы едва с полудюжиной, чем тогда будет Творение? Оно будет тем, чего вроде бы и не существует.

Оно будет менее, чем трупом. Оно будет неуловимым потому, что его некому будет улавливать. Оно будет ничем.

Не в этом ли заключается роль живого?

Обеспечить существование Вселенной, наблюдая ее?

Творец создает свое Творение. Вас смущает это слово – Творец? Меня тоже. Это отдает воскресной проповедью, вы словно слышите звенящий голос профессиональных проповедников Господа нашего, нашего доброго Бога. Впрочем, это достаточно простое слово, которое выражает именно то, что оно означает. Но его основательно измазали вареньем, прежде чем приклеить ему на подбородок ватную бороду. Это огромное, безграничное слово, лишенное точности, это слово-сущность, слово-функция, оно становится теперь экуменическим. Поэтому напишем, чтобы чувствовать себя более в своей тарелке: Творческий принцип создает свое Творение.

Это выражение тоже смущает меня. На этот раз нам поможет Жан-Поль Сартр, профессор филологии, разум которого освещен газовой лампой XIX века, тот-кого-не-удалось-обмануть.

Напишем: То-что-создает… И тем хуже для слов; если вы не чувствуете, что я хочу сказать, эта книга бесполезна. И вы тоже. И, конечно, я. Возможно, это и есть истина, которую мы ищем. Но мы имеем право надеяться на другое.

Итак, То-что-создало свое Творение.

Но если нет никого, чтобы узнать это, то получается, словно бы ничего и не было создано. Творение остается как бы несозданным, пока о нем никто не узнал. Живое дополняет творение Того-что-создает, осознавая то-что-было-создано. Великолепная роль для человека, вершины живого, роль волнующая, блистательная при условии, что он сознает это, что он знает, что он чувствует, что он живет, при условии, что он не проделывает свой жизненный путь подобно автомату, глухому, слепому, безрукому и абсурдному.

Но даже эта роль, ставящая мыслящего человека на уровень Бога, даже эта роль не может оправдать неоправдываемое. Существование тысяч Все¬ленных, всего Творения в целом, не оправдывает страдания ребенка, которого мучает больное ухо, страдания газели, которой львиные когти рас¬пороли брюхо, страдания плотвички, которую перекусили пополам зубы щуки.

Ничто не может оправдать страдания невинных. И Всего должно быть недостаточно, чтобы оправдать одного зарезанного ягненка.

70

Если нигде в Разъяснении не находится объяснение пролитой крови, то вполне нормальным будет наступление времени Бомбы.

Но я думаю не о крови человека.

Кровь человека будет отныне проливаться только им самим. И только потому, что он сам хочет этого. Ведь человек далеко не столь невинен, как ягненок или тигр. Когда он наносит рану, разрушает или убивает, он понимает, что он делает. И это убийство очень редко вызывается необходимостью. Страдание человека – это единственное страдание в мире живых существ, за которое никто не имеет права требовать отчета. Это его личное дело.

Кровь, о которой я думаю, это кровь великого побоища, в котором неизбежно принимает участие любое живое существо, едва оно появляется на свет. И именно благодаря этому появлению.

Если всеобщее смертоубийство, необходимое для поддержания жизни, не имеет иного основания кроме как поддерживать ее, если кровавая жертва, в которой каждое живое существо является одновременно и ножом палача и перерезанной глоткой, не имеет другой цели кроме сохранения страдающей плоти, чтобы она могла продолжать страдать, значит, вся система никуда не годится, значит, жизнь – дерьмо, и естественно и логично, что она в конце концов создала человека, а человек создал Бомбу.

Известно, что когда инженеры создают новый механизм, то они заставляют его работать на предельной мощности, чтобы испытать как следует. Если модель оказывается удачной, она выдерживает это испытание и затем делает все, что было предусмотрено его создателями. Если же он не проходит проверку, то его несовершенство разрушает его, когда он работает в пиковом режиме.

71

Сегодня 1 января 1966 года. Сегодня я должен закончить эту книгу, закончить, несмотря на все усилия двух моих внучек, которые царапаются в мою дверь, зовут меня, носятся по коридору, пытаясь поймать за хвост собаку, плачут, смеются, живут и ни в чем не сомневаются. А еще у меня есть два внука, которые живут на берегу моря. Четыре почки, которые уже несут в своих невинных клетках приказы рода, вида и жизни вообще. И до того, как эта книга выйдет из печати, возможно, появятся еще одна или две. Жизнь, любовь, вид – это не так уж мало!

Год заканчивается, год начинается, старая и юная Земля вращается, вращается вокруг своей оси, вокруг Солнца в бесконечном пустом пространстве, кружится, словно последний танцор, который не хочет, чтобы закончился бал. Солнце тоже вращается, вращается и увлекает за собой Землю, увлекает за собой планеты, которые кружатся, кружатся в великом туристическом турне по бесконечной Галактике. Галактика вращается, вращается, Вселенная кружится, фантастически огромное скопище частиц кружится, кружится и все это головокружительное вращение есть бесконечный вихрь ничего, нуля, пустоты.

Мои внучки бегают за собачьим хвостом. Они существуют, потому что живут. Единственная реальность – это жизнь.

Материя есть ничто иное, как иллюзия, Вселенная – это бесконечный вихрь пустоты; собачий хвост существует только потому, что маленькая живая девочка видит и хочет схватить его.

Я ощущаю себя таким же юным, как они, может быть, даже более юным, потому что мое любопытство и моя радость сильнее, чем у них.

Они живут. Я знаю, что я тоже живу. Мне понадобилось немало времени, чтобы узнать это. И я хочу узнать все остальное. Если не быть Богом, то на это будет недостаточно любого времени.

Год начинается, день кончается, надо укладывать детей спать.

Я хотел бы, чтобы слово "конец" уже было написано. Что будет завтра утром? Жизнь человека так коротка, время, которое есть у людей, возможно, никогда не закончится.

Может быть, их предназначение – сломать несовершенную машину.

Или, может быть, наоборот, они должны усовершенствовать ее.

Через век они, наверное, сметут с лица Земли все виды живых существ за исключением своего. Их будет не меньше пятидесяти миллиардов, они займут всю поверхность планеты. Не останется ни на континентах, ни под водой места для овцы, для кустика травы, для трески. Чтобы прокормить пятьдесят миллиардов человек, не буде времени на то, чтобы теленок стал быком, чтобы зернышко стало морковкой, чтобы пшеница созрела, чтобы

клубника стала красной. Придется ускоренно производить на заводах путем синтеза полный набор стерилизованных, витаминизированных, ароматизированных, упакован¬ных порциями продуктов, пригодных для потребления после того, как вы разорвете оболочку. Мы являемся одним из последних диких поколений, питающихся салатом и кровоточащим мясом. Наши не слишком отдаленные потомки содрогнутся от отвращения, при одной мысли о своих предках, питавшихся корнями, зернами, подземными клубнями и резавшими животных, куски мяса которых они использовали в пищу.

Человек, который окончательно выиграет войну видов, положит конец этой битве, уничтожив всех своих соперников. Человеческий род, единственная форма сохранившейся жизни, будет получать свою пищу на заводах непосредственно из минеральных веществ. Великое пожирание живых живыми, вечный цикл убийства, страха и страдания оборвется навсегда.

Человек, вершина земной эволюции, уничтожив своих предшест¬венников, которые произвели его, питали и обслуживали, положит конец болезненным и мрачным временам медленного созревания. В этом, может быть, смысл сущест¬вования рода человеческого.

На горизонте вырисовывается новое время.

Земля дала созреть своему зерну и собирается посеять его среди звезд.

Перед человеком открывается две возможных судьбы: или погибнуть в своей колыбели от своей собственной руки, от своей гениальности, от своей глупости, или же устремиться на вечные времена в бесконечность пространства и распространить по нему жизнь, избавленную от необходимости убивать.

Выбор надо будет сделать уже завтра.

Может быть, он уже сделан.

Сделан человеком? Или Видом? Или Жизнью? Или Планом?

Кем?

Или ЧЕМ?

P. S.

Иногда нас спрашивают, зачем мы размещаем в журнале такие странные литературные тексты?

Или ещё нас, бывает, спрашивают, зачем они вообще там нужны?

Порой нам задают вопросы, почему мы не пишем ясных комментариев к нашим материалам, и, случается, устраиваем неразбериху в структуре номеров.

Мы отвечаем вам всей редакцией: это нужно для того, чтобы дать ответ на вопрос в теме номера не с точки зрения редакции, а с самых разных позиций! Дать высказаться по теме и писателям, и публицистам, и мастерам визуального искусства! Каждый человек может выразить свою позицию так, что это станет новым взглядом на тему. Мы создаём именно такую возможность и определяем себе именно такую цель!

Иначе мы бы просто ответили цитатой блоггера в одном крупном интернет-портале:

" Python

27 августа 2011 года

"Бред. Большинство нормальных людей не регистрируются в соцсетях и не предоставляют правдивой информации о себе. "

Но теперь у вас есть более полная и разнобразная картина. И возможно, это вдохновит вас на собственный поиск. И возможно, вы отыщете то, что станет открвением для остальных.